

Созижа въ  
церкви мої,  
и въдата адвока  
не щодлѣтъ єї.  
(Ев. Мф. XVI, 18)

Аще же и церкви  
преславшаетъ.  
Буди тебѣ тако  
же газѣчникъ  
и мытарь  
(Ев. Мф. XVIII, 17)

1919

Ноябрь.

11



Митрополитъ  
Петръ

Святитель Алексій  
Митрополитъ Московскій  
и всѧ рїса.

Митрополитъ  
Іона

Петръ и  
Апли рѣша:  
погиновати-  
ся подобаєтъ  
Бгови паче,  
нѣжели чело-  
вѣкшъ.  
(Дѣян. Ап  
5 г 29 ст.)

# ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный  
журналъ.

---

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

---



1912 г. Ноябрь.



МОСКВА  
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ  
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ЦЕРК., СОБ. д.  
1912.



# С О Д Е Р Ж А Н И Е.

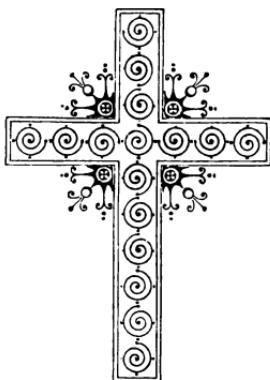
## О Т Д Е Л Ъ И Е Р В Ы Й.

	Стран.
1. <b>О правѣ церковнаго отлученія или анаѳематствованія.—</b> <i>Владимиръ, Митрополитъ Московскій . . . . .</i>	3— 35
2. <b>Входъ во храмъ пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи.—</b> <i>Василий, Епископъ Можайскій . . . . .</i>	36— 51
3. <b>Рѣчъ, при открытии противоалкогольного съѣзда въ Москвѣ 6-го августа 1912 года.—</b> <i>Арсеній, Архіепископъ Новгородскій . . . . .</i>	52— 61
4. <b>Рѣчъ, при закрытии въ Москвѣ всероссійскаго съѣзда практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ пьянствомъ —</b> <i>Митрофанъ, Епископъ Гомельскій . . . . .</i>	62— 66
5. <b>Страница изъ современного патерика.</b> — Епископъ Ніконъ, членъ Св. Синода и Гос. Совета . . . . .	67— 80
6. <b>Духовный дневникъ.</b> — Архимандритъ Арсеній . . . . .	81— 88
7. <b>Свѣточіи Православной Христовой Церкви.—</b> <i>М. Новоселовъ . . . . .</i>	89— 94
8. <b>Часовня.—</b> <i>* . . . . .</i>	95— 96
9. <b>Анализъ человѣческихъ страстей.—</b> <i>Иеромонахъ Николай . . . . .</i>	97—104
10. <b>Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ.—</b> <i>В. Николаевъ . . . . .</i>	105—129
11. <b>Мухаммаданское ученіе о пророкахъ.—</b> <i>К. Меркуровъ . . . . .</i>	130—140

## О Т Д Е Л Ъ В Т О Р О Й.

12. <b>Къ законопроекту о расширѣніи правъ женщины.—</b> <i>Николай, Архіепископъ Варшавскій . . . . .</i>	141—145
13. <b>Христіанская Церковь и современный соціализмъ.—</b> <i>И. Айвазовъ . . . . .</i>	146—173
14. <b>Программа для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ свѣдѣній по обличенію соціализма.—</b> <i>И. Айвазовъ . . . . .</i>	174—183
15. <b>Бібліографія — „Блуждающее богословіе“ Ф. Мельникова.—</b> <i>Н. Виноградскій . . . . .</i>	184—190
16. <b>Церковная хроника.—</b> <i>Московскій Отдѣлъ Православнаго Камчатскаго Братства.—И. М. . . . .</i>	191—192





## О правѣ церковнаго отлученія или анаѳематствованія.

Ни одно изъ дѣйствій церковной власти не порождало и не порождаетъ въ христіанскомъ обществѣ столько недоразумѣній, ропота и недовольства и не подвергалось и не подвергается такимъ нападкамъ со стороны свободно, но неправомыслящихъ людей, какъ наложеніе отлученія отъ Церкви, произнесеніе анаѳемы. Одни, не имѣя правильнаго понятія о значеніи, духъ и характеръ церковнаго отлученія, смотрятъ на него, какъ на дѣйствіе, не соответствующее духу христіанской любви, и возмущаются мнимою жестокостью, которую Церковь въ данномъ случаѣ доводитъ будто бы до крайности<sup>1)</sup>;

1) Богъ есть любовь,—говорятъ они.—Онъ *тако возлюби міръ, яко и Сына Своего Единороднаго да іхъ есть, да всякъ вѣрющій въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Иоан. 3, 16). Зачѣмъ же отлученіе въ Его Церкви? Зачѣмъ отлученіе отъ Бога и Христа послѣ того, какъ *врази бывши, примирихомся Богу смертю сына Его* (Рим. 5, 10)? Зачѣмъ проклятіе, когда Христосъ *искупилъ насъ отъ клятвы законнныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13; 2 Кор. 5, 17—27)? Евангеліе Господа Иисуса есть вѣсть мира и любви; нигдѣ не завѣщалъ Онь въ немъ ненависти или вражды, но повсюду заповѣдуетъ одну любовь всеобщемъющу (1 Кор. 13, 7). Церковь православ-

а другіе хотя и отдаютъ ему справедливость, какъ вѣшней, дисциплинарной мѣрѣ, но отрицаютъ въ немъ то; чтѣ составляетъ существенную принадлежность его, отрицаютъ внутреннюю силу и дѣйственность отлученія; нѣкоторые же до того простираютъ посягательство свое на церковное отлученіе, что отвергая богооткровенное происхожденіе церковнаго отлученія, называютъ его изобрѣтеніемъ среднихъ вѣковъ, порожденіемъ варварскаго времени, самовольно захваченнымъ духовенствомъ въ свои руки оружіемъ, служащимъ опорою для іерархического деспотизма, который якобы не хочетъ признавать никакихъ правъ за подчиненными<sup>1)</sup>).

Но говорить такъ—значитъ допускать такую несправедливость, больше которой трудно себѣ что-нибудь и представлять. Ибо наказаніе церковнаго отлученія такъ же древне, какъ и сама Церковь. Существенные элементы его въ нашей восточной православной Церкви<sup>2)</sup> были одни и тѣ же во всѣ времена, а если гдѣ и были измѣненія и добавленія, то это не болѣе какъ неизбѣжные результаты, съ внутреннею необходимостію вытекающіе изъ первоначальныхъ принциповъ и воззрѣній. Равнымъ образомъ, при ближайшемъ изслѣ-

---

ная должна быть хранительницею духа евангельского, духа Христова. Зачѣмъ же въ ней отсѣченіе отъ Христа, анаоема (см. „Христіанское Чтеніе“ 1826 г., ч. XXII, стр. 86)? „Церковъ громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь ко врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ,—съ этой точки зрѣнія непостижимо отлученіе отъ Церкви по распоряженію Синода“, говорить графиня С. Толстая въ недавнемъ письмѣ къ С.-Петербургскому митрополиту.

<sup>1)</sup> Эти мысли высказываются подъ вліяніемъ сочиненія „Recht Kirchenbannes“ Нерча, которое все отъ начала до конца дышитъ ненавистью и злобою противъ св. отцовъ и духовенства.

<sup>2)</sup> Разумѣемъ одну только православную Церковь, отнюдь не защищая тѣхъ злоупотребленій правомъ анаоематствованія, какія извѣстны намъ изъ средне-вѣковой практики римско-католической Церкви и гдѣ, замѣтимъ, заключается источникъ предубѣжденій противъ анаоематствованія и въ нашемъ обществѣ.

дованиі дѣла не оказывается здѣсь ни малѣйшаго слѣда жестокости, злобы и іерархического деспотизма; напротивъ, нигдѣ не ограничивается такъ произволъ и свое-воліе церковной власти, какъ въ томъ пунктѣ законо- положенія, гдѣ идетъ дѣло о примѣненіи отлученія— этого самаго тяжкаго изъ всѣхъ церковныхъ наказаній, и ничто не совершается церковнымъ начальствомъ съ такою скорбію, какъ отлученіе.

Въ предлагаемомъ изслѣдованиі мы намѣрены раскрыть истинный смыслъ и значеніе отлученія и, вопреки тѣхъ предубѣжденій противъ церковной власти и кривотолковъ, которые такъ громко раздаются особенно послѣ посланія Св. Сунода о графѣ Лѣвѣ Толстомъ, доказать божественную иниціативу этого наказанія, его необходимость и цѣлесообразность и показать, что оно проистекаетъ не изъ чувства ненависти и злобы, а изъ христіанской любви, состраданія и милосердія, и въ отношеніи гуманности стоитъ несравненно выше всѣхъ постановленій новѣйшаго уголовнаго уложенія.

---

### Понятіе о церковномъ отлученіи.

Всякое человѣческое общество, установившееся съ какою-нибудь внѣшнею цѣлью, имѣеть полное право исключать изъ среды своей тѣхъ изъ своихъ сочленовъ, которые не только не исполняютъ принятыхъ на себя обязанностей, но и противодѣйствуютъ стремлѣніямъ общества, задерживая, такимъ образомъ, достиженіе намѣченныхъ цѣлей. Изъятіе подобныхъ членовъ изъ общества и лишеніе ихъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, какія доставляетъ оно своимъ соучастникамъ, отнюдь, конечно, не безчестное дѣло. Оно не противно ни справедливости, ни правосудію и служитъ необхо-

димымъ для общества средствомъ къ его благосостоянію и самосохраненію. И нѣтъ мало-мальски благоустроенаго общества, которое не пользовалось бы этимъ правомъ и при своемъ основаніи не уполномочивало бы своихъ представителей и руководителей дѣлать изъ него въ потребныхъ случаяхъ надлежащее употребленіе. Имъ пользуются не только одни небольшіе кружки, но и цѣлые государства, когда настоитъ нужда освободиться отъ вредныхъ сочленовъ посредствомъ ссылки, заточенія и, въ крайнихъ случаяхъ, посредствомъ даже смертной казни.

Если же, такимъ образомъ, право изъятія или отлученія есть естественное, въ самой природѣ вещей лежащее право, если оно существуетъ и у вѣнчанихъ союзныхъ обществъ, преслѣдующихъ только вѣнчаніе, материальныя интересы и располагающихъ вдобавокъ другими дѣйствительными мѣрами къ достижению ихъ,— то тѣмъ болѣе умѣстно и необходимо право отлученія въ религіозныхъ обществахъ, которыя зиждутся единственно на нравственныхъ началахъ, имѣютъ высшія нравственныя задачи, для достижения которыхъ употребляютъ только нравственныя средства. Право исключать изъ среды своей тѣхъ изъ членовъ, которые своимъ неблагоповеденіемъ, несоблюденіемъ общественныхъ правилъ и законовъ являются соблазномъ для другихъ и наносятъ вредъ религіи, служитъ въ такихъ обществахъ главнымъ условіемъ ихъ благосостоянія, единственнымъ средствомъ сохранить свою честь и достоинство, а изверженныхъ привести къ раскаянію и исправленію. Поэтому, если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ изъ древнихъ языческихъ религій существовали такія учрежденія и обряды, которые тѣсно связаны съ этимъ правомъ отлученія, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ исторія.

У египтянъ, напримѣръ, не позволялось входить въ храмы пастухамъ свиней <sup>1)</sup>). У персовъ маги не допускали къ участію въ жертвоприношеніяхъ людей, покрытыхъ струпьями, или имѣвшихъ на лицѣ сыпь и какія-нибудь болѣзnenныя проявленія, равно какъ и тѣхъ, надъ которыми, еще при жизни ихъ, совершенъ быль погребальный обрядъ <sup>2)</sup>). У скиѳовъ не принимались жертвоприношенія отъ тѣхъ, которые не убили ни одного изъ своихъ непріятелей <sup>3)</sup>). У грековъ отлученіе налагалось на важныхъ преступниковъ съ общаго согласія народа и совершаemo было жрецами самымъ торжественнымъ образомъ, послѣ чего имя отлученного вырѣзывалось на каменныхъ столбахъ и такимъ образомъ передавалось потомству, какъ самое страшное и омерзительное <sup>4)</sup>). О галлахъ Юлій Цезарь замѣчаетъ, что если кто не подчинялся у нихъ распоряженіямъ и постановленіямъ ихъ жрецовъ, друидовъ, того устраяли они отъ участія въ богослуженіяхъ и это почиталось у нихъ величайшимъ изъ всѣхъ наказаній. На такого человѣка смотрѣли, какъ на отъявленного злодѣя и нечестивца. Его всѣ избѣгали; никто не вступалъ съ нимъ ни въ какое общеніе, боясь подвергнуть себя чрезъ это какой-либо опасности. Ему отказывали въ судѣ и не удостоивали никакихъ почестей. Особенно же такъ поступали съ людьми упорными, не поддававшимися никакимъ мѣрамъ исправленія <sup>5)</sup>). У древнихъ

1) *Herod.*, lib. 2.

2) *Бершацкій*. „Объ анаемѣ“, 69.

3) *Alexand.* lib. 4.

4) *Corn. Nepot.* in vita Alcib., cap. IV.

5) *De bello gallico*, lib. VI, cap. 13. Si qui aut privatus, aut publicus eorum decreto non stetit, sacrificiis interdicunt. Haec poena apud eos est gravissima; quibus ita est interdictum, ii numero impiorum et sceleratorum habentur; ab iis omnes decadunt aditum eorum sermonemque defugint, ne quid ex contagione incommodi accipiant; neque iis potentibus jus redditur, neque honos ullus communicatur.

германцевъ трусость на войнѣ признавалась за великій позоръ и самое тяжкое преступленіе. Кто, оставляя мечъ на полѣ битвы и бросая оружіе, обращался въ бѣгство, на того смотрѣли, какъ на самаго безчестнаго человѣка; его отлучали, какъ преступника, отъ всѣхъ богослужебныхъ дѣйствій и жертвоприношеній и не допускали ни къ какимъ публичнымъ собраніямъ. Онъ былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія, и нерѣдко такіе люди, чтобы положить конецъ своему тяжелому положенію, рѣшались на самоубійство <sup>1)</sup>). Существовало подобнаго рода отлученіе отъ религіознаго и политическаго общенія и въ Римскомъ государствѣ. Извѣстно, что отношенія между патрономъ и клиентомъ у римлянъ почитались священными: тотъ и другой взаимно предохраняли себя во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и оказывали другъ другу взаимную помощь; никто изъ нихъ не смѣлъ приносить на другого жалобу или давать на судѣ показанія не въ его пользу и вообще становиться на сторону его противника. А кто нарушалъ это право, того, по закону признавали у нихъ за измѣнника; его назначали въ жертву подземнымъ богамъ, исключали, какъ беззаконника, изъ общества, и каждый могъ убить его безнаказанно <sup>2)</sup>). Если авторъ, сообщающій это, вслѣдъ за симъ присовокупляетъ, что посвящать тѣла безнаказанно убиваемыхъ преступниковъ, въ смыслѣ жертвы, подземнымъ богамъ <sup>3)</sup> было обычаемъ римлянъ, то этотъ обычай мы находимъ вторично въ позднѣйшей исторіи Рима. *Divis devovere*, посвященіе фуріямъ, было не что иное, какъ торжественное изъятіе преступника изъ человѣческаго общества. Можно бы представить и еще нѣсколько истори-

<sup>1)</sup> См. *Taciti Germania*, cap. VI.

<sup>2)</sup> *Діонисій Галікарнасскій*, „Римскія древности“, кн. II, гл. 10.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

ческихъ доказательствъ на это<sup>1)</sup>, но и приведенныхъ достаточно, чтобы видѣть, что отлученіе отъ религіознаго общенія преступниковъ и нарушителей божественнаго закона уже и въ языческихъ религіяхъ почиталось естественнымъ и необходимымъ правомъ. И если мы не хотимъ утверждать, что это учрежденіе имѣло одну только нравственную сторону, безъ всякаго политическаго характера и вездѣ существовало въ опредѣленной и постоянной формѣ, то никто, равнымъ образомъ, не будетъ отвергать въ немъ ближайшаго сходства съ церковнымъ отлученіемъ.

Это отлученіе вѣдетъ свое начало отъ самыхъ первыхъ временъ человѣческаго рода. Первообразомъ его является грозное осужденіе съ его роковыми послѣдствіями, которое произнесъ Самъ Творецъ на нашихъ прародителей по ихъ грѣхопаденіи. *И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости, дѣлами землю, отъ нея же взяты бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости* (Быт. 3, 23—24). Это изгнаніе изъ рая есть первое отлученіе человѣка отъ непосредственнаго общенія съ Богомъ, сопровождавшееся для человѣка тяжелыми послѣдствіями. Близкій доселѣ къ Богу, онъ сталъ далекимъ отъ Него, чуждымъ Ему, рабомъ Его. Онъ лишился прежнихъ своихъ преимуществъ, и проклятие (что равносильно отлученію человѣка отъ Бога) отселѣ тяготѣть надъ всей землей. Лишившись непосредственнаго руководства Божія, онъ чаще и чаще нарушалъ теперь волю Божію, глубже и глубже падалъ нравственно; а чѣмъ глубже были эти паденія, тѣмъ грознѣе раздавался голосъ Владыки-Бога, подвергавшаго человѣка наказанію за всякое преступленіе противъ Его закона.

---

<sup>1)</sup> *Пери*, Recht Kirchenbannes, 3, 4 и 5.

Ветхозавѣтная исторія не мало даетъ намъ примѣровъ такихъ наказаній или отлученій, совершаемыхъ Самимъ Богомъ. Такъ, послѣ проклятія, бывшаго еще въ раю въ наказаніе за первое грѣхопаденіе прародителей (Быт. 3, 14—24), Онъ изрекаетъ проклятіе на первого сына прародителей, на братоубійцу Каина: и нынѣ, говоритъ Онъ ему: *проклятъ ты на земли, ажже разверзе уста своя пріятии кровь брата твоего отъ руки твоей... Стеня и трясыся будеши на земли* (Быт. 4, 11—12). А затѣмъ во всемирномъ потопѣ истреблено было, какъ недостойное милости Божіей, все развращенное человѣчество, за исключеніемъ Ноя съ семействомъ. Послѣ потопа, когда вновь размножившееся человѣчество не оказалось лучше, мы снова видимъ цѣлый рядъ отлученій, исходившихъ отъ Самаго Бога, а позже произносимыхъ отъ Его имени вѣрными рабами Его въ лицѣ первосвященниковъ, пророковъ и благочестивыхъ царей. Эти отлученія были или общія, каковы, напр., проклятіе, произнесенное Моисеемъ на преступниковъ закона (*проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесъхъ закона, еже творити я.* Второз. 27, 26; ср. 28, 15—68), а также Иисусомъ Навиномъ на Іерихонѣ (І. Нав. 1, 16), или частныя, въ отношеніи къ опредѣленному лицу, каковы, напр., отлученіе и казнь Корея, Даѳана и Авириона (Числ. 16, 1—40), отверженіе Саула (1 Цар. 15, 10—33) и др. Эти-то и другіе подобные имъ непререкаемые въ своемъ божественномъ характерѣ и дѣйственномъ значеніи примѣры отдельныхъ и какъ бы случайныхъ отлученій и положены были въ основу того обряда отлученія отъ религіознаго общенія, какой существовалъ у іудеевъ послѣплѣннаго периода.

Уже Ездра<sup>1)</sup> ясно упоминаетъ объ этомъ учрежде-

<sup>1)</sup> 2-я кн. Ездры, 9, 9.

ніи, какъ о дѣйствительно существующемъ, а позднѣйшіе раввины во многихъ мѣстахъ Талмуда сообщаютъ обѣ немъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Іудейское отлученіе, по свидѣтельству Талмуда, имѣло три степени. Самая низшая изъ нихъ называлась „нидуи“ (*nidui* отъ *nidoa* отдѣлять, исключать, выгонять, *афарізен* Лук. VI, 22) и состояла въ томъ, что подвергшійся этому наказанію отлучался на 30 дней отъ сообщенія съ другими, и никто, кроме жены и дѣтей, не смѣлъ подходить къ нему ближе, чѣмъ на 4 фута. Ему не дозволяли ни стричься, ни бриться, ни мыться и вмѣстѣ съ тѣмъ обязывали носить траурную одежду. Кто умиралъ въ отлученіи, на гробъ того судъ повелѣвалъ бросать тяжелые камни въ знакъ того, что онъ достоинъ побіенія камнями. Никто не смѣлъ ни сопровождать праха его на могилу, ни оплакивать его смерти. Посѣщеніе храма отлученнымъ этой степени хотя и дозволялось, но существовали особенные ворота, чрезъ которыя они должны были входить въ храмъ и выходить изъ него. Принимать и оказывать услуги, давать наставленія и выслушивать отвѣты отлученному хотя не воспрещалось, но съ непремѣннымъ соблюдениемъ узаконенного правила, т.-е. на разстояніи четырехъ локтей. Раввины насчитываютъ 24 грѣха, за которые подвергали малому отлученію, напримѣръ: сопротивленіе мірскому или духовному начальству, богохульство, клятвопреступленіе, свидѣтельство противъ единовѣрцевъ предъ языческими судьями, продажа язычникамъ недвижимаго имущества и т. д.<sup>1</sup>). Каждое частное лицо имѣло право подвергнуть этому наказанію другое, только при этомъ оно обязано было представить достаточно уважительную причину. Если же оно не было

1) *I. Buxtorf*, Lexicon chaldaic, talmubic et rabbinicum.

въ состояніі сдѣлать этого, то само подвергаемо было подобному наказанію. Если это отлученіе налагало не частное лицо, а судъ, то при этомъ дѣлалось всегда предостереженіе и особый вызовъ въ судъ. Отлученный освобождаемъ былъ отъ наказанія только тогда, когда обнаруживалъ искреннее раскаяніе и рѣшительное обѣщаніе исправиться. Если же онъ не дѣлалъ этого въ продолженіе 30 дней, то срокъ отлученія увеличивали иногда на 60, а иногда на 90 дней; а если и послѣ этого онъ продолжалъ упорствовать, то его подвергали великому отлученію, которое называлось „херемъ“ (cherem, отъ charam, выбрасывать, извергать, по-гречески ἐκβάλλει, Лук. VI, 22). На этой второй степени отлученіе всегда соединяемо было со многими и ужасными проклятіями, при чемъ всегда публично обнародывался приговоръ съ обозначеніемъ его основаній. Произносиль этотъ приговоръ судъ; но когда какія-либо обстоятельства не позволяли суду довести дѣло до конца, то для продолженія его нужно было соединиться, по крайней мѣрѣ, 10 членамъ общества. Дѣйствія херемъ состояли въ совершенномъ исключеніи осужденного изъ общества, въ совершенномъ устраненіи отъ религіознаго общенія, въ строжайшемъ запретѣ всякаго сношенія съ нимъ, а иногда и въ конфискованіи его имущества. Отлученный не имѣлъ права ни учить, ни учиться, ни принимать услугъ, ни оказывать ихъ другимъ. Никто не смѣлъ подходить къ нему, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда нужно было доставлять ему необходимыя средства къ жизни. Кто осмѣливался вступить съ отлученнымъ въ общеніе, тотъ самъ подвергался такому же наказанію. Въ случаѣ исправленія и чистосердечнаго раскаянія отлученного, его разрѣшали отъ наказанія, и это разрѣшеніе совершалось тою же высшею властью, или тѣмъ же самыемъ

лицомъ, которое и опредѣляло наказаніе. Разрѣшительная формула очень краткая и простая: „*absolutio tibi est et remittitur*“<sup>1)</sup>. Если же и послѣ этого отлученный оставался непреклоннымъ, то слѣдовало третье и самое тяжкое отлученіе — „шаммата“, которое совершалось публично и торжественно, при соблюденіи опредѣленныхъ церемоній и сопровождалось еще болѣе запальчивыми проклятіями<sup>2)</sup>. Отлученіе въ этой послѣдней степени имѣло такое значеніе, что отлучаемому, во имя Божіе, воспрещалось возвращеніе въ общество вѣрующихъ навсегда, и онъ представлялся уже суду Божію. Дѣйствительно ли словомъ *шаммата* обозначается послѣдняя и самая тяжкая ступень отлученія, или же это наказаніе тождественно съ „нидуи“ — вопросъ этотъ, бывшій долгое время предметомъ спора ученыхъ, не приведенъ къ окончательному решенію, но для нашей цѣли это и не существенно важно. Намъ довольно знать, что отлученіе у іудеевъ существовало и существовало въ довольно опредѣленной формѣ, и что это наказаніе вызывалось обстоятельствами и внутреннею необходимостію, какъ неизбѣжное средство для поддержанія общественной дисциплины и порядка.

Если такимъ образомъ всѣ вообще внѣхристіанскія религіи, не только языческія, а и богооткровенная іудейская ветхозавѣтная, въ интересахъ своей чести и достоинства и въ видахъ исправленія порочныхъ членовъ своихъ, находили нужнымъ исторгать ихъ изъ среды своей, — отлучать; то точно такъ же и христіанская Церковь, какъ общество вѣрующихъ, должна поль-

---

1) *Selden*, *De sinedriis*.

2) *Selden*, *De jure nat. et gent.*, p. 508—510. Хотя краткое, но исторически вѣрное изложеніе всѣхъ трехъ видовъ іудейского отлученія можно читать и въ книгѣ о „чинѣ православія“, ст. 13—17. Кіевской дух. академіи Стефана Семеновскаго, стр. 13—17.

зоваться этимъ средствомъ, и пользоваться тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ труднѣе исполненіе ея нравственныхъ требованій для естественаго человѣка и чѣмъ менѣе присущи ей, какъ чисто духовной власти, внѣшнія, принудительныя, насильственные мѣры. Уже въ томъ обстоятельствѣ, что она, посредствомъ крещенія, свободно принимаетъ въ свои нѣдра всякаго, кто исповѣдуется ея ученіе и обѣщаетъ исполнить ея заповѣди, заключается вмѣстѣ и естественное для нея право, полномочіе—отторгать отъ нѣдръ своихъ тѣхъ изъ сочленовъ, которые ниспровергаютъ ея ученіе и вредятъ ея дисциплинѣ; такъ что, если бы божественный Основатель Церкви и не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакого особаго постановленія, то обстоятельства религіозной жизни сами собою вынудили бы церковную власть сдѣлать изъ этого естественаго права практическое употребленіе и это было бы вполнѣ законно и справедливо.

Но какъ ясно вручилъ Господь апостоламъ и ихъ преемникамъ право и власть крестить и, такимъ образомъ, вводить въ Церковь достойныхъ, такъ точно ясно же уполномочилъ Онъ ихъ и отлучать отъ нея недостойныхъ. Ясное указаніе на дарованіе Господомъ Церкви этого послѣдняго полномочія находится въ заповѣди Его, записанной въ ев. Мате. 18, 15—18. *Аще же согрѣшиши къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще тебе послушаетъ, пріобрѣль еси брата твоего.* Таковы первыя слова этой заповѣди; они означаютъ, что если ближній твой обидитъ тебя словомъ или дѣломъ, или причинитъ какой-нибудь вредъ, то не переноси этого дѣла въ судъ тотчасъ же, но стань прежде глазъ на глазъ съ обидчикомъ, объясни ему его неправоту и постарайся самъ лично склонить его къ миру, раскаянію и исправленію.

Если успѣшь въ этомъ, то ты спасъ его, произвелъ въ немъ нравственный переворотъ и возвратилъ на путь добра; ибо, какъ говорить св. ап. Іаковъ, *обрати-вый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасеть душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20). — *Аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два; да при устахъ двою или трیехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ*, продолжаетъ Господь; т.-е. если первая попытка твоя къ обращенію грѣшника останется безъ послѣдствій, то усугубь свои увѣщанія, поставь дѣло гласно, сдѣлай обидчику наставленіе при свидѣтеляхъ, чтобы слова твои, въ ихъ присутствіи, имѣли болѣе силы, и онъ, видя ихъ единомысліе съ тобою, тѣмъ скорѣе пришелъ къ сознанію своего грѣха и исправленію; ибо „Спаситель,—какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,— ищетъ пользы не оскорбленнаго только, но и оскорбившаго“.— *Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь Церкви*; т.-е. если и предъ лицомъ свидѣтелей останется онъ непреклоннымъ, а твои убѣжденія къ исправленію безъ успѣха, въ такомъ случаѣ ты въ правѣ заявить объ этомъ обстоятельствѣ представителямъ Церкви, дабы эти послѣдніе, въ присутствіи общества, еще публичнѣе и убѣдительнѣе сдѣлали ему вразумленіе и еще настойчивѣе потребовали отъ него исправленія.— *Аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*; т.-е. если онъ настолько окажется закоснѣлымъ въ своемъ порочномъ направленіи, что пренебрежетъ и священный авторитетъ церковныхъ представителей, окажетъ и имъ явное и упорное сопротивленіе, тогда уже представители Церкви въ правѣ отлучить его, какъ упорнаго и неисправимаго, отъ своего общества и низвести его на степень такихъ людей, которые совсѣмъ не принадлежатъ къ Церкви.

Что въ такомъ, именно, а не въ другомъ какомъ-нибудь смыслъ нужно понимать приведенные слова Христовы: *ёστω σοὶ ωσπερ ὁ ἐθυγάρος καὶ ὁ τελώνης*—*буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь*,—это не подлежитъ сомнѣнію. По связи рѣчи, ихъ нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что если согрѣшившій братъ не послушаетъ и Церкви, то ты, обиженный, въ правѣ смотрѣть на него, какъ на безчестнаго человѣка, и, превративъ съ нимъ всякое общеніе, оставить его на его нечестивомъ пути, какъ это утверждаютъ протестанты. Здѣсь Господь говоритъ о рѣшеніи дѣла Церковію; слѣдовательно о дѣятельности пострадавшаго истца тутъ не должно быть и рѣчи. Представители Церкви, долгомъ служенія своего призванные къ обращенію грѣшника на путь спасенія, дѣлаютъ ему наставленія—напоминанія объ его обязанностяхъ и предостереженія отъ опасности, стараясь склонить его къ раскаянію. Если же онъ на все это отвѣчаетъ упорствомъ и сопротивленіемъ, то они именно и имѣютъ право въ дѣлѣ сопротивляющагося ихъ власти и авторитету итти далѣе и произносить окончательный судебный надъ нимъ приговоръ: *ёστω σοὶ ωσπερ ὁ ἐθυγάρος καὶ ὁ τελώνης*.—Что въ данномъ случаѣ имѣются въ виду дѣйствительно представители Церкви, какъ дѣйствующія лица, это ясно вытекаетъ и изъ непосредственно слѣдующихъ за этимъ словъ Спасителя, въ которыхъ Онъ, обращаясь къ апостоламъ, говоритъ: *Аминь бо глаголю вамъ (ὑμεῖς), елика аще связете на земли, будуть связана на небеси*: слово *ὑμεῖς*, стоящее здѣсь параллельно предыдущему слову *ἐκκλησίᾳ* (Церковь), ясно указываетъ на одинаковую дѣятельность какъ для этой (Церкви), такъ и для тѣхъ (апостоловъ). Если при настоящемъ *вязаніи* дѣйствующими лицами и судіями, рѣшающими дѣло и опредѣляющими наказаніе, являются апостолы,

то то же самое содергится и въ болѣе общемъ выражениі *ἐκκλησіа*.

Что же касается до самаго судебнаго рѣшенія или приговора, опредѣляемаго здѣсь церковною властью, то несомнѣнно, что подъ нимъ разумѣется отлученіе отъ Церкви, анаѳема, и слова: *ἔστω σοι ὥσπερ ὁ ἐθυγάτος καὶ ὁ τελώνης* суть не что иное, какъ прямая заповѣдь Спасителя объ отлученіи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы поближе разсмотримъ политическое и религіозное отношеніе, въ какомъ находились іудеи къ язычникамъ и мытарямъ, то наскъ поразить здѣсь рѣзкій рубежъ разобщенія и взаимнаго исключенія. Іудеи въ высшей степени ненавидѣли и презирали язычниковъ, какъ не принадлежащихъ къ избранному народу Божію <sup>1)</sup>, а язычники, въ свою очередь, совершенно уклонялись отъ вѣнчанихъ сношеній съ іудеями, какъ съ враждебнымъ имъ племенемъ человѣческаго рода, и эта непріязнь ихъ была такъ велика, что язычникъ въ случаяхъ даже самой крайней нужды не рѣшался не только просить какихъ-нибудь услугъ у своего сосѣда-іудея, но и принимать ихъ, хотя бы онѣ предлагаемы были ему безъ всякихъ съ его стороны домогательствъ. Онъ готовъ былъ скорѣе, въ совершенной безпомощности, предать себя волѣ судебнѣ, чѣмъ нарушить завѣтный обычай своей націи. Точно также и мытари были предметомъ всеобщей ненависти и презрѣнія (Мо. 9, 10; Лук. 7, 34), частію по причинѣ тѣхъ несправедливостей и притѣсненій, какія дѣлали они при взиманіи пошлинъ, частію же, а пожалуй, и главнымъ образомъ, потому, что они прямо передавались на сторону римскаго правительства и соблюдали только его интересы. Поэтому

<sup>1)</sup> Вследствіе этого они называли ихъ собаками, въ ненавистнѣшемъ смыслѣ этого слова. (Мо. 15, 26).

они, какъ нечестные люди и вымогатели, съ одной стороны, и какъ измѣнники своего народа и религіи— съ другой, настолько были ненавистны для всѣхъ, что считалось за грѣхъ имѣть съ ними какое-либо общеніе. Иногда ихъ даже подвергали, какъ враговъ своей религіи и своего племени, формальному отлученію отъ религіознаго общенія въ синагогахъ. Если же такія именно, а не другія, были, во времена Христа, отношенія между іudeями и язычниками и мытарями, то что другое Спаситель могъ выразить словами: *ὅτῳ δοι ὁ ἀσπερ ὁ ἐθυγός καὶ ὁ τελώνης*, какъ не уполномоченіе представителей общества отлучать отъ Церкви отъявленныхъ и закоснѣлыхъ грѣшниковъ, нарушителей ея законовъ, и ставить ихъ въ такое же отношеніе къ вѣрующимъ, въ какомъ находились язычники и мытари къ іudeямъ, такъ чтобы всѣ избѣгали сближенія съ ними и смотрѣли на нихъ уже не какъ на своихъ собратій по вѣрѣ, а какъ на чужихъ?

Справедливость такого пониманія приведенныхъ словъ Господа явствуетъ и изъ того, что данное мѣсто евангелія понимаемо было въ смыслѣ заповѣди объ отлученіи (анаѳематствованіи) всею древнею Церковью <sup>1)</sup>; но самимъ непререкаемымъ даже для протестантствующихъ свидѣтелемъ того, что Христосъ въ этихъ словахъ дѣйствительно разумѣетъ отлученіе отъ Церкви и преподаетъ особенное на это право апостоламъ и ихъ преемникамъ, конечно долженъ быть названъ св. апостолъ Павель. Строгою рѣчью упрекаетъ онъ коринѣское общество и его представителей, въ своемъ посланіи къ этой Церкви (1 Кор. 5, 1—5), за то, что они такъ долго терпѣли въ своей средѣ кровосмѣсника

<sup>1)</sup> Читай у Златоуста 18-ю бесѣду на Матея, у Оригена *Commentar in Evang. Mathei.*, у Августина *Contra adversar.*, т. I, стр. 17 и др.

и не удаля  
саётся его  
опредѣлилъ  
плоти. Если  
изъ среды)  
сатана<sup>1</sup> (пред  
иначе, какъ  
апостолъ го<sup>т</sup>  
наказаніе во  
мати,... сън тѣ  
то это, несомнѣн  
томъ, что пред  
основаніе въ  
Христомъ Егъ

имъ и въ дѣйствіи съ относительно Именея и Александра, о которыхъ онъ говоритъ: *ихъ же предахъ сатанъ, да накажутся не хулити* (1 Тим. 1, 20). Ибо здѣсь онъ, хотя прямо и не говоритъ, что онъ дѣйствуетъ именемъ и силою Христа, но та увѣренность, та смѣлая рѣшительность, съ какою онъ совершаетъ это дѣло, совершенно ясно показываютъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ былъ въ своемъ божественномъ полномочіи на это дѣло и смотрѣлъ на свое опредѣленіе наказанія, какъ на нечто понятное само собою и непрекаемое.—На свое высокое полномочіе отлучать отъ общенія съ Церковію онъ довольно прозрачный намекъ даетъ еще, когда обращается къ коринѳянамъ съ властнымъ словомъ: *что хощете? съ палицею ли прииду къ вамъ, или съ любовию и духомъ кротости?* (1 Кор. 4, 21). Наконецъ, когда послѣ самого строгаго и настоятельнаго убѣжденія коринѳянъ къ покаянію и исправленію своей порочной жизни во-

<sup>1)</sup> Златоустъ,—Бесѣда V на 1-е посланіе къ Тимофею.

обще и къ воздержанію отъ нецѣломудрія и разврата въ частности, онъ высказываетъ имъ угрозу: *не сый у васъ сie пишу, да не пришедъ безицадно соторю по власти, юже Господь далъ ми есть въ созиданіе, а не въ разореніе* (2 Кор. 13. 10); то въ этомъ опять заключается ясное указаніе на дарованную Христомъ ему, а слѣдовательно, и другимъ апостоламъ и ихъ преемникамъ власть отлучать упорныхъ и неисправимыхъ сыновъ Церкви отъ общенія съ нею.

Согласно этимъ изреченіямъ священного Писанія, наша православная Церковь съ самаго начала существованія держалась и держится того убѣжденія, что отлученіе есть божественное учрежденіе и что епископы, опредѣляя такое наказаніе, дѣйствуютъ во имя и по порученію Бога. Св. Кипріанъ не разъ высказывался, что епископы имѣютъ право и обязаны отлучать отъ Церкви нарушителей божественного закона, еретиковъ и соблазнителей вѣрныхъ именемъ Христа и по Его повелѣнію, что они не должны обращать ни малѣйшаго вниманія ни на угрозы, ни на ненависть, ни на преслѣдованія со стороны отлучаемыхъ и ни подъ какимъ предлогомъ не должны поступаться своими правами, такъ какъ они дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ властію Христа. „Богъ, говоритъ онъ, посредниками и служителями Котораго они при этомъ являются, сохранитъ ихъ <sup>1)</sup>“. Блаженный Августинъ епископу Авксинію, отлучившему отъ Церкви извѣстнаго Фелициссима со всѣмъ его семействомъ безъ достаточныхъ основаній, пишетъ, что „онъ долженъ отмѣнить свой приговоръ, потому что отлученіе его противно какъ правосудію и справедливости, такъ и христіанскому смиренію и кротости, ибо онъ невинныхъ подвергъ

<sup>1)</sup> „О единствѣ Церкви“.

такому наказанію, которое, будучи божественнымъ установлениемъ, влечетъ за собою самыя тяжкія послѣдствія, касаясь не одного только тѣла, но и души, дѣлая для послѣдней сомнительною возможность спасенія. Блаженный Іеронимъ, съ употребленіемъ буквального выраженія ап. Павла, говоритъ: „мнѣ не подобаетъ сидѣть прежде пресвитера, ибо онъ можетъ предать меня сатанѣ, въ измѣжденіе плоти, чтобы душъ спасти. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ не повиновавшійся левитамъ изгонялся изъ стана и побиваемъ былъ камнями, такъ и теперь подобнаго рода противникъ усъкается мечомъ духовнымъ, т.-е. извергаемый изъ нѣдръ церковныхъ предается во власть и на истязаніе злого духа“. Это мѣсто даетъ ясный намекъ на учрежденное Самимъ Богомъ (Второз. XVII, 12) наказаніе смертію. Іеронимъ ставить это наказаніе, по его происхожденію и цѣли, на одну степень съ новозавѣтнымъ отлученіемъ и это послѣднее понимаетъ, слѣдовательно, какъ божественное учрежденіе. Прекрасно и недвусмысленно выражаетъ эту мысль и св. Златоустъ, когда, рисуя тяжелыя послѣдствія отлученія, говоритъ: „пусть никто не презираетъ узы Церкви, ибо вяжущій здѣсь не человѣкъ, но Христосъ, даровавшій намъ эту власть, и Господь, сподобившій людей такой великой чести“.

Такъ какъ Церковь право отлученія всегда понимала, какъ право, дарованное ей Самимъ Христомъ, то она, слѣдуя примѣру апостоловъ, съ самаго основанія своего, дѣлала изъ этого права практическое употребленіе. Папа Викторъ отлучилъ еретика Эеодота-священника <sup>1)</sup>). Монтанъ и его приверженцы были подвергнуты запрещенію малоазійскими соборами <sup>2)</sup>, а Маркіонъ, сынъ

<sup>1)</sup> См. въ „Церковной исторіи“ Евсевія, кн. V, гл. 28.

<sup>2)</sup> Тамъ же, кн. I, гл. 16.

понтійского епископа, за тяжкій грѣхъ нецѣломудрія, отлученъ былъ отъ церковнаго общенія отцомъ своимъ. Всѣ эти факты относятся ко II вѣку, и едва ли нужно замѣчать, что впослѣдствіи времени, когда все болѣе и болѣе росло число вѣрующихъ членовъ, все болѣе и болѣе ослабѣвала ревность по вѣрѣ и упадала первоначальная нравственная чистота въ ихъ жизни, употребленіе этого наказанія становилось все чаще и чаще.

Хотя невольное, но несомнѣнное доказательство того, что церковное отлученіе есть божественное учрежденіе, даетъ, наконецъ, и протестантская Церковь. Выходя изъ того положенія, что въ ученіи и практикѣ церковной можно принимать и оправдывать только то, что основано на священномъ Писаніи, она употребляеть отлученіе, какъ живую часть церковной дисциплины, какъ средство къ сохраненію послѣдней. Какъ самъ Лютеръ <sup>1)</sup>, такъ и Кальвинъ <sup>2)</sup>, на основаніи приведенныхъ нами мѣстъ св. Писанія, также признавали божественную иниціативу отлученія, какъ и наша православная, а затѣмъ и католическая Церковь. Согласно съ послѣдними и они приписывали ему тѣ же самыя

---

1) Перечисливъ мѣста св. Писанія, въ которыхъ говорится о церковномъ отлученіи, Лютеръ говорить: „эти и подобныя мѣста суть неизмѣннаѧ заповѣдь великаго Бога; мы не въ правѣ отмѣнить се. Хотя царство и зло употребляеть правомъ отлученія, допуская это во вредъ Церкви, тѣмъ не менѣе не отмѣнить, а лишь правильнѣ и съ надежащею осторожностию употреблять его должны мы по волѣ и заповѣди Христової“ (см. *F. Tischreden*. Frankfurt, Ausgabe 1569 г., S. 177).

2) Въ формулѣ экскоммуникаціи, составленной Кальвиномъ, говорится: „Мы, служители Божіи, сражающіеся оружіемъ духа, мы, которымъ дана власть вязать и рѣшить, исторгли N.N. во имя и по власти Іисуса Христа изъ нѣдѣль церковныхъ,—отлучили и устранили его отъ общенія съ вѣрующими; да будетъ онъ проклятъ между ними; да отвращаются отъ него всѣ, какъ отъ язвы, и да не имѣтъ съ нимъ никто никакого общенія и сопеченій. Этотъ приговоръ отлученія подтвердить и Сынъ Божій“ (см. *Leb n Kalwins*, 11, S. 31).

дѣйствія, свойства и силу <sup>1)</sup>). Символіческія книги протестантской Церкви также высказываются за соблюденіе отлученія, а въ церковныхъ постановленіяхъ различныхъ странъ встрѣчаются нерѣдко предписанія даже и о томъ, какъ, какимъ способомъ и порядкомъ оно должно совершаться, и какими словами долженъ произноситься приговоръ о немъ.

Если все, сказанное нами доселѣ, приводитъ насть къ заключенію, что отлученіе состоить въ совершенномъ устраниеніи отъ Церкви, что оно основывается не на естественномъ только правѣ, но учреждено Самимъ Христомъ; то этимъ далеко еще не исчерпывается понятіе и содержаніе этого наказанія. Оно состоитъ не въ одномъ только вѣшнемъ изъятіи или отдѣленіи отъ общества вѣрующихъ, но сопровождается несравненно болѣе важными послѣдствіями и дѣйствіями,— послѣдствіями духовно-нравственного свойства. Установивъ отлученіе словами: *аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебе якоже язычникъ и мытарь, Господь нашъ Иисусъ Христосъ присоединяеть къ этому такія знаменательныя слова: аминь бо глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будуть связана на небеси* (Мате. 12, 18). Такимъ образомъ здѣсь идетъ дѣло о такомъ приговорѣ церковнаго суда, о такомъ наказаніи, дѣйствіе и границы котораго шире, чѣмъ судебныя рѣшенія мірскихъ властей,—о наказаніи, переходящемъ за предѣлы земного бытія, наказаніи, касающемся души, которое, будучи произнесено на землѣ, имѣетъ подтвердиться, оставаться въ своей силѣ и на небѣ. Внутренняя дѣйствѣнность отлученія не такова, конечно,

---

<sup>1)</sup> „Старайся, говорю я, чтобы отлученіе отъ Церкви совершаю было правильно и законнымъ образомъ, ибо оно влечетъ за собою страшный судъ Божій“. *Tischreden*, S. 176.

чтобы оно само по себѣ, независимо отъ нравственного состоянія отлучаемаго, отдѣляло отъ Бога и лишало божественной благодати. Если бы оно, хотя бы и совершенно правильнымъ узаконеннымъ образомъ, произнесено было надъ невиннымъ человѣкомъ, то это нисколько не измѣнило бы его отношеній къ Богу, не отдалило бы его отъ Бога,—только грѣхи могутъ удалять его отъ Бога и лишать Его благодати. Грѣхъ и произведенное имъ разобщеніе съ Богомъ есть необходимое предположеніе дѣйствительного отлученія. Внутренняя сущность послѣдняго состоитъ въ томъ, что оно подвергаетъ грѣшника, и безъ того разобщеннаго съ Богомъ, еще большей опасности и къ одному его несчастію прилагаетъ новое несчастіе. Ибо оно лишаетъ человѣка той помощи и благодати, которыя Церковь предлагаетъ всѣмъ своимъ собратіямъ. Оно отнимаетъ у него тѣ блага и преимущества, которыя пріобрѣтены имъ въ таинствѣ св. крещенія. Оно совсѣмъ отсѣкаетъ его отъ церковнаго организма. Для отлученного чужды и не дѣйствительны уже заслуги и ходатайства святыхъ, молитвы и добрыя дѣла вѣрующихъ. Ему недоступно принятіе св. тайнъ, Онъ лишенъ и тѣхъ благъ, которыя отсюда изливаются на вѣрующихъ чадъ Церкви. Онъ оторванъ отъ Христа и Его живого тѣла, отъ Его искупительныхъ заслугъ и тѣхъ благодатныхъ средствъ, какія доставляютъ они человѣку. Грѣшникъ и безбожный нечестивецъ, пока его не коснулось еще отлученіе, все еще членъ Церкви, и хотя онъ самъ по себѣ уже не участвуетъ въ ея благодати, но молитвы, нравственныя заслуги и добродѣтели его собратій могутъ исходатайствовать ему снова Божію милость и благоволеніе; отлученному же недоступна и эта косвенная помощь, онъ исключительно предоставленъ самому себѣ и, лишенный благодатныхъ

средствъ, всегда присущихъ Церкви, безъ опоры и помощи, безъ защиты и обороны, преданъ во власть лукаваго. Таково, по своему свойству, наказаніе отлученія,—наказаніе, поистинѣ, тяжкое и страшное. Будучи наложено на землѣ, оно не слагается и на небѣ; начавшись во времени, оно продолжается вѣчно.

Съ такой, а не другой точки зрѣнія разсматривала Церковь всегда сущность отлученія; такія, а не иныя она всегда признавала за нимъ дѣйствія и характеристическая свойства. Уже апостолъ Павелъ прекрасно выражаетъ это, какъ *пара́ди́уи тѣ озлу́и*, какъ передача, врученіе сатанѣ; ибо какъ внутри Церкви господствуетъ Христосъ, и вѣрующіе члены ея находятся подъ Его покровительствомъ, такъ и внѣ ея—царство лукаваго, гдѣ господствуетъ сатана. Изверженный изъ Церкви подпадаетъ его жестокому господству безъ высшей помощи и защиты, какъ нѣкогда дохристіанскоѳ человѣчество, испытываетъ его козни и искушенія и все болѣе и болѣе опутывается узами грѣха. Не менѣе удачно и мѣтко сравниваютъ св. отцы<sup>1)</sup> наказаніе церковнаго отлученія съ изгнаніемъ Адама и Евы изъ рая. Какъ прародители наши, преступленіемъ заповѣди навлекшіе на себя гнѣвъ Божій, изгнаны были изъ того мѣста, гдѣ доселѣ бесѣдовалъ съ ними Богъ, и, лишенные божественной благодати, предоставлены были во всѣхъ жизненныхъ приключеніяхъ и вражескихъ искушеніяхъ, исключительно своимъ собственнымъ силамъ, такъ и изверженный изъ Церкви, гдѣ онъ находился въ живомъ общеніи съ Богомъ, беспомощный, безоруженный предается во власть темныхъ враждебныхъ силъ діавола. Далѣе, наказаніе отлученія у св. отцовъ Церкви нерѣдко называется духов-

<sup>1)</sup> Напр. Иеронимъ, Августинъ.

ною смертю, по сравненію его съ смертю тѣлесною. Когда такъ называютъ они отлученіе, то въ основаніи этого выраженія лежитъ то представленіе, что душа, лишенная церковной благодати, высшей помощи и божественной защиты, постепенно изнемогаетъ въ борьбѣ со зломъ и, въ случаѣ закоснѣнія въ состояніи грѣха и нераскаянности, лишается возможности исправиться или, что то же, нравственно умираетъ; что какъ мечъ полагаетъ конецъ тѣлесной жизни, такъ исторженіе изъ Церкви, въ послѣдней инстанціи, влечетъ за собою смерть духовную<sup>1</sup>). Ту же самую мысль хотятъ, наконецъ, выразить отцы Церкви, когда представляютъ отлученіе отъ Церкви, какъ первообразъ, какъ начало будущаго страшнаго суда Божія<sup>2</sup>). Ибо когда отлученный коснѣтъ въ своей нераскаянности и безъ помощи благодати все дальше и дальше удаляется отъ Бога, все глубже и глубже погружается въ бездну грѣха, то это можетъ кончиться только совершенной и вѣчною погибелью, и наказаніе отлученія дѣйствительно является здѣсь началомъ и, такъ сказать, приступомъ божественнаго суда.

Кто въ состояніи понять, что значитъ быть членомъ Церкви, находится въ живой, органической связи съ тѣломъ Христа и участвовать, чрезъ это, во всѣхъ благодатныхъ дарахъ и благахъ Его искупленія, тому само собою будетъ понятно, почему отлученіе отъ этого спасительного общенія Церковь во всѣ времена понимала, какъ самое большое и самое тяжкое наказаніе. Святый Ioannъ Златоустъ кратко обозначаетъ его, какъ *τιμωρία πχρῷ τιμωρίῳ χαλεπωτέρα*; а Августинъ называетъ его *damnatio, qua poena in ecclesia nulla maior*

<sup>1)</sup> Геронимъ, Epist. XIV ad Heliodor.

<sup>2)</sup> Тертулліанъ, Apolog., 31.

est<sup>1</sup>), т.-е. такимъ наказаніемъ церковнымъ, болѣе котораго не можетъ быть.

Сообразно такому воззрѣнію на сущность и значеніе отлученія, Церковь, прибѣгая къ этому тягчайшему изъ всѣхъ наказаній (poenarum omnium gravissima) только въ самой крайней нуждѣ, когда не видѣлось уже никакого другого исхода, всегда дѣйствовала, по слову св. апостола, съ великою скорбію, съ *тугою сердца и многими слезами* (2 Кор. 2, 4). Какъ нѣкогда оглашеннаго, по принятіи имъ св. крещенія—этого величайшаго изъ всѣхъ благъ Церкви,—братія встрѣчала съ радостію и ликованіемъ и благожелательно привѣтствовала, какъ новаго друга и сотоварища, такъ, на противъ, отлученіе отъ Церкви, лишающее права на общеніе съ отлучаемымъ, совершалось всегда съ глубокою скорбію и слезами<sup>2</sup>). Изъ многихъ фактовъ, служащихъ подтвержденіемъ этой мысли, мы приведемъ здѣсь слѣдующіе два. Соборъ Ефесскій, въ приговорѣ своемъ противъ Несторія, говоритъ: „Вынужденные правилами и посланіемъ св. отца нашего и сослужителя Келестина, епископа римской Церкви, съ великими слезами приступаемъ къ этому печальному противъ него рѣшенію. Поносимый Несторіемъ Господь Іисусъ Христосъ, въ лицѣ настоящаго собора, опредѣляетъ, чтобы онъ (Несторій) лишенъ былъ епископскаго сана и всякаго священническаго сообщества“. Таковъ же по внутреннему своему содержанію и характеру и приговоръ Константинопольского собора, произнесенный надъ Евтихіемъ. Онъ гласитъ: „Того ради, скорбя и оплакивая его полное заблужденіе и непокорность, мы, во имя Господа нашего Іисуса Христа,

<sup>1</sup>) *De corruptione et gratia*, с. XV.

<sup>2</sup>) *Bingam*, Origen, кн. VII, гл. IV, стр. 5.

Котораго хулигъ онъ (Евтихій), опредѣлили отрѣшить его отъ всѣхъ священническихъ правъ и обязанностей, отлучить отъ нашего общества и лишить должности монастырскаго настоятеля. Всякій, кто будетъ имѣть съ нимъ сношеніе, пусть знаетъ, что и онъ подвергнется такому же отлученію (Harduin, 11, р. 163).

Но хотя отлученіе, какъ видно изъ сказаннаго, есть самое большое и самое тяжкое изъ всѣхъ церковныхъ наказаній, хотя оно отнимаетъ у отлученнаго закоснѣлаго грѣшника всѣ духовныя блага, пріобрѣтеныя имъ черезъ святое крещеніе, однако Церковь, подвергая его этому наказанію, отнюдь не имѣетъ цѣлью отрѣзать ему, такъ сказать, путь къ спасенію и причинить вѣчную погибель, но, наоборотъ, хочетъ привести его къ этому спасенію, возвративъ на истинный путь. Церковь, скажемъ словами апостола, получила право отлученія *для назиданія, а не для разоренія* (2 Кор. 13, 10). Въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ, какъ намѣстница Того, Который приходилъ не погубить души человѣческія, но спасти ихъ<sup>1</sup>). Что Церковь при отлученіи имѣетъ своею цѣлью прежде всего исправленіе и спасеніе отлучаемаго, это не разъ и весьма ясно засвидѣтельствовано въ священномъ Писаніи. Такъ, апостолъ Павелъ предалъ коринѣскаго кровосмѣсника сатанѣ въ изможденіе плоти, *чтобы спасти духъ его*.

Какимъ же образомъ можетъ совершиться это спасительное дѣйствіе отлученія? Какимъ образомъ изможденіемъ плоти можно спасти душу? Въ отвѣтъ на этотъ неизбѣжный и насущный вопросъ нужно помнить, что грѣшникъ, отлученный отъ Церкви, вообразивъ всю великость наказанія и несчастія, постигшаго

<sup>1)</sup> Прекрасно развита эта мысль въ сочиненіи Семенова, стул. Кіевской академіи, „О чинѣ православія“.

его, представивъ себѣ ту страшную бездну, въ которую низринутъ онъ, тѣ опасности, которыми угрожаетъ ему отторженіе отъ нѣдръ Церкви и тѣла Христова, не можетъ не отрезвиться, и не прійти къ сознанію своего печального положенія и не восчувствовать глубокой скорби. А эта скорбь, это сознаніе, естественно, должны подавить въ немъ тѣ страсти и порочные чувственныя наклонности (изможденіе плоти), коими онъ навлекъ на себя это наказаніе, должны переломить его упорство и сопротивленіе, которымъ онъ отвѣчалъ на всѣ требованія Церкви. Въ этомъ случаѣ онъ, такъ сказать, вынужденъ бываетъ перемѣнить превратный образъ своей жизни и мыслей и въ чувствахъ раскаянія возвратиться въ нѣдра Церкви, чтобы испросить прощеніе, сдѣлаться снова участникомъ благодати и такимъ образомъ спасти свою душу, какъ это дѣйствительно и было съ коринѣскимъ кровосмѣсителемъ, который, принесши чистосердечное раскаяніе, снова былъ принятъ въ общеніе съ Церковію.

Въ такомъ же точно смыслѣ говоритъ апостолъ и объ Именеъ и Александрѣ, что онъ предалъ ихъ сатанѣ, дабы научились они не богохульствовать (1 Тим. 1, 20); т.-е. онъ при отлученіи ихъ имѣлъ въ виду привести ихъ къ сознанію своей вины и заставить измѣнить свой преступный образъ мыслей, выражавшійся преимущественно въ хульѣ на Христа и христіанскую вѣру,—словомъ, отлучилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы, подобно коринѣянину, спасти ихъ души. Наконецъ, когда апостолъ Павелъ пишетъ къ солунянамъ: *аще же кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ его назнаменуйте, и не примѣшайтесь ему, да посрамится* (2 Сол. 3, 14), то этимъ хочетъ сказать, что противившихся его постановленіямъ должно отлучать отъ Церкви и прерывать съ ними всякое общеніе, дабы они

пришли къ сознанію своего беззаконія и подчинились его требованіямъ.

Такъ какъ въ священномъ Писаніи отлученіе вездѣ представляется, какъ средство исключительно исправительное, то и Церковь во всѣ времена признавала за нимъ то же самое значеніе и примѣняла его къ дѣлу съ тою же самою цѣлью. Разсуждая о цѣли отлученія, Иоаннъ Златоустъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что апостолъ Павелъ не всецѣло отдалъ кровосмѣсника во власть сатаны (послѣдняго онъ употребилъ, какъ орудіе для достиженія своей цѣли—исправленія грѣшника), т.-е. чтобы отлученный, подъ властью врага человѣческаго рода, очнулся, пришелъ въ себя и, по принесеніи покаянія, снова былъ принятъ въ Церковь, какъ живой членъ ея. „Велико наказаніе отлученія, но еще больше его польза: то—только временное и мимолетное, а это—простирается въ вѣчность“. Равно и блаж. Августинъ не разъ и самымъ явственнымъ образомъ отмѣчаетъ исправленіе виновнаго, какъ самую главную цѣль отлученія. Оно есть самое тяжелое наказаніе, какое только можетъ касаться христіанъ; однакожъ, употребляя его, Церковь дѣйствуетъ отнюдь не по страсти гнѣва и мести, но проникаясь тою любовью и жалостію, какая присуща бываетъ сердцу пастыря при похищенніи изъ его стада овцы. Ея дѣятельность въ этомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Августинъ, есть „*misericors severitas*“.

Впрочемъ, при опредѣленіи наказанія отлученія вниманіе церковной власти обращается не на одно только лицо отлучаемаго, но также и на честь Церкви и благо ея членовъ. Такъ какъ честь и достоинство Церкви первѣе всего состоитъ въ томъ, чтобы члены ея чистотою своихъ нравовъ, высоконравственнымъ, безупречнымъ образомъ жизни доказывали истинность

своей религії и божественность ея происхожденія, то, по мѣрѣ развитія между ними беззаконій и порока, она теряла бы свой авторитетъ и уваженіе, и тѣмъ болѣе унизила бы свое достоинство, если бы стала держать въ своихъ нѣдрахъ или, по крайней мѣрѣ, оставлять безнаказанными отъявленныхъ и грубыхъ грѣшниковъ. Вотъ почему, не желая ронять своего достоинства и давать лишнее противъ себя оружіе въ руки врагамъ своимъ, Церковь всегда считала и считаетъ своимъ долгомъ упорныхъ и неисправимыхъ грѣшниковъ подвергать формальному отлученію. Этотъ мотивъ для опредѣленія отлученія весьма естественъ и понятенъ для каждого. Хотя онъ и не въ такой мѣрѣ, какъ другіе, обезпечивается и подтверждается историческими данными, однакожъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что онъ во многихъ случаѣахъ былъ главнымъ и рѣшительнымъ основаніемъ при опредѣленіи этого наказанія; ибо кому неизвѣстно, съ какою неослабною заботливостью Церковь, вопреки язычникамъ, старалась сохранить доброе о себѣ мнѣніе и какъ высоко она держала знамя своей чести во всѣхъ отношеніяхъ? Въ подтвержденіе этой мысли можно указать на одинъ исторической фактъ. Когда епископъ Евкратій обратился къ св. Кипріану съ вопросомъ: должно ли нѣкоего лицедѣя, учившаго своему искусству дѣтей, терпѣть въ обществѣ и имѣть съ нимъ сношеніе, то послѣдній отвѣчалъ, что это не согласно ни съ величиемъ Божіимъ, ни съ требованіемъ Евангелія, такъ какъ чрезъ такое сношеніе *страдаетъ честь Церкви*. Епископъ долженъ всячески убѣждать его оставить такое занятіе. Если же онъ, прекративъ это занятіе, впадетъ въ бѣдность, то христианское общество доставитъ ему необходимыя средства къ жизни. Буде же для него это невозможно, то пусть

идеть онъ въ Карөагенъ для пропитанія, дабы вмѣсто того, чтобы учить другихъ грѣховному дѣлу, онъ самъ научился здѣсь тому, что служитъ къ его спасенію<sup>1)</sup>.

Третья цѣль, преслѣдуемая Церковію при отлученіи отъ общенія съ собою публичныхъ грѣшниковъ, есть благополучіе и предохраненіе отъ опасности заразы остальныхъ членовъ ея. Какъ въ каждомъ обществѣ пороки и преступленія одного, при ихъ безнаказанности, легко дѣлаются предметомъ соблазна и подражанія и для другихъ и, распространяясь болѣе и болѣе, наносятъ существенный вредъ цѣлому, такъ и въ Церкви дурной примѣръ одного можетъ заражать и распространяться и на другихъ. Общественный порядокъ и дисциплина легко могли бы поколебаться, и нравственно-религіозная жизнь болѣе слабыхъ чадъ ея могла бы подвергнуться большой опасности, если бы она не стала отсѣкать вредныхъ и зараженныхъ нравственною болѣзнію членовъ своихъ и не предохранила отъ нея здоровыхъ. Эту мысль выразилъ еще апостолъ, когда онъ коринѣскому обществу и его представителямъ, которыхъ побуждалъ онъ къ отлученію кровосмѣсника, поставилъ такой вопросъ: *ужесли не знаете вы, что малая закваска кваситъ все тѣсто* (1 Кор. 5, 6); т.-е. я настаиваю, какъ бы такъ говорить онъ, отдѣлить преступника отъ вашей среды потому, что грѣхъ одного, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, слишкомъ легко переходитъ и къ другому,—онъ, какъ язва, заражаетъ и другихъ, когда не бываетъ удаляемъ отъ соприкосновенія съ ними. Эту мысль повторяютъ затѣмъ и отцы Церкви. Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя настоящее мѣсто посланія къ Коринѣянамъ, замѣчаетъ, что при отлученіи имѣется въ виду не одна только

1) Кипріанъ, Epist. LXI.

личность отлучаемаго, но и вся Церковь: ибо только такимъ образомъ можно предотвратить отъ нея опасность заразы; такъ какъ преступленіе одного, въ случаѣ безнаказанности, тотчасъ же передается и всей Церкви и подвергаетъ ее разрушенню<sup>1)</sup>. Св. Кипріанъ пишетъ епископу Помпонію<sup>2)</sup>, чтобы онъ отлучилъ отъ Церкви дѣвицъ, нарушившихъ обѣтъ цѣломудрія, равно какъ и ихъ соблазнителей, и никогда не принималъ бы ихъ обратно, если они не исправятся, ne exemplum, продолжаетъ онъ, exeteris ad ruinam delictis suis facere incipiant, т.-е. чтобы они дурнымъ своимъ примѣромъ не вовлекли въ подобное преступленіе и другихъ. Блаженный Августинъ говоритъ<sup>3)</sup> также, что на пастыряхъ Церкви лежитъ обязанность отдѣлять больныхъ овецъ отъ здоровыхъ, чтобы ядъ заразы не перешелъ и на здоровыхъ. „Тотъ—говоритъ онъ,—для Котораго нѣтъ ничего невозможнаго, исцѣлить чрезъ это отдѣленіе и больныхъ“. Папа Иннокентій I, одобравъ и подтвердивъ рѣшеніе африканскихъ епископовъ, которымъ отлучены были отъ церковнаго общенія пелагіане, прибавляетъ: „если бы они еще надолго оставались въ Церкви безнаказанными, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было бы то, что они вовлекли бы въ свое заблужденіе многихъ невинныхъ и неосторожныхъ членовъ ея. Послѣдніе могли бы думать, что проповѣдуемое ими ученіе—православное, такъ какъ они были еще членами Церкви. Потому-то больной членъ и отсѣкается отъ здороваго тѣла, чтобы сохранить то, чего еще не коснулась зараза“. А въ постановленіяхъ апостольскихъ (кн. II, 7) говорится: „овца

<sup>1)</sup> Бесѣда XV на 1 Корине. V.

<sup>2)</sup> Epist. LXII ad Pomponium.

<sup>3)</sup> Epist. ad Carthagena. Concili patres.

шелудивая, если не отлучена отъ здоровыхъ овецъ, передаетъ болѣзнь свою другимъ, и человѣкъ, зараженный язвой, страшенъ для многихъ... Посему, если и мы не отлучимъ беззаконнаго человѣка отъ Церкви Божией, то сдѣлаемъ домъ Господень вертепомъ разбойниковъ". И церковное законодательство, такимъ образомъ, понимаетъ отлученіе, какъ средство сохранять членовъ ея, еще не поврежденныхъ заразою, и, путемъ страха возбуждаемаго въ нихъ тяжестю этого наказанія, удерживать ихъ отъ тѣхъ преступленій и пороковъ, которые навлекаютъ его. Эта точка зрењія даетъ себя здѣсь замѣчать самымъ ощутительнымъ образомъ.

Всѣ эти указанные мотивы и соображенія, руководящіе Церковю при опредѣленіи наказанія отлученія, въ большинствѣ случаевъ соединяются между собою и всѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ на волю отлучающаго. Но обстоятельства иногда слагаются такъ, что одна цѣль беретъ перевѣсъ надъ другой, при чемъ эта послѣдняя отступаетъ на задній планъ, такъ что изъ двухъ или трехъ цѣлей достигается только одна<sup>1)</sup>.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами сдѣлаемъ общій выводъ и дадимъ общее понятіе о церковномъ отлученіи. Соединивъ все, что доселѣ сказали мы о сущности и значеніи отлученія, въ одно общее представленіе, мы получимъ такое опредѣленіе его: оно есть *отторженіе отъ внѣшняго и внутренняго общенія съ Церковю*, основанное на естественномъ и божественномъ правѣ, *совершенное лишеніе всѣхъ средствъ ко спасенію, приобрѣтенныхъ въ св. крещеніи, отсѣченіе отъ живого тѣла Іисуса Христа и низведеніе отлучен-*

---

<sup>1)</sup> Слич. Духовный Регламентъ, стр. 38, пунктъ 16.

наго въ состояніе неискупленнаго человѣка; оно есть самое тяжкое изъ всѣхъ церковныхъ наказаній, употребляемое съ цѣллю исправить виновнаго, поддержать честь и достоинство церковнаго общества и предотвратить отъ прочихъ членовъ его опасность соблазна и заразы.

**Владиміръ, Митрополитъ Московскій.**



## Входъ во храмъ пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

„Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей, ибо онъ Господь твой, и ты поклонись Ему. И дочь Тира съ дарами и богатѣйшіе изъ народа будутъ умолять лицо твое. Вся слава дщери Царя внутри: одежда ея шита золотомъ; въ испещренной одеждѣ ведется она къ Царю; за нею ведутся къ Тебѣ дѣвы, подруги ея; приводятся съ весельемъ и ликованьемъ, входятъ въ чертогъ Царя. Вмѣсто отцовъ Твоихъ, будутъ сыновья Твои; Ты поставиши ихъ князьями по всей землѣ. Сдѣлаю имя Твое памятнымъ въ родѣ и родѣ; по сему народы будутъ славить Тебя во вѣки и вѣки“ (псал. 44, 11—18). Такъ по внушенню Святаго Духа за цѣлую тысячу лѣтъ вѣщалъ святый пророкъ и царь Давидъ о входѣ Пресвятой Дѣвы Маріи въ храмъ. И какъ точно исполнилось пророчество его въ событии нынѣшняго праздника!

Появившись на Божій свѣтъ, Пресвятая Дѣва Марія оставалась на попеченіи Своихъ родителей Іоакима и Анны въ Назаретѣ. Она, конечно, нашла у нихъ нѣжный уходъ и родительскую ласку. Праведная Анна, однако, ни на одну минуту не забывала, что богоданная дочь ея должна быть посвящена Богу. Какъ же было не беречь малютку отъ всякихъ нечистыхъ впечатлѣній! Глубоко древнее преданіе повѣствуетъ, что

старица Анна озабочена была и тѣмъ, чтобы дочь ея съ материнскимъ молокомъ воспринимала духъ подзаконной церковности. Когда малюткѣ исполнился одинъ годъ жизни, отецъ ея пригласилъ священниковъ и старѣйшинъ, угощалъ ихъ и просилъ благословить его дочь, которая была принесена въ собраніе. Священники исполнили его просьбу. „Богъ отцевъ нашихъ, Благослови Младенца сего и даруй Ему имя славное и вѣчное во всѣ роды“, сказали они. Всѣ присутствовавшіе отвѣтили: „Аминь! да будетъ!“ Преданіе далѣе сообщаетъ, что праведный Іоакимъ уже хотѣлъ помѣстить въ пріютъ при храмѣ свою малютку, когда ей исполнилось два года. Анна этому стала прекословить, вѣроятно, по весьма понятному материнскому чувству. Старецъ уступилъ. Младенецъ Марія еще на одинъ годъ осталась въ родительскомъ домѣ. Но вотъ ей исполнилось три года возраста. Теперь и праведная Анна заявила свое согласіе и готовность исполнить обѣтъ. Нѣтъ у нея печали по поводу разлуки съ единственnoю дочерью. Радуется и старецъ Іоакимъ. Такъ и замѣчаетъ обѣ этомъ святая Церковь. *Днесъ храмъ одушевленный святыя славы Христа Бога нашего, едина въ женахъ благословенная, чистая, приводится въ храмъ законный жити во святыхъ, радуются съ нею Іоакимъ и Анна духомъ* (стих. на Госп. воззв. 2). Чему-же радуются? Тому-ли, что могли принести Господу Богу даръ за отнятіе „поношенія безчадства?“ Или тому, что исполняли обѣтъ, данный Богу? Нѣтъ. Они духомъ прозрѣвали тайну, въ которой Богъ, хотя сказать *народамъ Свое спасеніе, неискусобрачную нынѣ отъ человѣкъ пріять, знаменіе примиренія и обновленія*.

Но если радовались праведные Іоакимъ и Анна, то какъ могла перенести разлуку съ родителями трех-

лѣтняя отроковица Марія? Дивно, она не только не предалась плачу, но сама просила исполнить то, что обѣщали содѣлать съ нею ея престарѣлые родители. Младенствовавшая плотію показала себя съ совершенною душею, какъ выражается св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Словомъ, какъ со стороны родителей, такъ и съ стороны малютки дочери не оказалось препятствія къ осуществленію того, о чёмъ вѣщалъ св. Пророкъ и Царь Давидъ. Престарѣлые Іоакимъ и Анна начали оповѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ о предстоящемъ торжествѣ посвященія дочери ихъ Господу Богу. Многіе изъ сосѣдей изъявили охоту принять участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ. Въ назначенный день изъ Назарета выступило сообщество людей по дорогѣ къ Іерусалиму. То были праведные Іоакимъ съ Анною и малютка дочь ихъ, трехлѣтняя Марія, да подруги ея и нѣкоторые изъ родныхъ и знакомыхъ. Путники выходили изъ города съ пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній. Цѣлыхъ три дня они шли до Іерусалима и на четвертый были уже въ этомъ городѣ. Отдохнувъ и по закону приготовившись, Іоакимъ принесъ жертву Господу Богу. Послѣ этого онъ и готовъ былъ совершить посвященіе отроковицы Маріи Господу. Въ условленный день старецъ Іоакимъ и праведная Анна въ сопровожденіи родныхъ своихъ и знакомыхъ, подругъ Маріи, съ горящими свѣчами направились къ храму. Приняли участіе въ торжественномъ шествіи и многіе изъ благочестивыхъ израильтянъ. На встрѣчу же приводимой Дѣвѣ вышли священники во главѣ съ первосвященникомъ Захарію. Анна поставила малютку Марію на первую ступень. Осѣненная Духомъ Святымъ старушка громко прорекла: „Иди, дочь моя, къ Тому, Кто тебя даровалъ мнѣ, иди, кивотъ освященный ко многомилостивому Владыкѣ; иди, дверь жизни, къ милосердому

Подателю благъ; иди, ковчегъ Слова, въ храмъ Господень; войди въ церковь Божію, радость и веселіе міра“. Увидѣвъ же первосвященника, готоваго принять малютку, старица Анна и къ нему обратилась съ такими словами: „пріими, Захарія, сънь чистую; пріими, священникъ Божій, ковчегъ непорочный; пріими, пророкъ, кадильницу съ невещественнымъ углемъ; пріими, пра-вѣдникъ, өиміамъ духовный; пріими, дщерь, Богомъ мнѣ данную! Введи и всели Ее на гору святую, въ жилище Божіе, не испытывая о Ней, но ожидая, что Богу, Ее призвавшему, благоугодно будетъ совершить съ Нею!“ Къ верхней площадкѣ крыльца вело 15 ступеней по числу „степенныхъ“ псалмовъ. Отроковица трехлѣтняя, легко, никѣмъ неподдерживаемая, прошла всѣ эти ступени. Первосвященникъ ввелъ ее во свя-тилище и, не давая себѣ отчета, по внушенію свыше, повелъ малютку во Святая Святыхъ. Въ это священ-нѣйшее мѣсто подзаконнаго храма, единственнаго во всемъ мірѣ, самъ первосвященникъ могъ входить только одинъ разъ съ кровію жертвеннаго животнаго. Те-перь же онъ ввелъ сюда младенца Марію. Это удивило не только присутствовавшихъ въ храмѣ, но и са-михъ небожителей. *Ангели вхожденіе всечистыя (Дѣвы) зряще удивишаася, како со славою вниде во Святая святыхъ*, поетъ нынѣ святая Церковь. Не ужасайтесь, святые небожители! *Пречистый храмъ Спасовъ, много-цінныій чертогъ и Дѣва, священное сокровище славы Божія, днесъ вводится въ домъ Господень, благодать совводящи, яже въ Дусъ Божественномъ...* (Кондакъ). А первосвященникъ не только ввелъ Дѣву младенца во Святая святыхъ, но и назначилъ Ей здѣсь мѣсто для молитвъ. „Архіерей, говорить святитель Өеофілактъ, въ то время объятый Богомъ, былъ внѣ себя и уразумѣлъ, что Отроковица эта есть вмѣстилище

Божественной благодати и болѣе его самого достойна предстоять повсечасно лицу Божію. Вспомнивъ же сказанное въ законѣ о кивотѣ, которому повелѣно находиться во Святая святыхъ, онъ уразумѣлъ, что это прямо указывало на сю Отроковицу. И потому, нимало не усумнясь, осмѣлился, вопреки постановленій, ввести Ее во Святая святыхъ“.

Праведные Іоакимъ и Анна, исполнивъ обѣтъ свой посвященія единородной дочери Господу Богу, возвратились въ Назаретъ. Малютка же дочь ихъ осталась воспитываться при храмѣ. Вокругъ него было много дворовъ, притворовъ и различныхъ храминъ. Въ нихъ проживали лица, служившія въ храмѣ. Здѣсь же хранились сосуды и запасы, потребные для богослуженія. Кромѣ этого много храминъ занято было старцами и старицами, дававшими обѣтъ назореями и дѣтьми, получавшими воспитаніе. Пресвятая Дѣва помѣщена была съ сверстницами по возрасту, подружками. За воспитаніемъ ихъ слѣдили благочестивыя надзирательницы, свѣдущія въ Священномъ Писаніи и искусныя въ рукодѣліяхъ. Дѣва Марія научилась чтенію. Она очень полюбила читать слово Божіе. Душа Ея наполнялась восторгомъ при одной мысли, что прореченія Божіихъ пророковъ о временахъ Мессіи должны скоро исполниться. Съ чтеніемъ Она соединяла молитву, которая доставляла Ей особенное наслажденіе. Для молитвенной бесѣды съ Господомъ Богомъ Она ходила во Святая святыхъ. Времена и часы занятій у Нея были расписаны и точно указаны. Съ ранняго утра до часа третьяго, а по нашему счету—до девятаго, Пресвятая Дѣва совершила молитву. Далѣе шесть часовъ Она занималась рукодѣліемъ, которому очень хорошо научилась. Съ трехъ часовъ дня до вечера Она снова молилась и принимала пищу отъ Ангела. Одинъ изъ

церковныхъ писателей (Георгій Никомидійскій) такъ описываетъ явленіе Отроковицѣ небожителей, святыхъ ангеловъ: „По мѣрѣ того, какъ Пречистая день ото дня возрастала, въ Ней росли и дары Духа Святаго. Она пребывала съ Ангелами, о чёмъ узналъ и Захарія. Однажды, исправляя въ Святилищѣ свое служеніе, увидѣлъ онъ кого то, съ виду страннаго, похожаго на Ангела, подающаго Ей пищу. Захарія весьма удивился и думалъ, что это за необыкновенное и новое видѣніе? Повидимому, Ангель говоритъ съ Дѣвою; безплотный приноситъ пищу, питающую плоть; естествомъ невещественный подаетъ Дѣвѣ нѣчто вещественное. Явленіе Ангеловъ бываетъ однимъ лишь священникамъ, да и то весьма рѣдко; а чтобы Ангель пришелъ къ Дѣвицѣ и при томъ столь юной, это необыкновенно. Если бы Она была замужняя и молилась о разрѣшеніи своего неплодства, какъ Анна, я не удивился бы видѣнію; но дѣвица обѣ этомъ молиться не можетъ. Ангель же всегда къ Ней является, какъ я то вижу, и это приводитъ меня въ великое удивленіе, сомнѣніе и ужасъ. Что все это значитъ? Что приходитъ возвѣщать Ей Ангель и какая это, приносимая имъ, пища? Откуда взята и кто ее изготоилъ? Ангелы не заботятся о тѣлесныхъ нуждахъ нашихъ. Конечно, были люди, которыхъ питали они... Непостижимо для меня, почему Она удостоилась такихъ даровъ, такого служенія духовъ безплотныхъ? Что же это все значитъ? Чистотою нравовъ Она превосходитъ всѣ бывшіе роды. Не надъ Нею-ли совершатся предсказанія пророковъ? Не Ею ли исполнятся вѣковыя ожиданія наши?“ И далѣе перво-священникъ переносится мыслю къ Мессіи и ублажаетъ Израїля, родителей Отроковицы Маріи и Ее Саму. По замѣчанію блаженнаго Іеронима Стридонскаго, святые Ангелы ежедневно являлись Дѣвѣ Маріи. Этому

вы и не дивитесь. Мы имъемъ множество примѣровъ служенія святыхъ ангеловъ Божіихъ людямъ во спасеніе. Чему же станемъ удивляться, если Господь Избранному Имъ изъ всего рода человѣческаго кивоту Своему, Отроковицѣ Маріи, послалъ для служенія святыхъ ангеловъ? Они принимали участіе въ Ея воспитаніи. А такіе воспитатели, какъ святые ангелы, вмѣстѣ съ благочестивыми старицами надзирательницами могли, конечно, воспитывать въ высшей степени благотворно. Посему то Дѣва Марія со дней отрочества является предъ нами уже украшенною сонмомъ добродѣтелей. Она возлюбила Господа Бога всею душею. Быть въ молитвенномъ общеніи съ Нимъ доставляло Ей радость и утѣшеніе. Посему то Она и весьма часто молилась. При любви къ Господу Богу Она имѣла нѣжный страхъ предъ Нимъ. Этотъ послѣдній стоялъ стражемъ у сердца Ея и не допускалъ никакихъ нечистыхъ пожеланій и мыслей. Слова Ея, какъ выраженіе святыхъ чувствъ, были чисты и растворены солью благочестія. Никто никогда не видѣлъ Ея гнѣвающеся, печальною или съ горделивымъ настроениемъ. Преданная въ волю Божію, Она отличалась величайшимъ смиреніемъ. Въ обращеніи съ окружающими Она была обходительна, ласкова, благожелательна и добра. Любовь къ труду производила въ Ней то, что она и нѣсколькихъ минутъ безъ дѣла не желала проводить. Но побужденіемъ къ труду служило желаніе сдѣлать что либо полезное и нужное для храма и священниковъ. Преданіе сообщає намъ, что Отроковица хорошо шила золотомъ, пряла волну и умѣла ткать. Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ во дни Своей земной жизни носилъ хитонъ, сотканный руками Его Пречистой Матери.

Во дни Своего воспитанія при храмѣ, святая Отроковица Марія перенесла и сиротство. Родитель Ея,

праведный Іоакимъ, скончался въ Назаретѣ ранѣе своей супруги, праведной Анны. Старица эта, по кончинѣ мужа, переселилась на жительство въ Іерусалимъ. Теперь она ежедневно могла видаться съ своею Дочерью. И Марія Отроковица утѣшалась этими свиданіями съ матерью. Но радость Ея была весьма непродолжительна. Старушка Анна заболѣла и скончалась. Разсуждая по человѣчески, Дѣва Марія должна была проливать горькія слезы. Но не вышло изъ устъ Ея словъ ропота, а слезы были кратковременны и растворенны преданностю въ волю Божію. Въ этомъ Она и нашла Себѣ утѣшеніе. Какъ истинная „раба Господня“, Она покорилась Богу. Изъ любви къ Нему Она при храмѣ дала обѣтъ дѣвства. Дѣва пожелала и душею и тѣломъ принадлежать единому Богу. До времени же обѣтъ этотъ былъ тайною для другихъ. Но тайна эта должна была объявиться, когда приспѣло время Пресвятой Дѣвѣ Маріи оставить помѣщеніе при храмѣ. Тогда Она и обручена была съ старцемъ Іосифомъ, который и взялъ Ее на свое попеченіе и поселилъ въ своемъ домѣ въ Назаретѣ.

Оканчивая изложеніе событий сегодняшняго праздника, мы повторимъ: Праведные Іоакимъ и Анна молитвами испросили у Господа Бога дитя. Этотъ даръ Божій они и посвятили Господу. Справедливо разсуждая, что въ домикѣ своемъ они не могутъ дать дочери своей правильнаго воспитанія и образованія, они и порѣшили отвести ее въ Іерусалимъ и помѣстили при храмѣ для воспитанія и обученія всякимъ видамъ добродѣтели. И этимъ они выказали величайшее свое благоразуміе. Отроковица Марія получила дѣйствительно наилучшее воспитаніе. Она явилась на всѣ времена образцомъ добродѣтельной, святой жизни. А важность входа Пресвятой Дѣвы Маріи въ храмъ изъясняетъ

намъ св. Церковь въ тропарѣ. *Днесь благоволенія Божія предобразеніе, поетъ она, и человѣкомъ спасенія проповѣданіе, въ храмѣ Божіи ясно Дѣва является, и Христа всѣмъ предвозвѣщаетъ: Той и мы велегласно возопіемъ: радуйся смотрѣнія Зиѣдителева исполненіе.* Въ переводѣ же на русскій языкъ мысль эта болѣе ясною оказывается: „Нынѣ предъизображеніе благоволенія къ намъ Божія и провозвѣстіе о спасеніи людей: Дѣва торжественно является въ храмѣ Божіемъ и предвозвѣщаетъ всѣмъ о Христѣ, Ей и мы громко возгласимъ: радуйся исполненіе промышленія о насъ Создателя“. Рожденіемъ Пресвятой Дѣвы указывалось роду человѣческому начало его спасенія. Нынѣ снова возвѣщается обѣ этомъ неизреченномъ Божіемъ благоволеніи къ людямъ, и яснѣе изображается приближеніе времени его исполненія. *Совѣтъ превѣчный превѣчнаго Бога нашего во исполненіе грядетъ, предгрядущей воспитатися во Святая святыхъ Слова въ жилище отроковище всенепорочная* (кан. на 20 ноября 1-й, п. 1, тр. 2), поетъ св. Церковь. Тѣни и образы ветхаго Завѣта стали замѣняться первообразами, самыми лицами. Въ ветхо-завѣтный храмъ въ лицѣ Пречистой Дѣвы Маріи входитъ *скинія святая и пространнѣйшая небесъ, прiemшая невмѣстимое во всей твари* (12 икона Богор. акаѳиста). Во второмъ іерусалимскомъ храмѣ уже не было ковчега Завѣта. И вотъ ковчегъ, Божественнымъ Духомъ позлащенный, Пречистая показалася, не скрижалы носящъ закона, но Христа Господа, Его же законъ п пророцы древле предвозвѣстиша (Окт. гл. IV, вторн. утр. кан. п. 1, богоодиченъ). Давая намъ разумѣть важность входа Пречистой Богородицы въ храмъ, св. Церковь объявила воспоминаніе о немъ празднику двунадесятому.

Этимъ она показала, что мы должны праздновать его и радоваться божественнѣ.

Что скажемъ вамъ въ назиданіе нынѣ, когда св. Церковь наша такъ торжественно празднуетъ входъ Пречистой Дѣвы Маріи въ храмъ Господень? Помыслите, для какой цѣли Она приведена была сюда? Кратко и вѣрно, скажемъ—получить воспитаніе научиться вѣрѣ и благочестію, пріобрѣсть навыкъ, и укрѣпиться въ добродѣтели. Велика и важна цѣль эта. Велико и важно научиться благочестію. Святый апостолъ Павелъ своему любимому ученику Тимоѳею писалъ: *обучай себе ко благочестію* (1 Тим. IV. 7). Это чрезвычайно важный предметъ изученія и навыка, ибо, продолжаетъ Апостолъ: *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (—8). Благочестіе есть здоровье и жизнь души, какъ несчастіе и грѣхъ есть ея болѣзнь и смерть. Хотите, братіе, быть, здравыми и живыми душею и имѣть упованіе на вѣчное блаженство, такъ учитесь благочестію и упражняйтесь въ немъ. Но что же можно посовѣтовать вамъ для пріобрѣтенія желаннаго навыка къ благочестію, къ сохраненію души въ здравії? Подумайте, что нужно для нашего тѣла, чтобы оно было здорово? Конечно, нуженъ прежде всего чистый воздухъ, безъ которого и невозможна жизнь тѣла. И для души требуется также своего рода свѣжій воздухъ. Онъ обрѣтается только въ Церкви Христовой. Посему безъ благодатнаго возрожденія нельзя получить и возможности дышать этимъ воздухомъ. Вотъ мы съ вами всѣ получили святое крещеніе. Значитъ, оставаясь вѣрными сынами св. Церкви, матери нашей, мы не лишены права дышать благодатнымъ духовнымъ воздухомъ. Здоровыя его составныя части суть: духъ истины, вѣры, любви, надежды, молитвы и вообще всякаго рода доб-

рое христіанское направлениe мысли и жизни и всего поведенія. Но въ здоровый духовный воздухъ могутъ вторгаться изчадія духа лукаваго: невѣrie, вольнодумство, ложь, отпаденіе отъ Церкви и отчужденіе отъ Бога и прочія дѣла грѣховныя, о нихъ же нѣтъ охоты и говорить. Да откуда же въ благодатное Царство Божіе вторгаются зловредныя испаренія, заражающія чистый воздухъ? И отъ насъ самихъ, ибо и послѣ возрожденія въ насъ еще ютится грѣховное сѣмя, которое можетъ приносить плоды по роду своему. И міръ, который, по выраженію св. ап. Іоанна, весь во злѣ лежитъ, своимъ вліяніемъ на членовъ Церкви святой нерѣдко вводить въ нихъ заразу, отравляя благодатный воздухъ. А самый неутомимый труженикъ въ дѣлѣ отравленія есть духъ лукавый съ своими клевретами. Вліяніемъ всѣхъ этихъ дѣятелей и создается въ членахъ Церкви святой отъ небреженія и слабости ихъ иногда такая атмосфера для дыханія, что въ благочестивомъ человѣкѣ вызываются тошнота и головокруженіе. Вѣдь зараженный воздухъ для души такъ же дурно дѣйствуетъ на нее, какъ вещественный воздухъ, насыщенный заразными испаренія, повергаетъ тѣло разслабленію, болѣзнямъ и смерти. Посему, братіе, берегитесь заразителей и соблазнителей. Они истинные носители заразы души, враги ея здоровья. Помните совѣтъ царя Давида: *Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на скдалищи губителей не сѣде.* Поминайте часто то, какъ прекрасно и благодѣтельно было для юной Дѣвы Маріи обученіе добродѣтели при храмѣ, въ сообществѣ праведныхъ земныхъ воспитательницъ и святыхъ небожителей.

Конечно, отъ одного чистаго воздуха тѣло не можетъ быть здоровымъ и не подвергнуться смерти. Чего же

недостаетъ? Пищи. Но пища для тѣла должна быть здоровая. Она у насъ бываетъ двухъ родовъ: животная и растительная. И для питія мы употребляемъ воду и вино. Для души также есть своего рода пища. Тѣло Господа нашего Іисуса Христа есть истинное брашно (Іоан. VI, 55). Наиполезнѣйшее питіе для души представляеть Пречистая Кровь Спасителя, которую Онъ Самъ назвалъ истиннымъ пивомъ. Эти пища и питіе, вкушаемыя вѣрными членами св. Церкви въ таинствѣ причащенія, сообщаютъ душѣ живость, бодрость, соединеніе со Христомъ и способность къ вѣчной жизни. „Ядущій Мою Плоть и піюЩій Мою Кровь имѣеть жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день“ (Іоан. VI, 54).

Кромѣ же пречистыхъ Тѣла и Крови Спасителя нашего для души православнаго христіанина преполезнѣйшими пищею и питіемъ служитъ слово Божіе. Оно Святою Церковію, нашею Матерію, преподается намъ и устно, и письменно, т. е. и въ Свящ. Преданіи и въ Священномъ Писаніи. Слово Свое Господь Іисусъ Христосъ благоволилъ назвать съменемъ, а сердца наши уподобилъ почвѣ (Мѳ. XIII, 3—23; ср. Лук. VIII, 11). Онъ же именуетъ слово Божіе питательною пищею, когда повторяетъ, сказанное о немъ въ ветхомъ Завѣтѣ, въ отвѣтъ духу искусителю: „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѳ. IV, 4). Но эта пища для души не только питаетъ ее, но, подобно водѣ, и освѣжаетъ ее, и утоляетъ жажду (Іоан. IV, 10). И дѣйствительно, слово Божіе, съ помощію благодати Божіей, воспріемлемое сердцемъ, производитъ въ немъ святыя, чистыя убѣжденія и правила. Чрезъ таинства святыя эти убѣжденія благодатію Божіею укрѣпляются въ душѣ и начинаютъ плодотворить дѣла по роду сво-

ему: вѣру, надежду, любовь, милосердіе, долготерпѣніе, миръ и чистоту сердца. Вотъ, братіе, этого не забывайте. Читайте чаще, сколько можно, Божіе слово, прилежите къ этому святыму дѣлу, и вы опытно узнаете, какую перемѣну оно произведетъ въ васъ. Воистину отъ этого душа ваша оживится и пріобрѣтѣ здравіе.

Но довольно ли участія въ Чашѣ Господней и чтенія слова Божія для непрестанного здравія и жизни души? Посмотрите на тѣло человѣка, даже живущаго въ здоровомъ воздухѣ и питающагося обильно здоровою пищею, но остающагося безъ движенія, лежащаго или сидящаго, или неправильно двигающагося. Что въ немъ можно будетъ скоро примѣтить? Нездоровье, за которымъ недалека и смерть. Точно такое же явленіе можетъ произойти и съ душою христіанина, значитъ, человѣка возрожденного въ таинствѣ крещенія и даже питающагося духовною пищею. Казалось бы, этого и достаточно для здоровья и жизни его души. Но какъ тѣло неподвижное подвергается болѣзнямъ, такъ и душа, хотя бы и не вѣдущая духовнаго глада и пребывающая въ чистомъ духовномъ воздухѣ, все же будетъ болѣть и можетъ подвергнуться смерти, если останется неподвижною. Да какія же это движенія можетъ совершать душа? Ходить предъ Богомъ по путямъ заповѣдей Его. Вотъ прекрасное движеніе для души. Въ словѣ Божіемъ это движеніе именуется „хожденіемъ во свѣтѣ“ (1 Іоан. 1, 7), какъ прилично чадамъ свѣта (Ефес. V. 8) и достойно Господа Бога (Кол. I, 10). Представьте же, если христіанинъ обуревается сномъ, лѣнивъ для дѣланія добра и безпеченъ, или, того хуже, ходить во тьмѣ, въ похотяхъ своихъ, въ нечистотѣ, въ лукавствѣ и лести, то и духовная пища только будетъ бременить его и производить въ

немъ болѣзни душевныя. Какая польза человѣку, если онъ читаетъ слово Божіе и глумится надъ нимъ? Да если онъ и не дозволяетъ себѣ послѣдняго дѣла, но теплохладенъ и истинъ вѣры и правилъ жизни сердцемъ не усвоютъ, то слово Божіе остается въ немъ мертвымъ, а вѣра его подобится вѣрѣ лукавыхъ духовъ, которые знаютъ, что Богъ есть и трепещутъ Его (Іак. II, 19), но непрестанно дѣлаютъ зло (1 Коринѣ. XI, 28—30). А движенія души неправильныя, т. е. хожденія во тьмѣ, въ лукавствѣ, въ похотяхъ сердца заглушаютъ въ человѣкѣ духовную жизнь и доводятъ его до болѣзней, злыхъ привычекъ, навыковъ и страстей и даже до совершенной духовной смерти. Такъ, братіе, пребывая въ лонѣ святой Церкви, питаясь пречистыми Тѣломъ и Кровію Спасителя и вдыхая чистѣйшій воздухъ благодати, ходите и въ Божіихъ заповѣдяхъ, исполня ихъ съ радостію и усердіемъ. И св. апостолъ Павелъ внушаетъ намъ, чтобы мы „исполнялись познаніемъ воли Божіей, во всякой премудрости и разумѣніи духовномъ, чтобы поступали достойно Бога, во всемъ угодная Ему, принося плодъ во всякомъ дѣлѣ благомъ и возрастая въ познаніи Бога, укрѣпляясь всякою силою по могуществу славы Его во всякомъ терпѣніи и великодушіи съ радостію, благодаря Бога и Отца, привавшаго насъ къ участію въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ, избавившаго насъ отъ власти тьмы и введшаго въ Царство возлюбленнаго Сына Своего, въ Которомъ мы имѣемъ искупленіе Кровію Его и прощеніе грѣховъ“ (Кол. I, 9—14).

При своей ограниченности и по состоянію природы своей, сильно поврежденной грѣхомъ, человѣкъ по тѣлу своему не можетъ оставаться, и при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни, всегда здоровымъ и не имѣть совершенно нужды въ врачевствахъ. И въ душѣ человѣка

наблюдается то-же самое явленіе. Какъ бы человѣкъ ни былъ остороженъ въ духовномъ питаніи, въ движеніи, все же грѣхомъ зараженная душа его изъ сѣмени ветхаго человѣка дастъ ростокъ по роду своему, т. е. грѣхъ. Это печальное обстоятельство до такой степени въ насть неизбѣжно, что, „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя и истины нѣтъ въ насть“ (1 Іоан. I, 8). А если человѣкъ христіанинъ не можетъ говорить, что онъ не имѣетъ грѣха, то не лучше ли ему завести рѣчъ о томъ, какими средствами ему слѣдуетъ врачевать свою душу? Грѣхъ вѣдь есть болѣзнь души. Это ея проказа. Пусть же ищетъ душа цѣлебнаго бальзама. Таковый обрѣтается въ Христовой церкви. Здѣсь въ таинствѣ покаянія и елеосвященія врачуются благодатію Святого Духа всѣ немощи и грѣховныя пятна души. Недаромъ вѣдь святые отцы именуютъ таинство покаянія вторымъ крещеніемъ—слезнымъ въ отличіе отъ воднаго. Но кромѣ таинствъ, названныхъ сейчасъ, та самая духовная пища, которая предлагается христіанину въ словѣ Божіемъ и въ святомъ причащеніи Тѣла и Крови Спасителя, является для души и могущественнымъ средствомъ ея врачеванія. Въ самомъ дѣлѣ слово Божіе есть здравое сѣмя, цѣлебное, вытравляющее заблужденія, духовную слѣпоту, духъ льсти и похоти сердца разныхъ родовъ. Возрастая въ душѣ, слово Божіе насаждаетъ въ ней вѣру, порождаетъ желаніе ходить во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, очищаетъ отъ проказы духовной и даетъ устойчивость святыхъ убѣжденій. А относительно пречистыхъ Тѣла и Крови Спасителя мы всѣ вѣруемъ и исповѣдуемъ, что оно бываетъ „во исцѣленіе, и очищеніе, и просвѣщеніе, и сохраненіе, и спасеніе, и въ освященіе души и тѣла: во отгнаніе всякаго мечтанія, и лукаваго дѣянія, и дѣйства діавольскаго мысленнѣ, и

во удесехъ дѣйствуемаго: въ дерзновеніе и любовь яже къ Богу, во исправленіе житія, и утвержденіе: въ возращеніе добродѣтели и совершенства: во исполненіе заповѣдей, въ Духа Святаго общеніе, въ напутіе жизни вѣчнаго и въ отвѣтъ благопріятный на страшномъ судѣ” (6 мол. предъ причащеніемъ). Такъ много врачебныхъ средствъ дано православному христіанину, чтобы онъ имѣлъ возможность пребывать въ здравіи душевномъ.

Что же, братіе, скажемъ, здравы ли мы душевно? Пусть совѣсть каждого безпристрастнаго отвѣтить на этотъ вопросъ. Мы указали средства, съ помощію которыхъ возможно возвратить здравіе душѣ и сохранить ей жизнь блаженную во вѣки вѣковъ. Дѣло спасенія души есть дѣло первостепенной важности. Для сего мы живемъ и трудимся. Помните, что требуется для здравья и жизни души: чистый воздухъ, насыщенный духами истины, вѣры, любви, надежды, милосердія и чистоты сердца. Далѣе, нужно какъ можно чаще питать душу словомъ Божіимъ и таинствомъ причащенія. Съ этимъ должно соединить и хожденіе, т. е. жизнь и поведеніе по заповѣдямъ Божіимъ. Наконецъ, въ случаѣ болѣзней души, т. е. грѣховъ, вѣдѣнія и невѣдѣнія, мысли и чувствъ, мы должны спѣшить къ уврачеванію ихъ. Соблюденіе этихъ условій приведетъ насъ къ желанной цѣли. Сего и да сподобитъ насъ всѣхъ человѣколюбецъ Господь Богъ молитвами Пречистой Его Матери и всѣхъ святыхъ. Аминь.

**Василій, Епископъ Можайскій.**



## Рѣчъ, при открытии противоалкогольного съѣзда въ Москвѣ 6-го августа 1912 года.

Въ качествѣ предсѣдателя настоящаго первого Все-рussiйскаго съѣзда практическихъ дѣятелей въ борьбѣ съ алкоголизмомъ на началахъ религіозно-нравственныхъ, позволяю себѣ привѣтствовать всѣхъ почтившихъ своимъ посѣщенiемъ открытие съѣзда и тѣмъ выразившихъ свое сочувствiе задачамъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привѣтствуя и васъ, отцы и братiе, какъ борцовъ за святое дѣло трезвости. Объединенные и воодушевленные этою идеею, вы собрались сюда со всѣхъ концовъ обширнаго нашего отечества, чтобы потрудиться вмѣстѣ, повѣдать свои скорби и радости, подѣлиться своимъ опытомъ и воодушевиться на дальнѣйшую работу въ этомъ святомъ, великомъ дѣлѣ для блага Церкви и родины.

Борьба съ пьянствомъ, разрушающимъ экономическое благосостоянiе населенiя, губящимъ его здоровье и нравственно растлѣвающимъ отдельныхъ его членовъ, составляетъ настоящую и неотложную задачу для государства и для общественныхъ силъ. Народное пьянство въ Россiи представляетъ истинное общественное бѣдствiе, которое составляетъ все болѣе и болѣе нарастающую опасность вырожденiя народа въ физическомъ и духовномъ отношенiяхъ, могущую оказать роковое и гибельное влiянiе на исторiю родины и на стойкость русскаго племени въ охранѣ своей

самостоятельности при столкновеніи съ болѣе здоровыми и трезвыми племенами.

Для борьбы съ пьянствомъ, этимъ историческимъ и современнымъ бѣдствіемъ, должны быть мобилизованы всѣ силы, должны быть принимаеы различныя мѣры,— это мѣры—общегосударственные, общественные, затѣмъ нравственные и индивидуальные, такъ называемая, идеиная борьба. Конечно, нужно положить въ основаніе борьбы развитіе именно этой идеиной борьбы, нужно совершить переворотъ въ умахъ людей, нужно радикально измѣнить установившіяся понятія о спиртныхъ напиткахъ. И когда люди убѣдятся, что спиртные напитки—это ядъ для души и тѣла, что напиться дома, въ гостяхъ, у сосѣдей, въ праздникъ—является большимъ позоромъ, тогда, конечно, облегчается и способы борьбы мѣрами общими, государственными и общественными. Но, съ другой стороны, не менѣе справедливо и то, что личная идеиная борьба тогда только можетъ быть легкой и цѣлесообразной, когда ей будутъ содѣйствовать и государство и общество.

Дѣятельность правительства въ борьбѣ съ пьянствомъ выражается въ учрежденіи попечительствъ о народной трезвости, возникшихъ одновременно съ введеніемъ въ 90-хъ годахъ монопольной системы продажи питій. О дѣятельности ихъ существуютъ разные взгляды, доходящіе до противоположности. Въ виду спорности этого вопроса и невозможности обслѣдовать его въ настоящей привѣтственной рѣчи,—что можетъ быть предметомъ особаго доклада,—мы считаемъ болѣе осторожнымъ обойти его.

Что касается общественныхъ мѣръ, то надо сказать, что до сихъ поръ дѣйствительно были опыты общественныхъ организацій въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ. Но, къ сожалѣнію, эти организаціи сдѣлали въ дан-

номъ отношеніи очень и очень мало. Интеллигентіи, а въ частности ученому классу изъ нея, нельзя отказать въ чести научной разработки алкогольного вопроса. Но въ сферѣ практической дѣятельности, въ сферѣ перенесенія трезвенныхъ началъ на ниву народной жизни, въ крестьянское сознаніе,—интеллигентія знаетъ за собой совсѣмъ немного трудовъ, или ихъ совсѣмъ не знаетъ.

Среди общественныхъ организаций борьбы съ пьянствомъ обращаютъ на себя вниманіе *церковные общества трезвости*, которые борются съ этимъ порокомъ подъ покровомъ Церкви. Борьба Церкви съ этимъ зломъ вытекаетъ изъ священной задачи ея—спасать чадъ своихъ, ибо, по слову Божію, *пьяницы царствія Божія не наследятъ* (1 Кор. VI, 10). Сила этихъ обществъ заключается въ томъ, что они для слабой воли пьяницы даютъ болѣе твердую опору въ борьбѣ, возводя эту борьбу на путь религіознаго подвига. Борясь съ этимъ зломъ, какъ зломъ нравственнымъ, рассматривая его, какъ грѣхъ, эти общества побуждаютъ пьяницъ передъ Богомъ и передъ совѣстю дать обѣтъ или зарокъ воздержаться на нѣкоторое время или, быть можетъ, навсегда отъ этого порока.

Въ соотвѣтствующей обстановкѣ, которую даетъ Церковь, и подъ ея благодѣтельнымъ воздействиемъ, дающій обѣщаніе воздержанія отъ пьянства укрѣпляется мало-по-малу и, наконецъ, совершенно отстаетъ отъ этого порока. Поступокъ ведетъ къ привычкѣ, привычка создаетъ характеръ, а характеръ создаетъ человѣка въ полномъ христіанскомъ смыслѣ этого слова.

Главнымъ работникомъ въ устроеніи обществъ трезвости было и есть православное приходское духовенство. Общества эти возникли по почину духовенства въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Подъ косые

взгляды начальства, подъ градъ насмѣшекъ со стороны интеллигентіи и печати, оно подняло на себя тяжелый крестъ организаціи этихъ церковныхъ обществъ трезвости, гдѣ могучими средствами борьбы сдѣлались молитва и священный обѣтъ. Въ теченіе этихъ пятидесяти лѣтъ борьба ведется неустанно, и результаты блестяще доказали, что борьба съ пьянствомъ, и притомъ успешная борьба, возможна. Тамъ, гдѣ ведется дѣло съ усердіемъ и умѣньемъ, общества самимъ дѣломъ показываютъ не только свою цѣнную плодотворность, но и полную пригодность въ томъ отношеніи, что народъ самъ ищетъ и съ радостію находитъ въ нихъ убѣжище отъ удручающей его пьянной жизни. Да и кто съ такою пользою можетъ руководить обществомъ несчастныхъ алкоголиковъ, желающихъ оздоровленія, какъ не священникъ? Вѣдь обѣтъ трезвости—явленіе чисто нравственной жизни. А кому лучше знать эту жизнь, какъ не священнику, и кто, какъ не священникъ, имѣющій возможность въ исповѣди заглядывать и въ самые затаенные уголки человѣческой совѣсти,—кто, какъ не онъ, можетъ всего лучше уврачевать эту болѣзнь? Достойны особенно при этомъ вниманія слова одного ученаго врача (Веньямина Рюссо), который говоритъ: „я принужденъ вѣрить, что на пьянство можно дѣйствовать только религіей. Человѣческія средства, какъ я убѣдился изъ многолѣтняго опыта, ни къ чему не приводятъ“. Вотъ почему для успешнаго врачеванія недуга пьянства необходимо, чтобы недужный поставленъ былъ подъ покровъ религіи, чтобы введеніе его въ общество трезвости было непремѣннымъ церковнымъ священнодѣйствіемъ, чтобы оно начиналось, и продолжалось, и оканчивалось церковною молитвою. Чѣмъ болѣе пастырю присуща молитвенность, тѣмъ болѣе такое пу-

бличное моленіе его привлекаетъ къ нему сердца не только трезвой части прихожанъ, но и самихъ страдающихъ злому болѣзню.

Успѣхъ обществъ трезвости въ борьбѣ съ пьянствомъ, кажется, воочію доказываетъ жизненность самой идеи ихъ существованія. Казалось бы, что эти общества встрѣтятъ сочувствіе со стороны правительства и общества. Казалось бы, при такихъ очевидныхъ результатахъ не можетъ быть никакихъ поводовъ и основаній сомнѣваться въ цѣлесообразности и плодотворности борьбы съ пьянствомъ—этимъ общественнымъ порокомъ — путемъ непосредственного нравственно-религіознаго, любовно участливаго воздействиія на порочную слабую волю погибающаго, путемъ пробужденія въ нихъ личнаго самосознанія, отвращенія къ гибельному пороку, наконецъ,—путемъ сплоченной общей борьбы самихъ слабыхъ порочныхъ людей со своимъ недугомъ. Но... они и теперь предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, и, мало того, многимъ дѣятелямъ изъ духовенства приходится въ своихъ попыткахъ организовать борьбу съ пьянствомъ встрѣтиться съ такими препятствіями, которыя парализуютъ ихъ дѣятельность.

Въ чёмъ же причина такого невниманія къ церковнымъ обществамъ трезвости? Первая причина, конечно, въ томъ, что дѣятельность ихъ мало кому вѣдома, такъ какъ она незримо совершается въ народныхъ нѣдрахъ. Но главная причина — принципіальная. Она заключается въ увлеченіи извѣстной части общества односторонней идеологіей экономического материализма, которая подчиняетъ всю жизнь человѣческую безусловному господству особыхъ соціально - экономическихъ законовъ, ставитъ ее въ исключительную зависимость отъ однихъ внѣшнихъ чувственно-материальныхъ усло-

вій и факторовъ существованія. Такіе-то идеологи скептически и обрушаются всею тяжестью своихъ соціально-экономическихъ теорій на живое плодотворное дѣло борьбы съ общественной порочностью вообще и съ пьянствомъ въ частности, находя эту борьбу неправильно поставленную, а потому—безцѣльно и даже прямо вредною. „Вы, — говорятъ они практическимъ борцамъ съ общественною порочностю, вдохновляемымъ любовю къ погибающимъ и стремящимся сейчасъ же неотложно сподручными нравственными средствами и воздействиіями прийти къ нимъ на помощь,—вы напрасно и безцѣльно тратите силы. Для борьбы со зломъ, для искоренія общественной порочности надо узнать ея причины и устранить ихъ, а безъ того всѣ ваши усилія—безцѣльные палліативы. А причины всѣхъ золъ общественныхъ ясно и неопровергимо указываетъ наука въ несовершествахъ современного соціально-экономического строя: въ ту же сторону прежде всего и направляйте свои благія усилія, если хотите видѣть торжество добродѣтели и уничтоженіе порока. Безъ этого всѣ ваши усилія—ничто, ваша дѣятельность не достигнетъ прочныхъ результатовъ!“

Подобныя рѣчи слышались и на первомъ русскомъ съездѣ по борьбѣ съ пьянствомъ, когда представители этой идеологии востали противъ усиленія религіознаго начала въ школѣ. Имъ хотѣлось бы постаментомъ для антиалкогольной борьбы положить факторы исключительно соціального и экономического порядка.

Что сказать на такія рѣчи? Несомнѣнно, въ нихъ есть доля истины, но истины односторонней: неоспоримо, конечно, громадное вліяніе соціальныхъ и экономическихъ причинъ на развитіе и укорененіе вообще порочности въ обществѣ, въ частности—пьянства; но отрицать только въ виду этого всякую возможнoсть

ослабленія и устраненія порочности путемъ непосредственной борьбы съ ней нравственными средствами—воздѣйствиемъ на умъ и волю отдѣльныхъ членовъ общества—будетъ очевидной односторонностью, идущей въ разрѣзъ со всей исторіей человѣчества. Эта исторія и общимъ ходомъ и множествомъ отдѣльныхъ фактовъ ясно доказываетъ, что человѣчество никогда не было въ полномъ рабствѣ материальныхъ и экономическихъ условій своего существованія; напротивъ, его духовная природа, его воля и умъ, всегда подчиняла ихъ себѣ и видоизмѣняла или ради осуществленія и торжества нравственныхъ идеаловъ, или подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Человѣкъ по природѣ—не рабъ материальной стороны существованія, и временно дѣлаетъ его такимъ предварительное забвеніе нравственныхъ запросовъ, пренебреженіе къ своему личному достоинству. И когда наступало лишь пробужденіе человѣческаго духа, оно завершалось побѣдой надъ земными, материальными экономическими условіями жизни и всегда вело къ ихъ улучшенію, совершенствованію. Такъ всегда бывало и бываетъ, а по идеологіи материалистической должно бы быть обратное: материально-экономическое и соціальное улучшеніе жизни должно бы вести къ подъему духовно-нравственной жизни и уменьшенію порочности, но пока что, подтвержденія такой идеологіи жизнь не дала.

А между тѣмъ, такая идеологія оказываетъ отрицательное вліяніе на всѣ стороны жизни. Въ самомъ дѣлѣ, отвергая, якобы на основаніи науки, цѣлесообразность и полезность непосредственной борьбы съ общественной порочностью, безъ предварительного устраненія экономическихъ, материальныхъ и соціальныхъ причинъ послѣдней, она неизбѣжно парализуетъ энергию непосредственныхъ самоотверженныхъ борцовъ

противъ общественныхъ недуговъ, лишая ихъ увѣренности въ достижениіи положительныхъ резулѣтатовъ одною нравственно-просвѣтительною дѣятельностью. А ожидать, сложа руки, въ бездѣйствіи, когда будутъ устранены, во исполненіе чаяній нашихъ идеологовъ, всѣ отрицательные материальные, экономические и соціальные факторы и условія изъ жизни человѣчества, и надѣяться, что тогда исчезнутъ пороки и возсіяеть новая нравственность,—не значить ли все это удалять достижимое сейчасъ въ извѣстной степени благополучіе и нравственное оздоровленіе общества въ туманное, утопическое, трудно осуществимое отдаленное будущее?

Пьянство есть не только болѣзнь, но и порокъ, моральное разложеніе народа, которое является результатомъ многихъ причинъ, но по преимуществу—упадка вѣры. Мораль народа покоится прежде всего на религіозной основѣ. Стала расшатываться народная вѣра, а вмѣстѣ съ нею зашаталась нравственность. Народъ безусловно перестанетъ пить, когда нравственность его окрѣпнетъ. А нравственность окрѣпнетъ тогда, когда сильна будетъ вѣра. Безъ содѣйствія религіи борьба съ пьянствомъ невозможна. Это сознаютъ пастыри нашей Церкви, и вотъ почему они первые и по времени, и по числу ринулись въ борьбу со смертельнымъ врагомъ русскаго народа пьянствомъ, какъ порокомъ, разъѣдающимъ не только духовно-нравственную сокровищницу *личности*, но и моральныя богатства человѣческихъ *обществъ*, но и устои Христовой Церкви. Борьба эта неминуемо должна отливаться въ формы проповѣди, горячей и убѣдительной, при безупречности собственной жизни. *Quid sunt leges sine moribus—quid sunt mores sine fide*, т.-е. что значать законы безъ нравственности, что значитъ нравствен-

ность безъ вѣры, безъ отрезвляющаго слова, опирающагося на возвышенныя начала отвѣтственности передъ Богомъ за себя, за другихъ, и въ особенности за „малыхъ сихъ“, соблазняемыхъ и развращаемыхъ примѣромъ взрослыхъ? Чтобы личность преклонилась передъ закономъ и исполнила его, и исполненіе это считала цѣлью своей жизни, надо, чтобы законъ исходилъ отъ Высшей Силы, отъ сферы сверхчеловѣческаго разумѣнія. Тогда только онъ императивъ. Эта религіозность, богоносность и составляетъ ту святыню, которою народъ дорожитъ и никому не отдаетъ. Она съ самой колыбели Руси воспитывала и воспитала десятки и сотни поколѣній. Это—та основа, на которой зиждется вся жизнь нашей родной страны. И отсюда становится понятнымъ усилие пастырской трезвенной работы и что церковныя общества трезвости, основанныя на такихъ началахъ, не заглохли, не упали подъ градомъ наスマшекъ и пренебрежительного отношенія къ себѣ, а расцвѣли, окрѣпли, сдѣлались для села своего рода культурными очагами, создали большое антиалкогольное движеніе, о которомъ мало говорятъ, но которое незримо совершается въ народныхъ нѣдрахъ. Если десять лѣтъ тому назадъ число обществъ трезвости надо было считать десятками, а число трезвенниковъ измѣрять одной или двумя тысячами, то въ настоящую минуту картина развертывается болѣе радостная и утѣшительная. Всѣхъ обществъ трезвости сейчасъ около 2000. Трезвенниковъ въ нихъ около 500.000. Тамъ, гдѣ во главѣ дѣла стоятъ энергичные, горящіе святымъ воодушевленіемъ пастыри, тамъ общества трезвости имѣютъ колоссальный, изумительный успѣхъ. А это показываетъ, что жизненна и самая идея ихъ возникновенія.

Настоящій съездъ несомнѣнно имѣетъ весьма важ-

ное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ. Это своего рода провѣрка силъ, экзаменъ борцамъ съ пьянствомъ подъ покровомъ Церкви. Безъ сомнѣнія, съѣздъ проложить новые пути въ дѣлѣ приходской трезвенной работы. А главное онъ будетъ способствовать объединенію всѣхъ борцовъ за трезвость. Если раньше велась борьба со страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ въ одиночку и разбитыми силами, то, надо надѣяться, теперь ряды сомкнутся, начнется борьба устойчивая, планомѣрная. Если раньше каждый дѣйствовалъ за собственный страхъ, безплодно терялъ свои силы на отысканіе тѣхъ путей, тѣхъ удобныхъ пріемовъ борьбы, которые уже открыты и извѣданы другими, то теперь, можетъ быть, старанія духовенства будутъ болѣе продуктивными, его силы будутъ направляться не на одолѣніе препятствій, а на творческую, планомѣрную, со-зидящую работу.

Трезвенная приходская работа имѣетъ великую будущность, ибо съ религіознымъ началомъ сжился весь исторический укладъ Россіи. Мы вѣримъ, что общества трезвости, построенные на этомъ началѣ, приведутъ Святую Русь къ яркой и свѣтлой зарѣ воскресающей трезвости. Да благословитъ Господь благія начинанія нашего съѣзда!

Арсеній, Архієпископъ Новгородскій.



# Рѣчь, при закрытии въ Москвѣ всероссійскаго съѣзда практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ пьянствомъ.

*Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь (1 Коринѣ. 16, 13).*

Съ такими словами ободренія и вмѣстѣ предостереженія обращался нѣкогда святой апостолъ Павелъ къ христіанамъ Коринѣской церкви, когда узналъ о той внутренней брани, какая поднялась здѣсь вслѣдствіе разногласія и споровъ о достоинствахъ различныхъ учителей. Самому существованію столь знаменитой и, по словамъ того же апостола, украшенной всѣми добродѣтелями церкви грозила величайшая опасность. Только крѣпкое стояніе въ вѣрѣ, только мужественное и единодушное отраженіе враговъ мира могли спасти ее отъ неизбѣжнаго разстройства и о семъ то просить и убѣждаетъ апостолъ тѣхъ, которыхъ онъ прежде другихъ наставилъ въ истинѣ и для которыхъ онъ былъ пѣстуномъ во Христѣ. „Бодрствуйте, писалъ изъ Ефеса въ Коринѣ св. Павелъ, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь“.

Но эти же слова апостольскаго призыва должны быть огненными, неизгладимыми буквами напечатлѣны и въ сердцахъ христіанъ всѣхъ временъ, ибо не было и не будетъ такого времени, когда-бы истина Христова не подвергалась опасности, когда бы враги не нападали на Церковь святую. Въ нихъ каждый христіанинъ, который по самому званію своему является воиномъ Хри-

стовы́мъ, можетъ всегда черпать для себя силу и во-одушевленіе, столь необходимыя для дѣятельности. Эти же слова апостольского призыва пусть явятся напутствіемъ и для насъ, назвавшихся практическими борцами за великое дѣло отрезвленія народа. По милости Божіей мы закончили ту работу, для которой собрались со всѣхъ концовъ Россіи и готовимся вознести Господу чувства хвалы и благодаренія. Въ этотъ торжественный и заключительный моментъ нашихъ напряженныхъ занятій естественно намъ остановиться на пройденномъ пути и спросить: что мы видѣли, слышали и что совершили? Предъ нашимъ сознаніемъ прошли картины потрясающаго бѣдствія отечества, мы слышали стоны и вопли погибающихъ и уже погибшихъ, все потерявшіхъ въ жизни, потопившихъ въ винѣ разумъ, чувство и волю, обратившихся въ жалкое отребье человѣка, но и въ такомъ ужасномъ состояніи все же остающихся близкими намъ, нашими братьями во Христѣ, ибо и въ ихъ душахъ начертанъ образъ Божій, ибо и для нихъ приходилъ на землю Христосъ и пролилъ Свою безцѣнную кровь, ибо и для нихъ Онъ готовилъ обители Отца Небеснаго и они предназначены для вѣчности, для неба. Хитрый, коварный врагъ обманулъ ихъ, увлекъ ихъ, опуталъ своими сѣтями и погубилъ ихъ. Онъ имъ, страждущимъ и изнемогающимъ, обѣщалъ забвеніе и успокоеніе отъ удручающихъ золъ жизни и вотъ они жадно потянулись къ упоительной чашѣ, которая скоро стала для нихъ смертоносной и губительной. И сбылось надъ ними слово Премудраго: оно, т. е. вино, укусить тебя какъ змѣя и ужалить какъ аспидъ. Отъ его смертоноснаго укуса падали и погибали не отдельные только люди, но цѣлые царства и народы. Отъ многихъ величайшихъ государствъ не осталось и слѣда, они буквально стерты

съ лица земли и часто потому, что или правители ихъ, или даже весь народъ подвержены были губительному пороку. И, несмотря на такие грозные, предостерегающіе уроки, зло не уменьшается, зло растетъ. Эта страшная зараза коснулась и уже глубоко проникла и въ нашу народную душу и отъ ея тлетворного вліянія дрогнула сила Россіи, пошатнулась ея мошь. Вы слышали доказанныя, обоснованныя рѣчи о надвигающейся опасности и чье сердце не дрогнуло въ предвидѣніи грядущихъ бѣдствій?. Пора намъ проснуться отъ усыпляющихъ иллюзій и прямо, трезво взглянуть на вещи. Посему, братіе, бодрствуите! Среди разливающагося моря пьянства вы объявились какъ бы предохранительными и спасительными маяками. Не гасите же зажженного огонька, пусть сильнѣе разгорается онъ и прорѣзываеть тьму, сгустившуюся надъ нашей свято-русской землей. Вѣрьте, къ нему потянутся тысячи рукъ съ мольбой, на него съ упованиемъ будутъ взирать всѣ изстрадавшіеся въ непосильной борьбѣ съ великимъ соблазномъ. Но и тогда, когда ваше трезвенное дѣло по своимъ размѣрамъ будетъ казаться малымъ и даже незначительнымъ, не смущайтесь и не падайте духомъ: оно всегда будетъ сильно внутренней, присущей ему правдой. Оно будетъ тѣмъ несокрушимымъ камнемъ, оплотомъ вашего дѣла, какого не смогутъ сдвинуть никакія враждебныя силы. Пусть кругомъ волнуются свирѣпыя волны страстей, пусть неистовствуетъ при видѣ успѣха вашего дѣла яростная злоба противниковъ: имъ не раззорить зданія, построенного не на пескѣ, а на твердомъ камнѣ вѣры. Вѣдь вѣра — это та могучая сила, которая двигаетъ горами. Вложите ее въ ваше дѣло и оно станетъ мощнымъ и несокрушимымъ. На эту великую, зиждительную силу и указываетъ апостолъ, когда убѣждаетъ словами: *стойте въ вѣрѣ, на*

ней утверждайтесь, ни мало не колеблясь умомъ и не раздвояясь сердцемъ. ибо мужъ двоедушенъ, по словамъ другого апостола: *не устроенъ во всъхъ путехъ своихъ* (Іак. 1, 8). Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не вступайте въ сдѣлку, не заключайте перемирія съ тѣмъ, что вы сами объявили зломъ и проклятіемъ жизни народной, не смотря на всѣ соблазны и искушения, какие будутъ устроить вамъ. А сколько этихъ соблазновъ, самыхъ заманчивыхъ будетъ расточать врагъ, сколько обѣщаній и выгодъ сулить, желая и стараясь прельстить и усыпить друзей трезвости! А тамъ, гдѣ онъ не достигнетъ цѣли лестью, онъ ополчится противъ несговорчивыхъ и неуступчивыхъ жаломъ клеветы, издѣвательства и въ особенности насмѣшки. Насмѣшка—это самое тонкое орудіе, которое ранить и тогда, когда оказываются безсильными всѣ другіе способы нападенія. Сколько такихъ примѣровъ знаетъ каждый, когда человѣкъ легко преодолѣваетъ множество направленныхъ противъ него козней, но одного не могъ снести — насмѣшки, мѣтко пущенной и наносящей рану въ самое сердце. Но нигдѣ, ни въ какомъ другомъ дѣлѣ, такъ не пользуются этимъ ужаснымъ орудіемъ, какъ именно въ борьбѣ съ трезвенниками. Противъ нихъ всюду и всегда направляется самое тонкое, ядовитое жало отточенной насмѣшки, издѣвательства, инсинуаціи. Да, путь истиннаго трезвенника поистинѣ крестоносный и сколько потребно мужества, стойкости, чтобы на немъ устоять, не отступить, не пасть! О, мужайтесь и вы, друзья и борцы трезвости, на вашемъ далеко не легкомъ поприщѣ! Въ сознаніи того, что вы совершаете величайшій подвигъ любви, мужественно шествуйте по своему крестоносному пути, взирая на Божественнаго Страдальца Христа, подъ градомъ насмѣшекъ совершившаго подвигъ искупленія, и въ примѣрѣ Его почерпайте для себя

силы. Тъмъ же убо и мы... терпънiemъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника спры и совершителя Иисуса, иже вмъсто предлежащія Ему радости, претерпъ крестъ, о срамотѣ нерадивъ (Евр. 12, 1—2). Вѣдь какъ бы ни тяжелы были наши испытанія, но все же среди нихъ мы не будемъ одиноки, какъ былъ Онъ, Божественный Страдалецъ, всѣми оставленный и даже Отцомъ Своимъ Небеснымъ, что и вызвало изъ устъ Его нечеловѣческій вопль: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Мате. 27, 46). Въ ближайшей родной трезвеннай семьеѣ каждый изъ насъ найдетъ привѣтъ, ободреніе и утѣшеніе. Если однородное дѣло всего лучше и скорѣе сближаетъ людей, то какъ тѣсно должны быть спаены между собой тѣ, которые отдали всѣ свои силы одному святому призванію: спасать изъ бездны порока своихъ погибающихъ братьевъ. Теперь, послѣ такого явленнаго торжества трезвеннаго дѣла, ряды борцовъ несомнѣнно умножатся и всюду они будутъ чувствовать и сознавать себя родными братьями, внутренно будутъ единиться между собой, наращивая великую всенародную трезвенну силу, которая, вѣримъ, явится, наконецъ, тою крѣпостію, за которой найдутъ надежное убѣжище всѣ страждущіе и изнемогающіе въ непосильной для одинокихъ борьбѣ съ великимъ соблазномъ народнымъ, и этой силѣ вѣдь всякаго сомнѣнія принадлежитъ свѣтлое будущее Россіи.

Въ живомъ и дѣятельномъ приготовленіи сего торжества бодрствуйте, братья трезвенники, на вашемъ трудномъ пути, стойте непоколебимо на тѣхъ началахъ, на которыхъ утверждены, мужественно отражайтѣ козни противниковъ и взаимно укрѣпляйтесь, соединяясь въ единый союзъ любви Христовой. *Вся вами любовію да бываютъ* (1 Кор. 16, 14). Аминь.

## Стражичка изъ современаго патерика.

(Изъ дневника епископа).

Хотите ли, добрые читатели мои, отдохнуть душой, перенестись въ иной міръ, грѣшному міру невѣдомый?.. Или думаете, что это уже стало на Руси невозможno, что этотъ міръ уже отлетѣлъ въ область преданій и легендъ, въ которыхъ нынѣ больше видятъ поэзіи, чѣмъ дѣйствительной жизни, больше назидательныхъ примысловъ, чѣмъ дѣйствительныхъ фактовъ?.. Было бы великимъ несчастіемъ для нась, для нашего народа, если бы было это такъ. Это значило бы, что исторія нашего отечества кончилась, что приговоръ Божественный надъ нами уже произнесенъ, что мы исключены изъ той книги жизни, въ которой пишется перстомъ Божіимъ исторія домостроительства спасенія рода человѣческаго и записаны въ ту книгу смерти, въ которой едва замѣтными штрихами видны имена когда-то великихъ народовъ Азіи, Африки и Европы; имена египтянъ, ассириянъ, финикиянъ, вавилонянъ, имена древнихъ эллиновъ и римлянъ, всѣ тѣ имена, носители которыхъ давно исчезли съ лица земли, или же ихъ потомки едва влачатъ свое жалкое въ сравненіи съ великимъ ихъ прошлымъ существованіемъ...

Слава Богу: это—не такъ! Еще жива наша русская православная душа! Еще искрятся кое-гдѣ искорки Божіи, есть кое-гдѣ невѣдомые смиренные рабы Божіи,

молитвами которыхъ и міръ стоитъ! Кто читалъ мою книжку: „Чѣмъ жива наша православная душа“, тотъ знаетъ, что авторъ видѣлъ воочію такихъ Божіихъ рабовъ, видѣлъ дивныя явленія Божія Промысла и живой вѣры русскихъ людей, живущихъ въ нѣдрахъ родной Церкви православной, смиренно текущихъ путемъ Божіимъ и паче всѣхъ добродѣтелей украшающихъ себя красотою ангельского смиренія. То правда, что нынѣ не то, что было во дни оны, древніе, на старой Руси; нынѣ не составиша большого патерика изъ сказаній о современныхъ подвижникахъ, но и то должно сказать: вѣдь о нашихъ-то временахъ и есть пророчество у святыхъ отцовъ, что послѣдніе монахи будутъ спасаться больше всего смиреніемъ и тѣ изъ нихъ, которые спасутся, превзойдутъ великихъ чудотворцевъ древнихъ временъ... Оттого-то и не видны они, эти современные намъ рабы Божіи, что вся жизнь ихъ сокровенна со Христомъ въ Богѣ, что, почитая себя отребіемъ міра, послѣдними грѣшниками, они тщательно прячутся отъ взоровъ людскихъ, и только развѣ святая дружба, взаимность молитвы да любовь къ собратіямъ иногда въ концѣ ихъ жизни пріоткрываютъ завѣсу смиренія, покрывающую ихъ внутренняго человѣка.

И удивительное дѣло: какъ вотъ въ житіяхъ святыхъ повѣствуется, что такихъ рабовъ Божіихъ считали какъ бы отбросами общества, не обращали на нихъ никакого вниманія, иногда относились къ нимъ даже презрительно, поносили и обижали ихъ неповинно, такъ и на сихъ рабовъ Божіихъ, смиренно Богу работающихъ въ наши дни, никто не обращаетъ вниманія, считаютъ ихъ какъ бы едва терпимыми: „ну—что! даромъ хлѣбъ ъестъ! напрасно келью занимаетъ!“ А что онъ первый является въ храмъ Божій къ утрени,

становится въ отдаленномъ уголкѣ, выстаиваетъ, никъмъ незамѣчаемый, всѣ службы Божіи, внимая церковному чтенію и пѣнію—этого никто не замѣчаетъ, вѣдь на то и монахъ, чтобы въ церковь ходить да Богу молиться! Еще бы онъ этого не дѣлалъ!..

Почти тридцать лѣтъ прожилъ я въ обители преподобнаго Сергія и видѣлъ такихъ, и зналъ ихъ, и любовался именно ихъ смиреніемъ. О нихъ даже и сказать-то много нечего: ихъ вѣшняя жизнь слишкомъ однообразна: всѣ дни какъ одинъ, молитва, трудъ послушанія—вотъ и все... Изрѣдка замѣтишь, какъ иной съ такою любовью отнесется къ скорбящему собрату, съ такою нѣжностью скажетъ слово вразумленія юношѣ послушнику, а затѣмъ будто и опять уйдетъ въ самого себя, и снова трудъ и молитва, молитва и трудъ... А для иного и въ церковь-то пойти, при его глубокой старости и недугахъ ея, уже великій трудъ. Помню стариичка дѣдушку Гордія: ползетъ, бывало, въ храмъ Божій во всяку непогоду въ два часа утра и весь день проводитъ въ храмѣ Божіемъ. Отстоить утреню—стоитъ раннюю литургію у преподобнаго Никона; затѣмъ же тамъ и пригрѣется на чугунныхъ плитахъ пола, согрѣваемыхъ духовою печью—и отдохнетъ, а затѣмъ стоитъ—молится за поздней литургіей, бредетъ въ трапезу, но тамъ не обѣдаетъ, а беретъ съ собою хлѣбца да кувшинчикъ квасу и идетъ подъ монастырскую ограду, къ своей коечкѣ (тамъ была для такихъ стариичковъ богадѣльня). Отдохнетъ, а къ вечернѣ уже опять въ церкви, отъ вечерни пройдетъ къ Зосимѣ и Савватію—ко всенощной, а тамъ спѣшить къ великомученицѣ Варварѣ на правило... и снова къ своей коечкѣ на покой... Такъ текла его труженическая жизнь въ послѣднія лѣтъ десять-пятнадцать въ нашей обители. Стa шести лѣтъ отошелъ онъ ко Господу, только

за три-четыре дня прекративъ хожденіе къ службамъ Божіимъ. Помнилъ онъ и 1812 г., но не любилъ онъ пускаться въ воспоминанія; все молитвою Іисусовой занимался. И она такъ дѣйствовала въ его чистомъ дѣтскомъ сердцѣ, что даже во снѣ онъ двигалъ устами, повторяя ее. Объ его умиленномъ состояніи свидѣтельствовали его очи, всегда орошенныя слезами.

Вотъ еще старецъ-простецъ, отецъ Маркеллъ страннопитатель.

Вся его жизнь была воплощеніемъ заповѣди о трудѣ и смиреніи, о любви и молитвѣ въ простотѣ сердца. Грамоты онъ не зналъ, а между тѣмъ былъ однимъ изъ тѣхъ рабовъ Божіихъ, которые часто составляютъ истинную закваску евангельской притчи въ той средѣ, въ какой живутъ: незамѣтно, но неотразимо они своимъ личнымъ примѣромъ воздѣйствуютъ на окружающихъ и, сами того не подозрѣвая, дѣлаютъ великое дѣло: они воспитываютъ этихъ, постоянно съ ними соприкасающихся людей для царствія Божія. Много лѣтъ трудился онъ въ обители преподобнаго Сергія и все на одномъ послушаніи — въ страннопріимной палатѣ. Каждый день можно было видѣть его въ Троицкомъ соборѣ лавры у заутрени, а еще раньше за тихимъ молебномъ, который ежедневно совершается о здравіи братіи и благодетелей обители у гроба чудотворца Сергія; отъ утрени онъ шелъ на послушаніе и цѣлый день, съ утра до ночи, проводилъ въ трудѣ, всѣми силами стараясь успокоить странниковъ, которыхъ онъ такъ ласково-привѣтливо величалъ всегда „рабами Божіими“, „дорогими гостями преподобнаго Сергія“. Начальство монастырское было спокойно за это столь важное послушаніе: о. Маркеллъ всякаго сумѣеть прilаскатъ, всякаго накормить и успокоить... Итакъ изодня въ день, въ продолженіи лѣтъ тридцати, въ мо-

литвѣ и трудахъ, въ трудахъ и молитвѣ прошла вся жизнь о. Маркелла. Беззавѣтный послушникъ, безотвѣтный труженикъ по мѣрѣ силъ, онъ на своемъ немаловажномъ послушаніи дѣлалъ свое дѣло такъ, какъ дай Богъ дѣлать всякому, кто къ чему приставленъ. На страннюю посылаютъ обычно новоначальныхъ для послушанія: для такихъ о. Маркеллъ былъ добрымъ старцемъ-руководителемъ, хотя никто его въ этомъ смыслѣ старцемъ и не называлъ. Кто проходилъ послушаніе на странней, тотъ съ любовью вспоминаетъ его доброе, благодушное обхожденіе, но вспоминаетъ и то, что онъ много воли не давалъ своимъ послушникамъ: умѣлъ и смирить, и вразумить. О. Маркелла знали многіе и странники шли къ нему какъ къ родному. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, каждый праздникъ я раздавалъ листки на странней и всегда любовался этимъ простецомъ — радушнымъ гостепріимцемъ, истиннымъ ученикомъ преподобнаго Сергія. Смотря на него невольно думалось: вотъ бы побольше такихъ иноковъ въ нашихъ обителяхъ, какъ бы хорошо жилось въ монастырѣ! Что до того, что о. Маркеллъ былъ неграмотный мужичокъ? Онъ послужилъ преподобному Сергію побольше многихъ-многихъ изъ насъ грамотеевъ. На такихъ инокахъ воочію мы видимъ ту истину, что не ученье, не такъ называемое образованіе воспитываютъ въ человѣкѣ образъ Божій, а простота и незлобіе, смиреніе и чистота сердца дѣлаютъ истиннымъ мудрецомъ. И такие-то мудрецы не отъ міра сего сколько свѣта и добра разливаютъ вокругъ себя! Такіе иноки живо напоминаютъ намъ тѣхъ простецовъ, что собрались когда-то преподобному Сергію въ его смиренную пустынъ и трудились съ нимъ въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и смиреніи... Отрадно бываетъ и помолиться за такого покойника;

сердце вѣруетъ, что преподобный Сергій упокоитъ въ небесной своей обители того, кто въ простотѣ сердца смиренно потрудился въ его земной обители, потрудился особенно въ исполненіи его святого завѣта, начертанного въ хартіи на древнихъ его иконахъ: *страннолюбія не забывайте!* И какъ отрадно было бы, если бы о такихъ рабахъ Божіихъ по смерти ихъ не молчали; авось ихъ примѣръ заставитъ задуматься иного и ученаго грамотея надъ истиннымъ смысломъ жизни христіанской, надъ тѣмъ: для чего мы живемъ на этомъ свѣтѣ и что нужно намъ припасти на тотъ свѣтъ?... Кто знаетъ? Можетъ быть иному читателю и придетъ благая мысль: вѣдь вотъ такіе-то простецы и войдутъ *спереди меня* въ царство небесное... Имъ дано немного, но они сумѣли малое пріумножить при помощи благодати Божіей, а мнѣ дано больше—съ меня больше и взыщется. И смирится гордая мысль, и легче вздохнетъ грѣшная душа.

О. Маркеллъ скончался 2 Февраля 1898 г.

Не забуду я и монаха Григорія, который нѣсколько лѣтъ лежалъ безъ ногъ въ старой богадѣльнѣ, подъ оградой лавры. Когда-то проходилъ онъ послушаніе въ Троицкомъ соборѣ при записи въ синодикъ и продавалъ книги. Когда его ноги отказались ему служить, ему пришлось лежать все время въ постели; не часто перевязывали ему раны на ногахъ и онъ терпѣль свою болѣзнь такъ благодушно, что, бывало, идешь къ нему не для того, чтобы его утѣшить, а чтобы себѣ отъ него получить утѣшеніе: такой онъ былъ всегда жизнерадостный! Часто посѣщалъ его покойный старецъ о. Варнава.

Встаетъ предо мною милый старичекъ о. Іоиль, заштатный игуменъ. Въ его молодости повторилась, говорятъ, история Павла препростаго: заставилъ свою

молодую жену въ грѣхѣ съ пріятелемъ, онъ, недолго думая, сбѣжалъ на Аeonъ, постригся тамъ, а впослѣдствіи, по приглашенію знаменитаго Иннокентія Херсонскаго, былъ настоятелемъ въ одномъ изъ възстановленныхъ имъ монастырей въ Крыму... Помню, какъ онъ прибылъ въ больницу въ послѣдній разъ предъ смертію своей.

— „Ну вотъ,—говоритъ,—и на мою капусту морозъ пришелъ: покажите койку, умирать пришелъ!“

Пособоровался, причастился Св. Таинъ и чрезъ нѣсколько дней Богу душу отдалъ. Его духовныя дѣти свидѣтельствовали потомъ, что онъ всю жизнь со дня постриженія носилъ власяницу и сохранилъ себя въ совершенной чистотѣ, ни разу не испытавъ и во снѣ такъ называемаго искушенія.

Рассказываютъ, что съ нимъ было одно поразительное событие: разъ одно высокопоставленное властное лицо такъ на него разгневалось, что вышло изъ себя, бранило его, топало ногами. Вдругъ о. Іоиль падаетъ въ обморокъ... Полагали, что старецъ перепугался отъ гнева начальника того, а въ самомъ дѣлѣ, было такъ (какъ повѣдалъ о семъ самъ онъ въ назиданіе своимъ духовнымъ дѣткамъ): онъ внезапно увидѣлъ позади того властнаго лица ангела Божія съ огненнымъ мечомъ и отъ страха упалъ... А то лицо на другой же день скончалося внезапно...

А вотъ предо мною небольшая тетрадка, особенно поучительная для нашего грѣшнаго времени. Написана она въ стаинномъ, такъ сказать, стилѣ: „Блаженная кончина 86-лѣтняго старца Божія, повара великія лавры Сергіевы, схимонаха Исаака“.

Хорошо я зналъ этого старца; почти тридцать лѣтъ жили мы такъ близко, почти въ одномъ корпусѣ: онъ внизу, я вверху. И ничего подвижническаго я въ немъ

не замѣчалъ. Такъ себѣ, простой, добрый, не безъ нѣкоей немощи, но не помню я, чтобы онъ когда-нибудь кого-нибудь осудилъ. Но вотъ пришла старость и въ немъ какъ-то незамѣтно произошла перемѣна: онъ сталъ вдумчивѣе, внимательнѣе къ себѣ... Но едва ли кто изъ собратій могъ предполагать, что пошлетъ ему Господь такую кончину, какую описываетъ упомянутая тетрадка. Вотъ ея содержаніе:

„Мѣсяца за два до смерти старецъ, по крайней слабости ногъ, пересталъ ходить въ церковь. А до сего времени былъ великій любитель службъ церковныхъ. Удивительно было, что въ такомъ преклонномъ воззрастѣ онъ нимало не ослабѣлъ ни памятью, ни умомъ. Наизусть читалъ онъ молитвы, псалмы, ирмосы. Больше всего любилъ онъ повторять слова: „Господи! Ты премудростію Твою создалъ меня отъ чрева матери моей. Господи! Ты вся вѣси: прошедшее мое, настоящее и будущее, и въ книзѣ Твоей еще и несодѣянная мною написана Тебѣ суть. Тебѣ извѣстны, Господи, всѣ мои грѣхи: прости меня!“...

И когда онъ читалъ молитвы, то часто ограждалъ уста свои крестнымъ знаменіемъ: „а то,—говорилъ онъ,—врагъ не даетъ выговаривать“.

Святыхъ Христовыхъ Таинъ причащался часто, а за послѣднее время чуть не каждый день. Пищи принималъ самую малость, въ послѣдніе дни—изъ рукъ служителя. Недѣли за двѣ до своей кончины онъ находился въ какомъ-то удивительному настроеніи духа—настроеніи покаянія и непрестанной молитвы. Дней за пять до кончины онъ пришелъ въ какое-то созерцаніе. съ кѣмъ-то бесѣдовалъ, къ кому-то простирая руки. Въ день своего ангела, 28 января, призывалъ преподобнаго Исаака Сирина и просилъ навѣстить его.

За три дня до кончины, въ два часа ночи подзы-

ваетъ онъ къ себѣ служащаго ему монаха Даніила и говоритъ: „не знаю, отецъ Даніилъ, воображеніе ли мое представило мнѣ отъ болѣзни или то было истинное видѣніе: сейчасъ я въ раю былъ“.

— Хорошо тамъ, батюшкa?—спросилъ Даніилъ.

— О, несказанно хорошо!—отвѣтилъ старецъ.

— А ты будешь въ раю?—спросилъ въ простотѣ о. Даніилъ.

— Это еще неизвѣстно,—сказалъ старецъ,—опредѣленія еще не было, я вѣдь еще живъ.

Чрезъ часъ опять подзываетъ о. Даніила и говоритъ:

— О. Даніилъ, сейчасъ я въ аду былъ и видѣлъ всѣ мученія.

— Что, батюшкa, страшно тамъ?

— О, ужасно!—сказалъ старецъ.

Потомъ взялъ себя за волосы и говоритъ:

— Тамъ вотъ такъ-то рвутъ на себѣ волосы и всѣ стонутъ...

Прошелъ еще часъ и снова подзываетъ старецъ Даніила и говоритъ:

— Господа Саваоѳа видѣлъ.

Еще чрезъ часъ опять говоритъ:

— На страшномъ судѣ Божиемъ былъ.

— Что же, батюшкa, какое опредѣленіе о тебѣ?

Это будетъ по смерти,—сказалъ старецъ,—вѣдь я еще не умеръ.

Потомъ говоритъ:

— Всѣ эти видѣнія, отецъ Даніилъ, отъ Бога ли были, или отъ болѣзненнаго состоянія—Богъ вѣсть, а я не знаю. И хочешь—говори о нихъ по смерти моей кому, хочешь не говори—дѣло твое.

Послѣ этого старецъ находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи, крѣпко молился, простирая руки и призывалъ своего ангела по монашеству: „преподобне

отче Исаакіе, что же ты оставилъ меня въ такой страшный часъ? Пріиди ко мнѣ, посѣти меня, утѣшь меня!“

Утромъ уже подозвалъ старецъ о. Даніила и говоритъ.

— Что же мнѣ дѣлать? Я очень грѣшенъ.

— Ничего, батюшка,—успокоивалъ его о. Даніилъ,— Господь милосердъ.

— Я знаю, что Онъ милосердъ,—сказалъ со стена-ніемъ старецъ,—да тамъ-то Онъ будетъ и правосу-денъ, будетъ судить каждого по дѣломъ его.

О. Даніилъ сталъ напоминать ему слова священного Писанія: „Господь чрезъ пророка сказалъ: хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Господь и на землю пришелъ—не правед-ники, а грѣшники спасти. А св. апостолъ Павель про себя говоритъ: отъ нихъ же первый есмь азъ“.

Потомъ старецъ сказалъ:

— Отець Даніилъ, я очень грѣшенъ и грѣхи меня смущаютъ; бывалъ я и на исповѣди, но всего выска-зать никакъ не могъ: то время не дозволяетъ, то ду-ховника бы не смутилъ и не задержать, то боишься, какъ бы наружу не вышло: такъ все и утаивалъ. Теперь слушай ты и я буду исповѣдывать тебѣ. Въ св. Писаніи сказано: исповѣдайте другъ другу со-грѣшенія.

И началъ старецъ исповѣдывать грѣхи свои отъ семилѣтняго возраста, перебралъ всю свою жизнь, го-ворилъ цѣлый часъ, а о. Даніилъ все время стоялъ и слушалъ.

Потомъ видитъ старецъ, что о. Даніилъ за эту ночь очень утомился, отпустилъ его и самъ успокоился. Ночь провелъ спокойно, молился, воздѣвалъ руки и часто повторялъ: „это все опредѣленіе Божіе“. Разъ о. Даніилъ спросилъ:

— Батюшка, для чего ты поднимаешь руки?

Старецъ отвѣтилъ:

— Въ это время я воображю, что предстою суду Божію.

Въ ночь предъ кончиной въ 2 часа призываетъ онъ насико о. Даніила и говоритъ:

— Что мнѣ дѣлать? Я умираю... Кому мнѣ молиться?

Видимо старецъ былъ въ искушенніи отъ духа унынія.

Молись Божіей Матери,—отвѣчалъ ему о. Даніилъ,—  
Она наша заступница и въ часъ смертный скорая  
помощница.

— Да какъ молиться-то...

— Просто: призывай только Ея имя: „Матерь Божія,  
Матерь Божія, Матерь Божія!“

Потомъ старецъ былъ на какомъ-то невидимомъ  
истязаніи и преніи: онъ говорилъ вслухъ: „лжешь ты:  
проститъ! Знаю, что я грѣшенъ, но Сынъ Божій про-  
лилъ кровь Свою Божественную за мои грѣхи“.

И опять скажетъ: „лжешь ты: простить!“

Какъ будто діаволъ приводилъ его въ отчаяніе. Это  
преніе продолжалось долго. Потомъ отецъ Исаакъ во-  
зымѣлъ какое-то дерзновеніе на діавола и, читая мо-  
литву: *Да воскреснетъ Богъ*, когда доходилъ до словъ:  
*тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и*  
*знаменующихся крестнымъ знаменіемъ... силою во адъ*  
*Сшедшаго и Поправшаго всю силу діаволю...* съ такимъ  
дерзновеніемъ произносилъ эти слова, что даже пле-  
валъ въ лѣвую сторону, какъ будто на самихъ бѣсовъ;  
потомъ ограждалъ крестнымъ знаменіемъ уста, глаза,  
уши, всего себя и даже стѣны кельи.

Утромъ 2-го Февраля (1911 г.), въ послѣдній день  
своей жизни, въ 6 часовъ лежалъ съ простертymi  
руками минутъ 20 и дышалъ отрадно. По его желанію  
о. Даніилъ подалъ ему три ложечки святой водицы съ  
антидоромъ.

Во время поздней литургии старецъ подозвалъ о. Даніила и говоритъ:

— Видиши: самъ князь тьмы со всѣмъ полчищемъ обступили меня, пасти разинули, готовы пожрать меня, но я ихъ не боюсь: Иисусъ Христосъ Сынъ Божій пострадалъ за меня, умеръ и воскресъ, и сидитъ одесную Отца.

И опять повторилъ свое любимое слово: „это все опредѣленіе Божіе“.

Послѣ сего языкъ у него притупился и нельзя было разобрать слова. Въ 3 часа дня попросилъ еще святой воды три ложечки. Въ 5 часовъ вечера о. Даніиль подошелъ къ его постели, а онъ даетъ знакъ, что желаетъ причаститься святыхъ Христовыхъ Таинъ. О. Нифонтъ, смотритель, онъ же и духовникъ, спасибо ему, сейчасъ же началъ приготовляться. Въ половинѣ 6-го причастили, хорошо проглотилъ и запилъ, и больше уже ничего не говорилъ.

Тутъ пришелъ и я, описавшій сію кончину, іеромонахъ Порфирій. Случилось такъ: смѣнился я отъ гроба преподобнаго Сергія, пришелъ въ келью и что-то понудило меня идти къ о. Исааку. Прихожу, а о. Даніиль и говоритъ мнѣ: „Самъ Богъ тебя прислалъ, смотри-ка, старецъ-то умираетъ“.

Смотрю — лежитъ онъ недвижимо, тихо дышетъ, глаза хоть и открыты, но потемнѣли. Хотѣлъ было я прочитать отходную, но требника тутъ не нашлось, да и подумалъ: вѣроятно уже читали ему не одинъ разъ. Взялъ я икону, которою нѣкогда благословилъ его намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній при его постриженіи и осѣнялъ ею умирающаго, а онъ сталъ дышать тише и рѣже, а потомъ и совсѣмъ пересталъ, отдавъ душу въ руки ангельскія и духъ свой Богу, отъ Него же и пріялъ его... Правый глазъ онъ самъ

закрылъ, а лѣвый закрылъ ему я, на вѣчную мнѣ память...

Удивила насъ дивная, святоотеческая кончина сего старца потому именно, что всѣ мы знали его жизнь, знали его слабую сторону, и вдругъ—кончина праведническая показала намъ, что подъ этою „чумичкой“ крылась глубокая духовная мудрость, внутренняя молитва, крѣпкая вѣра и горячая любовь ко Господу. Въ послѣдніе дни жизни онъ могъ даже чистымъ умомъ богословствовать, созерцать тайну Пресвятыя Троицы и постигать Божію премудрость въ дѣлахъ Божескихъ и человѣческихъ. Однажды остановился онъ вниманіемъ на словахъ Священного Писанія: „*Премудрость созда Себѣ домъ и утверди столповъ седмь*“. Послѣ глубокаго размышленія онъ спросилъ меня:

— Ты понимаешь ли, что такое седмь столповъ?

Я говорю: сѣмь столповъ есть сѣмь таинствъ церковныхъ и сѣмь вселенскихъ соборовъ, которыми стоятъ и утверждается православная вѣра.

Старецъ остался доволенъ отвѣтомъ: потомъ всплеснулъ руками и опять сказалъ:

— Премудрость созда Себѣ домъ и утверди столповъ седмь...

И эти слова произносилъ въ какомъ-то самоуглубленіи и съ какою-то особеною любовью ко Господу. Видно было, что онъ понималъ всю сущность въ этихъ словахъ.

Спрашивалъ я иногда старцевъ общимъ вопросомъ: чтобы это значило, какая святость открылась у о. Исаака передъ смертію? Нѣкоторые говорили, что покаяніе все можетъ сдѣлать, а о. Исаакъ дѣйствительно, въ послѣднее время, день и ночь находился въ покаяніи. Другіе говорили: стало быть были у о. Исаака добрые задатки въ душѣ: вѣдь онъ полагалъ начало въ Оп-

тиной пустыни. Для спасенія всего нужнѣе смиреніе. А онъ былъ очень смиренъ сердцемъ.

Въ житіяхъ святыхъ читаемъ, какъ преподобный Агаѳонъ, подвизавшійся въ Египетскомъ скиту, предъ смертію своею три дня лежалъ съ открытыми глазами, предстоя душою предъ судилищемъ Христовымъ. Нѣчто подобное повторилось и съ нашимъ о. Исаакомъ. Іисусъ Христосъ вчера и днесъ, Той же и во вѣки. Аминь.

Скончался старецъ на Срѣтеніе Господне въ 7 часовъ вечера.

Воистину—*Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!..*

Такъ кончается тетрадка.

Не правда ли, когда читаешь подобныя сказанія, то кажется, будто переносишься въ иной міръ, во времена давно минувшія? А между тѣмъ--это самая современная дѣйствительность... О. Исаакъ скончался въ прошломъ 1911 году. Значить, еще не погасли искорки той таинственной жизни, какою жива была наша старая Русь. А если такъ, то нельзя терять надежды на то, что и для современной Руси возможно спасеніе.

Вопросъ только въ томъ: въ чемъ это спасеніе?

**Епископъ Ніконъ**, членъ Св. Сѵнода и Госуд. Совѣта.



# Духовный дневникъ\*).

*„Всѣ вы сыны свѣтла и сыны днѧ...  
Будучи сынами днѧ, да трезвимся,  
облечишишь въ броню вѣры и любви и  
въ илѣи надежды спасенія“—(1 Фес-  
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*



Въ мірѣ физическомъ мы видимъ: съ одной стороны—красоту, а съ другой—безобразіе. Красота—это чудные виды природы, зеленѣюще луга, благоухающія поля, стройные лѣса и т. п.; безобразіе—нечистыя мѣста, ужасныя бездны, бесплодныя пустыни. Тоже и въ мірѣ духовномъ: красота—это добро; безобразіе—порокъ, всякий грѣхъ. И кто не любить красоты природы? Кто не старается все виное измѣрять именно этой красотой? Вотъ предъ тобою красивый садъ съ чудными цвѣтами и скверное, нечистое мѣсто... Куда ты пойдешь, чего пожелаешь, что доставитъ тебѣ удовольствіе? Ясно:—благоухающій садъ, который вызоветъ въ душѣ твоей восторгъ, удивленіе, наслажденіе, а отъ нечистаго мѣста ты отвратишь свой взоръ, въ сердцѣ испытаешь непріятное чувство. Тоже, должно быть и въ мірѣ духовномъ. Добро мы должны любить, къ нему стремиться, его искать, а отъ порока, грѣха бѣжать и удаляться. Но не такъ бываетъ въ дѣйствительности. Мы едва прикасаемся къ добру

---

\*) Продолженіе.—См. м. Октябрь „Гол. Ц.“.  
голосъ церкви.

и гораздо въ болѣй мѣрѣ погрязаемъ въ грѣхѣ. Посмотрите на жизнь нашу частную и общественную. Она подчасъ бываетъ прямо-таки безобразна. Пьянство, развратъ, куреніе табаку, убийства, ссоры, грабежи, всякаго рода грубость, нахальство, дерзость переполняютъ нашу жизнь, а въ сердцѣ у насъ живетъ гнѣвъ, раздражительность, злопамятство, зависть, ревность, невѣріе и всякое зло. И, удивительно, какъ человѣкъ не хочетъ пользоваться добромъ! вѣдь, въ немъ его блаженство, утѣшеніе, духовное наслажденіе. Возьмите, напр., воздержаніе. Воздержный чувствуетъ легкость во всемъ тѣлѣ, пользуется здоровьемъ и бываетъ духовно свободнымъ. А вотъ,—пьяница, курящій табакъ, чревоугодникъ... У пьяницы все тѣло пропитано алкоголемъ, его всегда сосетъ червь, понуждающій непрестанно тянуться къ пагубному вину; курящій никогда не дышетъ чистымъ, благоухающимъ, Богомъ созданнымъ воздухомъ, ибо куреніе пропитываетъ все его жилище, всю его одежду, весь его организмъ; чревоугодникъ никогда не испытываетъ легкости въ тѣлѣ, ибо чревоугодіе дѣлаетъ его грузнымъ, тяжелымъ; пары подымаются изъ чрева его, волнуютъ кровь, ударяютъ въ голову и производятъ страданія желудка. Кажется, что тутъ хорошаго? А между тѣмъ, сколько и пьющихъ, и курящихъ, и невоздержныхъ въ пищѣ и питії! Или, вотъ,—цѣломудріе. Это такое небесное сокровище, такой райскій цвѣтокъ, такое благоухающее муро, что должно бы человѣка всецѣло прельщать, а, между тѣмъ, мы опять больше тянемся въ грязь плотскую. А что такое плотскіе грѣхи, пусть скажетъ совѣсть каждого: это отвратительныя, растлѣвающія душу и тѣло состоянія... Или, вотъ,—смиреніе. Какъ привлекательно, какъ умилительно, какъ очаровательно оно! Въ немъ заключаются и скромность, и простота, и обходитель-

ность, и любезность, милосердіе и доброта, въ немъ скрыты благоразуміе и духовная мудрость. Но не больше ли мы склонны къ гордости, тщеславію, самолюбію и превозношенію? А гордость,—вѣдь, это сатанинскій грѣхъ, исчадіе всякаго грѣха. Гордый напыщенный человѣкъ и самъ непокоенъ, ибо вѣчно онъ бываетъ въ возбужденіи—то отъ гнѣва, то отъ злобы, то отъ зависти, то отъ обиды и огорченій, и людямъ онъ невыносимъ и тяжелъ. Кто заставляетъ страдать близкихъ, обижаетъ малыхъ, слабыхъ и простыхъ, не входить въ положеніе несчастныхъ? гордый; кто осуждаетъ, поноситъ, возбуждаетъ противъ Бога, Царя и добрыхъ людей? гордый; кто производитъ смуты, ереси, расколы, секты? все гордые люди. Что же это значитъ? Нравственной красотой мы не пользуемся, ея не ищемъ, къ ней не стремимся, а порокъ, всякий грѣхъ и беззаконіе обладаетъ нами. Вы скажете: удобо-преклонность ко грѣху дѣлаетъ все это? Да, и ап. Павелъ также мудрствуетъ: „Не понимаю, что дѣлаю... желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Римл. VII, 15, 18, 19, 23).

Сильно мы влечемся ко грѣху. Какъ губка бываетъ пропитана водой, такъ мы всякою скверною. Но у насъ есть Иисупитель, Христосъ Спаситель, Возстановитель падшаго Адама, Который даровалъ намъ все, что потребно къ нашему животу и благочестію (2 Петр. I, 3). Тотъ же св. апостолъ Павелъ говоритъ: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусъ Христъ“ (Филип. IV, 13). Постарайся воспользоваться всѣмъ, что тебѣ, какъ христианину, Господь даровалъ: повѣруй въ Господа, поведи трезвую, трудовую жизнь, будь покорнымъ сы-

номъ Св. Церкви, чаще исповѣдуйся въ своихъ грѣхахъ, съ вѣрой принимай Св. Тайны и ты духовно возродишься. Тогда тебѣ и на умъ не пойдетъ пьянствовать, курить табакъ, развратничать, ты станешь все больше и больше пріобрѣтать вкусъ къ нравственно-доброму, тебя будетъ плѣнять чистота жизни, смиреніе, милосердіе, кротость, воздержаніе,—словомъ, ты полюбишь нравственную красоту и возненавидишь грѣхъ.



Впечатлѣніе отъ общенія съ о. Ioанномъ Кронштадтскимъ было неотразимое. Это, поистинѣ, былъ женихъ евангельскій (Матѣ. IX, 15; Лук. V, 34—35): такъ легко, такъ духовно-свободно при немъ чувствовалось! Причаститься на его службѣ Св. Животворящихъ Таинъ было весьма утѣшительно. И нужно было какъ бы спѣшить, чтобы не потерять случая воспользоваться съ нимъ вкусить небесной Трапезы. И если обычно требуется для этого большое говѣніе (въ смыслѣ времени), большое воздержаніе (въ смыслѣ поста), то при немъ весь центръ тяжести былъ въ духовномъ воодушевленіи, въ духовной свободѣ. Таково ужъ свойство благодати Божией, что она изливается не на внѣшнюю праведность, а на смиренное сердце, свободно кающееся и любящее Господа.



Если кто ударитъ тебя въ щеку, обрати и другую; или кто заставитъ тебя идти одно поприще, иди съ нимъ и два (Матѣ. V, 39, 41). Здѣсь идеть рѣчь о внутреннемъ расположеніи нашего сердца, т.-е. ты никакого зла не помни, все ближнему прощай, никакой злобы на него не имѣй. Но это не значитъ—не уничтожать зла, не бороться съ нимъ, не противиться

ему. Всякое зло требуетъ уничтоженія, но только добромъ побѣждай злое (Римл. XII, 21). Самое уже неимѣніе въ сердцѣ зла на ближняго есть его скрытое уничтоженіе. Но что такое добро? кто можетъ опредѣлить: что добро и что зло? Всѣ ли сходятся въ опредѣленіи добра и зла? Добро познается неиспорченнымъ сердцемъ, зрится духовными очами въ отдѣльности каждымъ. Но каждый человѣкъ грѣшенъ. Важенъ, по этому, авторитетъ Церкви, непорочной Невѣсты Христовой. Самъ не можешь разобраться, что добро и что зло, что дозволено и что нѣтъ,—прислушивайся тогда къ голосу Св. Церкви, къ мнѣнію святыхъ Божіихъ человѣковъ, руководимыхъ Духомъ Святымъ.



Господь нашъ Іисусъ Христосъ часто уединялся на молитву и оставлялъ народъ (Лук. V, 16). Уединеніе имѣетъ большое значеніе въ духовной жизни. Послѣдняя цѣль наша—покой въ Богѣ. И вотъ, въ уединеніи, мы, оставаясь сами съ собой, нестѣсняемы уже никакими внѣшними прираженіями, лучше начинаемъ распознавать свой внутренній міръ, свое внутреннее существо, въ которомъ отобразился образъ Божій, безпрепятственно можемъ входить въ бесѣду со своимъ Творцомъ и Первообразомъ. А что сказать относительно Господа Іисуса Христа, въ Которомъ заключена вѣчная Божественная жизнь съ Отцемъ и Духомъ Святымъ? Какъ, несомнѣнно, велико для Него было уединеніе!



Добрые христіане какъ бы утомляются, живя среди порочныхъ и дурныхъ людей (2 Петр. II, 7—8). Вспоминаются мнѣ при этомъ рабы Божіи, которымъ при-

ходится работать на фабрикахъ, мастерскихъ и т. п., среди постоянного богохульства, пьянства, разврата, куренія табаку, сквернословія. Разсказываютъ они, бѣдные, про свою горькую жизнь въ такой обстановкѣ, и начинаешь живо чувствовать, какъ, дѣйствительно, можно страдать, когда близъ тебя совершаются всякая скверна; поистинѣ здѣсь получается утомленіе, изнеможеніе.



Христіанину пребывать въ истинѣ помогаетъ помазаніе, которое каждый получаетъ отъ Духа Святаго при крещеніи. Только не заглушать намъ нужно, а поддерживать его силу вѣрою въ Сына Божія, пришедшаго во плоти, любовію другъ къ другу, исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Тогда съ нами будетъ пребывать это помазаніе и мы легко будемъ распознавать истину (1 Іоан. II, 20—27).



Можно читать Слово Божіе для знанія и для назиданія. Но только тогда ты его можешь безошибочно понимать, когда читаешь въ томъ и другомъ смыслѣ, т. е. воспринимаешь умомъ и переживаешь сердцемъ. Какъ же довѣриться, поэтому, ученымъ холоднымъ богословамъ, пусть даже они будутъ профессора духовныхъ академій? Если они читаютъ Слово Божіе однимъ только умомъ, не авторитетны ихъ толкованія.



О. Іоаннъ Кронштадтскій послѣ совершенія Божественной Литургіи любилъ уединяться. И, понятно: переживая на Евхаристіи великое дѣло нашего спасенія, и больше того—принимая Самое Тѣло и Кровь

Господа, онъ стремился какъ можно больше насладиться симъ единенiemъ съ Господомъ, чemu столь способствуетъ уединенie.



Внѣшній, окружающій насъ міръ даетъ намъ пищу для суетныхъ, нечистыхъ, скверныхъ помысловъ и чувствъ. Хорошій, напр., домъ богача возбуждаетъ въ насъ зависть, красивая женщина—блудные помыслы и т. п. И если это мы испытываемъ,—ясный признакъ низкаго уровня нашего духовнаго роста. Такъ воспитывай свое сердце, чтобы внѣшній міръ возбуждалъ въ тебѣ только возвышенные, чистые, добрые помыслы и чувства. Глядя, напр., на природу, прославляй Творца; видишь богатство, роскошь, говори: какъ великъ человѣкъ въ мірозданіи, когда онъ всѣмъ можетъ обладать,—словомъ, отъ міра собирай себѣ духовное сокровище.



Какъ безобразенъ, тяжель и невыносимъ грѣхъ блуда! Люди, имѣвшіе несчастіе впасть въ него, и потомъ Господомъ призванные къ покаянію, въ особенности это сознаютъ. Они съ ужасомъ вспоминаютъ о немъ, и готовы всему міру повѣдать объ его безобразіи и тяжести для души. Помни это, человѣкъ, который благодатію Божію сохраняешься отъ плотской скверны, и храни свое цѣломудріе, какъ неоцѣненное, ничѣмъ въ мірѣ непокупаемое сокровище.



Духовное, высокое, доброе устроеніе требуетъ, чтобы его поддерживать, иначе оно можетъ быстро пони-

жаться. Какъ струны въ инструментѣ постоянно надо подтягивать, такъ и устроеніе духовное, чтобы его имѣть ровнымъ, высокимъ, обращеннымъ къ Господу, нужно непрерывно подогрѣвать молитвою, трудомъ, воздержаніемъ, укореніемъ, частою исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ. Безъ этого наше настроеніе скоро переходитъ въ плотяное, нечистое.

**Архимандритъ Арсеній.**

---

# Свѣточіи Православной Христовой Церкви \*),

## Авва Агаѳонъ.

1) Авва Петръ, ученикъ аввы Лота, рассказывалъ: „Былъ я однажды въ кельѣ аввы Агаѳона; тогда пришелъ къ нему одинъ братъ и сказалъ: „хочу жить съ братіями: скажи мнѣ, какъ мнѣ жить съ ними?“ Старецъ отвѣчаетъ ему: „какъ въ первый день, когда придешь къ нимъ, такъ и во всѣ дни жизни твоей, веди себя передъ ними, какъ странникъ, и не будь дерзокъ“. Авва Макарій спросилъ его: „что же бываетъ отъ дерзости?“ Старецъ отвѣчалъ ему: „дерзость подобна сильному жгучему вѣтру, отъ котораго, когда подуетъ, всѣ бѣгутъ и онъ портитъ всякий плодъ на древахъ“.

2) Авва Агаѳонъ говорилъ: „монахъ не долженъ доводить себя до того, чтобы совѣсть обличала его въ какомъ либо дѣлѣ“.

3) Говорилъ также, что безъ соблюденія заповѣдей Божіихъ человѣкъ не успѣетъ ни въ одной добродѣтели.

4) Еще говорилъ: „я никогда не ложился спать, имѣя что-либо противъ другого, и, сколько могъ, не допускалъ также, чтобы кто-либо отходилъ ко сну, имѣя что нибудь противъ меня.

5) Разсказывали объ аввѣ Агаѳонѣ слѣдующее: „Пришли къ нему нѣкоторые, услышавъ объ его великой раз-

\*.) *Продолженіе.*—См. м. Поль „Гол. II.“.

судительности. Желая испытать, не разсердится ли онъ, спрашиваютъ его: „ты Агаѳонъ? мы слышали о тебѣ, что ты блудникъ и гордецъ?“ Онъ отвѣчалъ: „да, это правда“. Они опять спрашиваютъ его: „ты, Агаѳонъ, пустословъ и клеветникъ?“ Онъ отвѣчалъ: „я“. И еще говорятъ: „ты, Агаѳонъ, еретикъ?“ Онъ отвѣчалъ: „нѣть, я не еретикъ“. Затѣмъ спросили его: „скажи намъ, почему ты на первые вопросы соглашался, а послѣдняго не вынесъ?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „первые пороки я признаю за собою, ибо это признаніе полезно душѣ моей; а быть еретикомъ—значитъ быть въ отлученіи отъ Бога, я не хочу“.—Услышавъ сіе, они удивились разсудительности его и отошли, получивъ назиданіе.

6) Спросили авву Агаѳона: „что важнѣе—тѣлесный трудъ, или храненіе сердца?“ На это старецъ отвѣчалъ: „человѣкъ подобенъ дереву: трудъ тѣлесный—листья, а храненіе сердца—плодъ. Поелику же, по Писанію, *всяко древо, ежес не творитъ плода добра, посыкаемо бываетъ, и во огнь вметаено* (Матѳ. 3, 10): то, очевидно, что должны мы имѣть все попеченіе о плодѣ, то-есть о храненіи ума. Впрочемъ, для насъ нужно и лиственное одѣяніе и украшеніе, то-есть трудъ тѣлесный“.

7) Еще братія спросили его: „какая, отецъ, добродѣтель въ подвижничествѣ труднѣе другихъ?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „простите мнѣ, я думаю, нѣть еще такого труда, какъ молиться Богу. Всегда, когда только захочетъ человѣкъ молиться, враги стараются отвлечь его; ибо знаютъ, что ничто такъ имъ не противодѣйствуетъ, какъ молитва къ Богу.

8) Авва Агаѳонъ былъ мудръ по уму, не лѣнивъ по тѣлу, во всемъ зналъ мѣру,—въ рукодѣліи, пищѣ и одеждѣ.

9) Авва Агаѳонъ шелъ однажды съ своими учени-

ками. Одинъ изъ нихъ, нашедши на дорогѣ небольшой зеленый чечевичный стручецъ, говоритъ старцу: „отче! велиши-ли мнѣ взять его?“ Старецъ съ удивленiemъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: „развѣ ты положилъ его тутъ?“ Братъ отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Старецъ сказалъ: „какъ же ты хочешь взять то, чего не клалъ?“

10) Разсказывали еще о немъ и объ аввѣ Аммунѣ, что, когда они продавали какую-либо вещь, однажды назначали цѣну, и когда давали имъ ее, принимали молча и спокойно. Также, когда хотѣли что-либо купить, молча платили назначенную цѣну, и брали вещь, не говоря ни слова.

11) Когда авва Агаѳонъ видѣлъ какое-нибудь дѣло, и помыслъ побуждалъ его къ осужденію, говорилъ онъ самому себѣ: „Агаѳонъ! не сдѣлай самъ того же“. И такимъ образомъ помыслъ его успокаивался.

12) Онъ же говорилъ: „гнѣвливый человѣкъ, хотя бы мертваго воскресилъ, не будетъ угоденъ предъ Богомъ“.

13) Авва Агаѳонъ говорилъ: „если бы я сильно любилъ кого и узналъ бы, что онъ вводитъ меня въ грѣхъ, то отвергъ бы его отъ себя“.

14) Еще сказалъ: „Человѣку должно каждый часъ размышлять о судѣ Божиѣмъ“.

15) Когда братія говорили о любви, авва Іосифъ сказалъ: „знаемъ ли мы, что такое любовь?—и рассказалъ объ аввѣ Агаѳонѣ слѣдующее: „имѣлъ онъ ножичекъ, братъ пришелъ къ нему и похвалилъ ножичекъ. Авва Агаѳонъ не далъ ему выйти отъ себя, пока онъ не взялъ ножичка.

16) Авва Агаѳонъ сказалъ: „если бы я нашелъ прохаженнаго и могъ отдать ему свое тѣло, а его взять себѣ, охотно бы сдѣлалъ это, ибо такова совершенная любовь“.

17) Еще рассказывали объ аввѣ Агаѳонѣ: „Пришедши однажды въ городъ для продажи вещей своихъ, нашелъ онъ лежащаго на улицѣ странника, о кото-ромъ никто не заботился. Старецъ нанялъ для него небольшой покой, остался при немъ, платилъ за покой изъ денегъ, получаемыхъ за рукодѣлье, а что затѣмъ оставалось, употреблялъ на другія нужды больного. Старецъ пробылъ съ больнымъ три мѣсяца, пока сей выздоровѣлъ, и послѣ возвратился съ миромъ въ свою келью“.

18) Авва Даніилъ сказывалъ: „Прежде нежели авва Арсеній пришелъ къ отцамъ моимъ, они жили съ аввою Агаѳономъ. Авва Агаѳонъ любилъ авву Александра за то, что сей былъ строгъ въ жизни и кротокъ. Случилось однажды, что всѣ ученики Агаѳона мыли платье на рѣкѣ. Какъ авва Александръ мылъ не спѣша, то прочіе братія сказали старцу: „брать Александръ ни-чего не дѣлаетъ“. Старецъ, желая успокоить ихъ, сказа-зalъ Александру: „брать Александръ! мой платье лучше, ибо оно льняное“. Услышавъ это, Александръ опечалился. Послѣ того старецъ утѣшилъ его такъ: „Развѣ я не знаю, что ты хорошо дѣлаешь? Братъ мой! я такъ сказа-зalъ тебѣ для нихъ, дабы успокоить ихъ помыслъ твоимъ послушаніемъ“.

19) Сказывали, что авва Агаѳонъ старался исполнять всякую заповѣдь. Когда онъ всходилъ на лодку, самъ первый принимался за весла. Когда приходили къ нему братія, тотчасъ, послѣ молитвы, своими ру-ками предлагалъ имъ трапезу, ибо исполненъ былъ любви Божіей. Предъ своею смертью онъ пробылъ три дня съ отверстыми неподвижными очами. Братія толкнули его и спросили: „авва Агаѳонъ, гдѣ ты? Онъ отвѣчалъ имъ: „стою предъ судилищемъ Божіимъ“. Братія сказали ему: „и ты, отецъ, боишься“? Онъ отвѣ-

чалъ имъ: „сколько могъ, я трудился въ исполненіи заповѣдей Божіихъ; но я человѣкъ, почему мнѣ знать: угодны ли были дѣла мои Богу?“ Братія еще сказали ему: „и ты не увѣренъ, что дѣла твои были угодны Богу?“ Старецъ отвѣчалъ: „не имѣю дерзновенія, пока не предстану Богу; ибо—иное судъ человѣческій, а иное судъ Божій“. Когда же они еще хотѣли спросить его о чёмъ-то, онъ сказалъ имъ: „сдѣлайте милость, не говорите больше со мною; мнѣ не свободно“. Потомъ тотчасъ скончался съ радостью; ибо братія видѣли, что отходилъ онъ изъ сей жизни съ такимъ же взоромъ, съ какимъ иной привѣтствуетъ своихъ друзей и возлюбленныхъ. Онъ строго бдѣлъ надъ собою во всякомъ случаѣ, и говоривалъ: „безъ великой бдительности человѣкъ не успѣетъ ни въ одной добродѣтели“.

20) Однажды авва Агаѳонъ шелъ въ городъ для продажи небольшихъ сосудовъ, и находить на дорогѣ прокаженного. Прокаженный спрашиваетъ его: „куда идешь?“. Авва Агаѳонъ отвѣчаетъ ему: „въ городъ, продавать сосуды“. Прокаженный сказалъ ему: „сдѣлай милость, снеси и меня туда“. Старецъ поднялъ его и принесъ въ городъ. Больной сказалъ: „положи меня тамъ, гдѣ ты будешь продавать сосуды“. Старецъ сдѣлалъ такъ. Когда онъ продалъ одинъ сосудъ, прокаженный спросилъ его: „за сколько продалъ ты?“—За столько-то отвѣчалъ старецъ. Больной сказалъ: „купи мнѣ пирогъ“. Старецъ купилъ. Потомъ продалъ другой сосудъ. Больной опять спросилъ: „этотъ за сколько?“—За столько-то, отвѣчалъ Агаѳонъ. Больной сказалъ: „купи мнѣ такой же пирогъ“. Авва Агаѳонъ купилъ. Наконецъ, когда старецъ продалъ всѣ сосуды и хотѣлъ итти назадъ, прокаженный спросилъ его: „ты идешь?“ „Да“ отвѣчалъ старецъ. Больной сказалъ

ему: „сдѣлай милость, отнеси меня туда опять, гдѣ взялъ“. Старецъ взялъ его и отнесъ на прежнее мѣсто его. И говоритъ ему тогда прокаженный: „благословенъ ты, Агаѳонъ, отъ Господа на небѣ и на землѣ“. Агаѳонъ посмотрѣлъ,—но уже никого не видѣлъ; ибо это былъ Ангелъ Господень, пришедшій испытать его.

Избралъ **М. Новоселовъ.**



## Часовня.

---

Кой-гдѣ средь улицъ суетливыхъ  
Святымъ крестомъ осѣнены,  
Какъ островки средь волнъ бурливыхъ,  
Часовни малыя видны;

Толпы проходятъ передъ ними,  
Вокругъ движеніе и шумъ,  
Но полонъ думами своими,  
Собой лишь занятъ каждый умъ...

Что за расчетъ искать чужого?—  
Немало собственныхыхъ заботъ,  
Что за нужда до дѣлъ другого?—  
Скорѣй, скорѣе же впередъ!..

Вѣдь взглядъ исполненный участья,  
Не облегчитъ больную грудь,  
Бѣднякъ пусть самъ поищетъ счастья,  
Найдетъ, быть можетъ, какъ-нибудь.

Едва ли встрѣтишь состраданье,  
Привѣтъ для сердца дорогой,  
Скорѣе новое страданье,  
При видѣ сухости людской;

А тамъ, внутри часовни малой,  
Царитъ святая тишина,  
И говорить душѣ усталой  
О вѣчномъ отдыхѣ она.

Кто бъ ни былъ ты,—войди, не бойся!..  
И для тебя открыта дверь;  
Здѣсь отдохни и успокойся,  
Всѣ скорби Господу повѣрь;

Какъ все для сердца здѣсь знакомо,  
Тутъ уголокъ для всѣхъ родной,  
И самъ ты здѣсь какъ будто дома,  
Здѣсь ты не лишній, не чужой;

Смягчаетъ все души страданье:  
Лампадъ мерцаніе цвѣтныхъ,  
И полумракъ, и ризъ сіянье,  
И лики кроткіе святыхъ...

Кто бъ ни былъ ты: богачъ иль бѣдный,  
Уйди на мигъ отъ суеты,  
Здѣсь ликъ Заступницы усердной  
И ликъ Христа увидишь ты.

Войди заботой удрученный,  
Хотя на нѣсколько минутъ,  
Повѣрь,—молитвой освященный,  
Успѣшнѣй будешь всякий трудъ.

Здѣсь окрылишься ты душою  
Въ бесѣдѣ съ Господомъ твоимъ,  
И съ тихой думою святою,  
Быть можетъ, выйдешь ты другимъ.

\* \* \*



## Аналізъ человѣческихъ страстей\*).

Намѣреваясь приступить къ анализу человѣческихъ страстей, мы воспользуемся однимъ замѣчаніемъ препод. Иоанна Кассіана. Онъ говоритъ: „такъ какъ все восемь страстей одна черезъ другую возводятся къ двумъ главнымъ начальамъ, то явно, что каждая двѣ рядомъ стояція страсти находятся въ болѣе близкомъ причинномъ отношеніи между собою, нежели съ другими. При этомъ замѣчается, что блудная страсть особеннымъ союзомъ соединена съ чревоугодіемъ, гнѣвъ съ сребролюбіемъ, уныніе съ печалью, а гордость съ тщеславіемъ (Соб. V, 10)<sup>1)</sup>. На основаніи этого замѣчанія, мы раздѣлимъ страсти на четыре группы („союза“) или „сопряженія“ и начнемъ ихъ разсмотрѣніе съ первого „союза“—страстей плотскихъ: чревоугодія и блуда.

Въ аскетической литературѣ у св. отцовъ различаются иѣсколько видовъ чревоугодія, соответственно различнымъ способамъ отношенія человѣка къ принятію пищи. Преподоби. Иоаннъ Кассіанъ допускаетъ три рода чревоугодія, отъ которыхъ происходятъ разные и самые злые недуги души<sup>2)</sup>. Авва Дороѳей различаетъ два вида этой страсти<sup>3)</sup>. Такое различіе ихъ обусловливается тѣмъ, что второй имѣть въ виду появление неумѣреннаго въ человѣкѣ чувства наслажденія въ отношеніи количества и качества пищи, а первый кромѣ этого имѣть въ виду также и неурегулированное отношеніе ко времени принятія пищи,—съ цѣллю получить отъ этого наслажденіе<sup>4)</sup>. Есть два вида чревоугодія, говоритъ авва Дороѳей. Первый, когда человѣкъ ищетъ пріят-

\*.) *Очеркъ третій.*—См. „Г. Ц.“, м. Сентябрь.

<sup>1)</sup> Иером. Феодоръ. Аскетич. возр. Иоанна Кассіана, 172 примѣч.

<sup>2)</sup> Соб. V, 11.

<sup>3)</sup> Поп. 15, 171.

<sup>4)</sup> Ср. Соб. V, 11 и Авва Дороѳ. 15, 171.

голосъ церкви.

ности пищи, и не всегда хочетъ ъсть много, но желаетъ вкуснаго; и случается, что таковыи, когда вкушаетъ яства, которыя ему нравятся, до того побѣждается ихъ пріятныиъ вкусомъ, что удерживаетъ сиѣдь во рту, долго жуетъ ее, и, по причинѣ пріятнаго вкуса, не рѣшается проглотить ее. Это называется по гречески—*λαιμαργіа гортансобъсіе*. Иного опять бореть многояденіе, и онъ не желаетъ хорошихъ сиѣдей, и не заботится о вкусѣ ихъ; но хороши ли онѣ, или нѣть, онъ хочетъ только ъсть и не разбираетъ, каковы онѣ; онъ заботится только о томъ, чтобы наполнить чрево свое; это называется *γαστρіамаргіа*—чревобѣсіе<sup>1</sup>). Есть иной видъ чревоугодія, кода монахъ вкушаетъ пищи раньше установленнаго часа, и при этомъ дѣлаетъ это тайно отъ другихъ; тогда это называется тайнояденіе (*λαθоφагіа*)<sup>2</sup>). Всѣ эти три вида чревоугодія свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ принимаетъ пищу въ данномъ случаѣ не ради „потребности“, а преимущественно для „услажденія“, для удовлетворенія чувству предосудительного сластолюбія. Этимъ, собственно, и характеризуется чревоугодіе — какъ страсть, которая создается на неправильномъ отношеніи нашей психической стороны къ вопросу удовлетворенія себя пищей<sup>3</sup>). Вопрѣкъ этой явлется опредѣляющимъ самую страсть: правильное его разрѣшеніе ограждаетъ человѣка отъ чревоугодія, превратное — вводить въ самую страсть. Пища, по условіямъ жизни, явлется необходимой для человѣка<sup>4</sup>). Конечно и безъ удовольствія въ этомъ актѣ обойтись нельзя, такъ какъ воздержаніе и посты содѣйствуютъ тому, что даже насыщеніе хлѣбомъ кажется блаженствомъ<sup>5</sup>). Но такъ какъ родъ и количество пищи каждого явлется дѣломъ въ значительной степени субъективнымъ, то отъ воли человѣка зависить установить нормальное, правильное отношеніе къ акту приема пищи, и сдѣлать себя свободнымъ и независимымъ отъ сластолюбія по отношенію къ пищѣ<sup>6</sup>). Ъсть по потребности и ъсть для услажденія вкуса, дѣло

1) Тамъ же.

2) Ис. Сир. 75 сл. 373.

3) См. Ин. Кас. Соб. V, 11.

4) Доброт. II, 579, 69; Е. Ф. Толк. на п. Паст. (I Тим. IV, 3) 330.

5) Евагр. м. Доброт. I, 571, 7.

6) Е. Ф. предш. цит.

одинаковое, а грѣхъ заключается въ намѣреніи<sup>1)</sup>. Важно поэтому определить: является ли чувство удовольствія, связанное съ процессомъ вкушения пищи, вопросомъ второстепенной важности, или же оно выступаетъ на первый планъ и решительно овладѣваетъ вниманіемъ человѣка. Въ страсти чревоугодія это удовольствіе и выступаетъ на первое мѣсто. Поэтому, говоритъ св. Василій Великій, страсть чревоугодія обыкновенно обнаруживаетъ свою силу не во множествѣ яствъ, но въ пожеланіи и маломъ вкушениі съ чувствомъ удовольствія<sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, виновнымъ въ страсти чревоугодія является не самый естественный актъ питанія себя пицей, а виновна воля человѣка, допускающая духъ до грѣховнаго порабощенія плоти въ его служеніи удовольствіямъ. И самая страсть эта, по справедливости, у отцовъ-аскетовъ опредѣляется, какъ болѣзнь развращенной воли<sup>3)</sup>.

Послѣдствіемъ этого является то, что душа, эта, по выражению св. отцовъ — „госпожа тѣла“, изъ-за чувственныхъ удовольствій становится рабою его, а самое „услажденіе тѣла дѣлается пагубнымъ душѣ“<sup>4)</sup>, такъ какъ послѣдняя, обремененная худымъ навыкомъ тѣла, дѣлается безплодной<sup>5)</sup>. Все что составляетъ духовную жизнь человѣка, постепенно ослабляется содержимымъ ядомъ чревоугодія. Состояніе грѣховнаго порабощенія духа плоти носить уже въ себѣ самомъ залогъ (сѣмя) духовной смерти — совершенной нечувствительности души; и чрево является источникомъ всѣхъ золъ<sup>6)</sup>. Чрево, пресыщенное пицею, порождаетъ сѣмя сладострастія, и духъ, подавляемый тяжестью пресыщенія, не можетъ имѣть разсудительности<sup>7)</sup>, такъ какъ тотъ, кто питаетъ плоть тѣла своего, тотъ питаетъ злыхъ похоти, и срамные помыслы не оскудѣютъ отъ него<sup>8)</sup>. Чрезъ утучненіе плоти своей человѣкъ создаетъ удобную почву и дѣлаетъ

<sup>1)</sup> Авва Дороо. 15, 172.

<sup>2)</sup> Въ т. его Твор. 46 стр. изд. 1901 г.

<sup>3)</sup> Ии. Кас. Соб. 12, 2; ср. Ис. Сир. Доброт. II, 738, 243.

<sup>4)</sup> Ант. Вел. I, Доброт. 82, 101.

<sup>5)</sup> Ефр. Сир. Доброт. II, 382, 47.

<sup>6)</sup> Григорій Богосл. I т. его соч. 143 стр.; 1889 г.. З изд.

<sup>7)</sup> Ии. Кас. V, 6; ср. Ефр. Сир. Добр. II, 379, 21, 26.

<sup>8)</sup> Ефр. Сир. Добр. II, 383, 52; Пил. Син. Добр. II, 232, 34; Ис. Сир. Добр. II, 674, 94.

чревоугодіє „матерію“ родительницею для багатьохъ другихъ страстей<sup>1)</sup>). Умъ человѣка, преданаго этой страсти, дѣлается грубымъ<sup>2)</sup>; разумъ, подчиняясь чувственности, съ которой „нѣкако срастворена сила грѣха“, теряетъ свое владычественное положеніе, и уже „не властвуетъ“<sup>3)</sup> въ душѣ. Чрезъ слабость силъ духовныхъ умъ приходитъ въ глубокій сонъ<sup>4)</sup>, сердце становится безчувственнымъ<sup>5)</sup>, вся душа дѣлается пльнницей и заключается въ темницу тѣла, изъ которой она, желая прійти въ свободу духа, взываетъ,—уповая на щедроты Спасителя своего: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, припадаю къ Тебѣ и умоляю: воззри на меня и помилуй меня; изведи меня изъ темницы беззаконій, и да возсияетъ лучъ свѣта въ моемъ разумѣ, потому что слушаюсь бѣсовъ, которые сластолюбіемъ уловляютъ меня въ погибель“<sup>6)</sup>). Таково чревоугодіє по своимъ послѣдствіямъ. Болѣе гибельнымъ оно становится для души въ соединеніи съ другою плотскою страстью, именуемой блудомъ, сродною съ первой какъ по своему источнику, такъ и потому, что онъ всегда вмѣстѣ обуреваются человѣка<sup>7)</sup>. „Чревоугодію паче всего сродственно сладострастное движение, говорить преп. Нилъ Синайскій, и сама природа, желая показать сродство сихъ страстей, орудіями сонтія назначила място подъ чревомъ, сею близостію означая тѣсную ихъ связь“<sup>8)</sup>. Сила обѣихъ этихъ страстей объясняется тѣмъ, что онъ происходитъ изъ естественныхъ, хотя и извращенныхъ потребностей человѣка.

Началомъ блуда, „матерію блудной похотливости“, „дверью“, черезъ которую смыло и болѣо входитъ блудная страсть, по мнѣнію отцовъ-аскетовъ, является чревоугодіе<sup>9)</sup>. Сладострастіе, рождающееся отъ пресыщенія какою либо пищею, производить „похотное жженіе“, привычка, создающаяся въ

1) Ін. Лѣств. 14, 36; Нил. Син. Добр. II, 232, 41; Ис. Сир. 75, 370.

2) Ефр. Сир. Добр. 379, 26; Нил. Син. тамъ же, 230, 13; 381, 41.

3) Макс. Цен. Добр. III, 255, 107.

4) Нил. Син. Добр. 230, 19

5) Ефр. Сир. IV т. 91.

6) Ефр. Сир. IV т. 21.

7) Ін. Лѣств. 14, 26—27.

8) Доброт. II, 233, 42.

9) Доброт. II, 233, 1; II, 12; Ін. Лѣств. 14, 5; 36.

чревоугодії, рождаєть „ненасытность“, „пресыщеніе—нечистоту“ и вся вообще страсть является основанием для дурного навыка въ блудѣ<sup>1)</sup>). Виѣннимъ поводомъ къ возникновенію этой страсти часто являются „свиданія съ женщиными“<sup>2)</sup>, одинъ взоръ женщины для человѣческой слабой воли является „ядовитой стрѣлой“,—смѣлое обращеніе съ женскимъ поломъ легко уловляетъ всякоаго въ страсть блуда<sup>3)</sup>). Эти и многія другія виѣннія искушенія чрезъ слабость нашей воли вліяютъ на образование грѣховныхъ представлений и затѣмъ вводятъ человѣка въ самую страсть<sup>4)</sup>. Иногда образованію страсти блуда предшествуютъ другіе поводы чисто внутренніе, зависящіе отъ нашего духовнаго нерадѣнія, невниманія, пользуясь которымъ врагъ (діаволъ) воровски прокрадывается внутрь души, и, насаждая въ ней представлія блуда, возбуждаетъ „возгорѣніе страсти“<sup>5)</sup>. Самое грѣховное (страстное) настроеніе возникаетъ обычнымъ путемъ развитія помысловъ, которые, когда наша воля поддается искушеніямъ этого внутренняго врага, переходятъ во виѣ, обнаживаясь въ нечистыхъ поступкахъ. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ такъ изображаетъ намъ картину насажденія въ насъ страсти блуда на почвѣ пресыщенія чрева. По пресыщеніи нашемъ, нечистый духъ, присѣдѣвшій нашему желудку, отходя отъ сытаго чрева, посылаетъ на насъ духа блуднаго; онъ возвѣщаетъ ему, въ какомъ состояніи мы остались, и говорить: „иди, возмутъ такого то: чрево его пресыщено, и потому ты немнога будешь трудиться“. Сей, пришедши, улыбается и, связавъ намъ руки и ноги сномъ, уже все, что хочетъ, дѣлаетъ съ нами, оскверня душу мерзкими мечтаніями и тѣло истечепіями<sup>6)</sup>). Другую картину образованія этой страсти видимъ у Исаака Сириня. Сначала помыслъ, говорить сей св. отецъ, влечетъ человѣка къ незадержанію въ пищѣ, а по впаденіи въ нарушеніе воздер-

<sup>1)</sup> Ін. Кас. кн. V, 6; Григорій Пал. Добр. V, 269, 26; Ис. Сир. Добр. II, 674, Ін. Лѣств. 14, 36.

<sup>2)</sup> Добр. II, 233, 2.

<sup>3)</sup> Тамъ же, гл. 14, 17.

<sup>4)</sup> Ефр. Сир. III, 172; Добр. II, 382, 49—50, 54; Феод. Студ. Добр. IV, 100, 3.

<sup>5)</sup> Феод. Студ. тамъ же

<sup>6)</sup> Сл. 14, 26—27.

жанія своего, человѣкъ поползается въ неумѣренность и распутство. Сначала одолѣваетъ желаніемъ (лучше сказать, маловажнымъ) представляется это въ глазахъ его) посмотрѣть на наготу своего тѣла, или на другую какую красоту членовъ своихъ, когда снимаетъ съ себя одежды свои, или когда выходитъ одинъ для тѣлесной потребности, или въ водѣ, и разслабить чувства свои, или смѣло положить руку подъ одежды свои и начнетъ осязать тѣло свое, а потомъ возстаетъ въ немъ уже и прочее одно за другимъ<sup>1</sup>). Бываетъ и такъ, что многоискусный діаволъ, если кто не винимаетъ себѣ, быстро нападаетъ, воровски подкрадывается внутрь и уязвляетъ души наши стрѣлою злобы своея, увлекая очи на красивыя лица юныхъ (разумѣется мужчины) и сладкими улыбками въ тѣхъ и другихъ возбуждая возгорѣніе страсти. Когда же успѣеть опь обольстить и склонить къ нечистой любви, тогда покушается и того, къ кому у него страсть, пристрастить и любострастно расположить къ нему; потомъ пойдуть взаимныя даянія и воздаянія возврѣній и обозрѣній, душевныя изліянія и сладострастныя горѣнія: а, наконецъ, если не особая Божія помощь.—тамъ пагуба: содомское согрѣніе и гоморское потребленіе<sup>2</sup>).

Сообразно неодинаковымъ проявленіямъ блуда во виѣ, преп. Иоаннъ Кассіанъ различаетъ три рода блудной страсти: первый совершается чрезъ смѣшеніе обоего пола; второй производится безъ смѣшенія съ женщиною, за который отъ Господа былъ пораженъ Онанъ, т.-е. онанизмъ; третій (родъ) производится умомъ и сердцемъ, о которомъ Господь въ Евангеліи говоритъ: кто смотрить на женщину съ вождѣліемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (Мтв. V, 28)<sup>3</sup>). Преподобный Нилъ Синайскій, обобщая всѣ существующіе виды блуда, объединяетъ ихъ въ двухъ названіяхъ—„блудъ тѣлесный и блудъ духовный“<sup>4</sup>). Духовный блудъ, по мысли Макарія Великаго, есть внутреннее услажденіе нечистыемъ огнемъ, непотребно восплемененнымъ въ сердцѣ,—а когда зло найдетъ себѣ пищу,—то это есть блудъ

1) Сл. 75, 373; ср. Феод. Студ. Доброт. IV, 593, 2.

2) Феод. Студ. Доброт. IV, 100, 3.

3) Соб. V, 11.

4) Доброт. II, 236, 24.

явный<sup>1)</sup>; и хотя бы человѣкъ видимо соблюдалъ тѣло свое отъ растягнія блудомъ, но, при внутреннемъ любодѣйствѣ и блудѣ въ помыслахъ, онъ дѣлается любодѣемъ предъ Богомъ и тогда и дѣственное тѣло не принесеть пользы<sup>2)</sup>.

Нравственному вмѣненію блудъ и чревоугодіе подлежатъ не какъ естественные отравленія организма<sup>3)</sup> (ибо „не пинца— зло, а чревоугодіе, не дѣторожденіе,—но блудъ“), а какъ психическая состоянія паденія, именно постольку, поскольку блудный и чревоугодный помыслъ срастворяется съ нашимъ духомъ, поскольку наша душа сочетается съ обольстительнымъ въ ней отпечатлѣніемъ<sup>4)</sup>. Дѣлая замѣчаніе о сладострастіи глазъ, Иисусъ Христосъ, говоритъ преп. Иоаннъ Кассіанъ, не столько ихъ обличаетъ, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется услугою ихъ, сердце больное и уязвленное стрѣлою похотѣнія<sup>5)</sup>. И грѣховность этой страсти въ существѣ дѣла состоить собственно въ перенесеніи нашей волей центра тяжести духовной жизни на плоть, и предпочтеніи интересовъ плоти интересамъ духа. Послѣдствіемъ этого ненормального явленія естественно бываетъ существенный вредъ душѣ<sup>6)</sup>. Этой страстью особенно уничтожается чистота тѣла и души; теряется невинность; плоть, противясь внушеніямъ души, подчиняетъ себѣ своего правителя— духъ; а какъ нечистый тѣломъ— человѣкъ не узрить Бога<sup>7)</sup>, ибо оскверненіе тѣла чрезъ блудъ, „растягніе храма тѣла“,— есть нечистота и сердцу<sup>8)</sup>, и безтѣлесному уму, который отъ тѣла оскверняется и помрачается<sup>9)</sup>.

Итакъ, въ страстяхъ плотскаго характера человѣкъ свою естественную потребность сознательно и свободно обращаетъ въ поводъ и источникъ самоуслажденія, простирая ее до полнаго извращенія и полнаго преобладанія надъ прочими

1) Бес. 15, 48.

2) Тамъ же 26, 13.

3) Макс. Исп. Доброт. III, 196, 4.

4) Ипль Сии. I т. 247—8.

5) Кн. 6, 12.

6) Соб. V, 14.

7) Тамъ же, кн. 6, 2; 15; 16.

8) Ефр. Сир. Доброт. II, 383, 63.

9) Ин. Лѣств. 14, 28; 15, 51; ср. Ин. Кас. кн. VI, 12.

сторонами своей природы, т.-е. руководится началами грубаго эгоизма и извращенного самолюбія <sup>1)</sup>. Что ни сотворилъ Богъ, все сотворилъ прекрасно и соразмѣрно. Если же произвольно увлекаемся чувственнымъ, и предаемся или яденію или питію въ превосходящемъ мѣру количествѣ, или сближенію съ женщинами, смотрѣнію на нихъ и бесѣдѣ о нихъ,—чѣмъ воспламеняется и быстро распространяется въ тѣлѣ огонь похотѣнія,—то естественно краткое движение въ тѣлѣ измѣняемъ въ свирѣпое и неукротимое, этими прибавленіями къ естеству по побужденіямъ воли своей <sup>2)</sup>. Очевидно, обѣ тѣлесныя страсти составляютъ „болѣзнь развращенной воли“.

**Иеромонахъ Николай.**

Сергіевъ Посадъ,  
Московская Дух. Академія.



<sup>1)</sup> Макс. Исп. Доброт. III, 205, 56—57.

<sup>2)</sup> Ие. Сир. Доброт. II, 738, 243.

# Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ\*).

## II. Какъ теперь Богу молятся.

Приступая теперь къ самому предмету моей статьи, я избираю эпиграфомъ для нея изреченія псалмопѣвца: „Ревность дому Твоего снѣсть мя“ (Псал. 68, стих. 10).

Въ виду того, что я, какъ мірянинъ, будничная богослуженія посѣщаю рѣдко, я ихъ совсѣмъ касаться не буду. Я начну прямо съ описанія праздничнаго богослуженія, такъ какъ въ праздники каждый истинно-православный русскій человѣкъ, преимущественно старается отрѣшиваться отъ житейской суеты и вознести свои мысли въ горнія; удовлетвореніе этому стремленію возможно только въ храмѣ, при лицезрѣніи красотъ нашего православнаго богослуженія, которое, совершаясь „благообразно и по чину“, располагаетъ молящагося къ созерцанію прославляемаго событія, и тѣмъ доставляетъ высокое духовное наслажденіе.

Прѣдъ воскресными и праздничными днями, какъ извѣстно, должна совершаться сначала малая вечерня, предшествуемая девятымъ часомъ, и сопровождаемая малымъ повечеріемъ, а послѣ нея съ Фоминой недѣли по 14 Сентября включительно совершается всенощное бдѣніе, съ 14-го же Сентября до Фоминой недѣли—утреня; оба эти богослуженія состоять изъ соединенія вечерни и утрени, умножаясь літіею, благословеніемъ хлѣбовъ и поліелеемъ, въ силу чего отличается продолжительностію и торжественностию.

Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?—Малая вечерня почти никогда, кромѣ монастырей, теперь уже не совершается;

\* ) *Продолженіе.*—См. „Г. Ц.“ м. Сент., стр. 77—93.

на всенощномъ бдѣніи, или на утрени, священникъ не кадитъ спачала (молча) внутри алтаря престолъ и жертвенникъ, а прямо возглашаетъ: „Слава Святѣй“, и затѣмъ уже начинаетъ кадить; священникъ самъ не поетъ, стоя предъ престоломъ: „*пріїдите поклонимся*“, а поютъ эти призыванія къ молитвѣ клирики, священникъ тѣмъ временемъ продолжаетъ кадить иконостасъ, такъ что, когда настанетъ время пѣнія псалма: „*Благослови душа моя Господа*“, кажденіе иконостаса уже оканчивается, и потому торжественное пѣніе псалма, изображающаго величественную картину сотворенія міра, сокращается до неузнаваемости; пѣніе ограничивается нѣсколькими стихами его. Затѣмъ „*аллилуїя*“, и великія ектенія; сокращенію псалма и уменьшенію торжественности, способствуетъ еще установленійся почти повсемѣстно (кромѣ монастырей) обычай кадить одинъ иконостасъ; священники въ большинствѣ случаевъ по храму не ходятъ; отъ этого выражаемая кажденіемъ мысль, что предъ сотвореніемъ міра Духъ Божій носился надъ водами, значительно тускнѣеть въ созерцаніи молящагося.

Послѣ великій ектеніи—„*Блаженъ мужъ*“ поется въ количествѣ не большие двухъ или трехъ стиховъ; затѣмъ малая ектенія и „*Господи воззвахъ*“ со стихами, на которыхъ нужно пѣть положенные стихиры предъ воскресными и нѣкоторыми праздничными днями на 10, а предъ другими на 8; на самомъ же дѣлѣ бываетъ такъ, что молящіеся слышать только одну первую стихириу, которая при томъ не поется, а читается не всегда даже хорошо грамотнымъ псаломщикомъ (а такіе есть), или же любителемъ-старикомъ, чтенія котораго разобрать невозможно. Затѣмъ—богородичень и входъ; если есть пареміи, то онъ во многихъ церквахъ пропускаются, или же вместо трехъ читается одна: затѣмъ сугубая ектенія, „*Сподоби Господи*“ (сокращенно), просительная ектенія; литія и благословеніе хлѣбовъ въ воскресные дни совсѣмъ пропускаются, кромѣ двунадесятыхъ и среднихъ праздниковъ (1 Октября, 6 Декабря, 29 Июня, 29 Августа), стихиры на стиховнѣ или читаются по одной, или же пропускаются вовсе, затѣмъ: „*Нынъ отпущаєши*“, „*Богородице, Дѣво, радуйся*“ (очень часто одинъ разъ), псаломъ 33 иногда совсѣмъ пропускается, а если иѣть, то нигдѣ не произносится до „*Не лишатся всякаго блага*“, потому отпускъ и начало утрени,

(„Слава въ вышнихъ Богу“ и т. д.); изъ шестопсалмія большею частію читаются только первые три псалма, рѣдко 4, а иногда даже 2; послѣ великой ектеніи дьяконъ или священникъ возглашаетъ „Богъ Господъ“ со стихами такъ скоро, что пока на клиросѣ пропоютъ „Богъ Господъ“ только одинъ разъ, дьякона или священника уже неѣть на амвонѣ; праздничный тропарь поется одинъ разъ; богоугодицень въ воскресные дни пропускается; изъ каждой канонизмы читается по одному псалму, и притомъ до половины, иногда даже неѣсколько строкъ; затѣмъ малая ектенія и чтецъ прекращаетъ чтеніе, иногда даже не на концѣ стиха, а гдѣ придется... (напр.: „Возлюблю Тя, Господи, кръпосте моя, Господь утверждение мое и приближюще мое, избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на Него, защититель мой и рогъ...; дьяконъ: „Паки и паки миромъ Господу поисполнился“.

Сѣдальны по канонизмахъ, даже въ дванадесятые праздники пропускаются; послѣ этого—поліелей, при пѣніи котораго немедленно совершаются кажденіе; а между тѣмъ священникъ долженъ начинать кажденіе виѣ алтаря, только тогда, когда запоютъ: „Благословенъ еси Господи“; самое кажденіе совершаются только въ алтарѣ и предъ иконостасомъ, а храмъ не наполняется кадильнымъ єниміамъ; изъ воскресныхъ тропарей поются только два: „Ангельскій Соборъ удивился“ и „Почто мѣра съ милостивыми слезами“, (иногда даже одинъ первый); затѣмъ—„Слава: поклонимся Отцу“ и „Пынъ: Жизнодавца рождши“ шакони и степени пропускаются иногда даже въ дванадесятые праздники, когда положено пѣть степенну 4 гласа, антифонъ 2-й „Отъ юности моей“. Послѣ чтенія Евангелія псаломъ 50, и слѣдующая за нимъ стихира, въ дванадесятые праздники почти всегда пропускаются; каноны, въ которыхъ преимущественно прославляются события наступившаго праздника, сокращаются просто до неприличія; такъ напр.: промосы первого канона поются по одному разу, и тропари читаются только по одному первому изъ каждой пѣсни; второй же канонъ, или канонъ Богоугодицъ (если есть) не только пропускаются, но даже промосы этихъ каноновъ совсѣмъ не поются; катафасіи не бываетъ. Кромѣ того, даже въ первомъ канонѣ, въ 3, 6 и 9 пѣсняхъ, тропари не читаются вовсе, а прямо послѣ промоса данныхъ пѣсень произносится малая ектенія. На 9 пѣснѣ

изъ шести стиховъ „Честнѣйшую Херувимъ“ поются обыкновенно первый и послѣдній: экзапостиларій и свѣтильны пропускаются; „На хвалитъхъ“ такъ-же, какъ и на Господи воззвахъ, не поется, а читается только первая стихира, и затѣмъ „Славословіе великое“, послѣ котораго воскресный, или праздничный тропарь, нерѣдко также пропускаются; затѣмъ сугубая и просительная ектенія и отпускъ, а въ это время чтецъ „тайно“ (сомнительно!) читаетъ первый часъ; послѣ отпуска утрени, онъ уже возглашаетъ громко: „Окленетающаго тай искренняго своего“ или „воутрія избивахъ“, а иногда идеть еще дальше и произносить: „Самъ Господи пріими наша въ часъ сей молитвы“, затѣмъ едва только священникъ, выйдя изъ алтаря, произнесетъ „Христе свѣте истинный!.. какъ въ это время клирики запоютъ: „Возбранной воеводѣ“, и окончательный отпускъ. Таковъ въ громадномъ большинствѣ составъ совершаемыхъ теперь всенощныхъ бдѣній или утреній въ селахъ, мѣстечкахъ и преимущественно въ городахъ выше изчисленныхъ мною губерній.

Литургія, въ общемъ, мало удобна для сокращенія, но тѣмъ не менѣе и въ ней многое совершается не по уставу; укажемъ напр., что послѣ великой ектеніи изъ первого псалма (102) нерѣдко поется только послѣдній стихъ: „На всякомъ мѣстѣ вѣдомыя славычества Его“, а второй псаломъ (145) „Хвали душе моя Господа“ всегда пропускается, и послѣ малой ектеніи непосредственно поется „Единородный Сыне“; послѣ великой ектеніи дьяконъ не переходитъ къ мѣстной иконѣ Спасителя, гдѣ онъ долженъ стоять пока не произнесется первый псаломъ; точно также послѣ малой ектеніи, слѣдующей за упомянутымъ псаломъ, не переходитъ къ мѣстной иконѣ Богоматери, гдѣ онъ долженъ стоять до конца пѣсни: „Единородный Сыне“; дьяконъ все время остается на амвонѣ, на который впрочемъ иногда и совсѣмъ не восходитъ, а произносить ектенію предъ царскими вратами; послѣ малаго входа полагающіеся тропари и кондаки, обычно, не произносятся, или же произносится только одинъ, который при первыхъ же словахъ прерывается дьякономъ, призывающимъ: „Господи, спаси благочестивые и устыши ны“, а если дьякона нѣть, то священникъ въ алтарѣ, въ большинствѣ случаевъ, прерываетъ произношеніе тропаря возгласомъ: „Яко святы еси!“

Особенно глубоко приходится скорбеть, когда видишь, какъ совершаются богослужение въ двадцатые праздники, преимущественно въ такие, какъ Рождество Христово, Богоявленіе, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Сочество Св. Духа; помимо общихъ сокращеній, указанныхъ выше на вечернѣ и утренѣ, особенно тяжело переносить сокращеніе пророчественныхъ паремій (на вечерняхъ пакапунѣ 25 Декабря и 6 Января), изображающихъ празднованіе новозавѣтнаго события; но еще болѣе въ эти торжественные дни тяжело бываетъ не слышать стихиръ на „Господи возввахъ, на литіи, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ“; во всѣхъ этихъ случаяхъ, поется, или чанце читается только одна первая стихира, а между тѣмъ въ этихъ-то стихирахъ преимущественно выражается смыслъ и значеніе празднуемаго события; литія въ эти дни, правда, совершаются, но послѣ ия предъ благословеніемъ хлѣбовъ и на „Богъ Господь“ праздничный троицаръ поется одинъ разъ; праздничные съданльны послѣ почти нечитаемыхъ каѳизмъ пропускаются, величаніе нерѣдко поется одинъ разъ, и не священникомъ посреди храма, предъ праздничною иконою, а на клиросѣ: избранный псаломъ пропускается, а по уставу священникъ, пропѣвъ величаніе, долженъ кадить алтарь, храмъ и народъ, на клиросѣ же въ это время между стихами изъ избраннаго псалма повторяется величаніе до тѣхъ поръ, пока не окончится каѳеніе всего храма (а не одного иконостаса) и народа; затѣмъ священникъ поетъ аллилуія, и, еще разъ уже окончательно, повторяетъ величаніе. Ничего подобнаго мы не видимъ; антифонъ „Отъ юности моей“ правда въ большинствѣ случаевъ не пропускается, но за то стихира послѣ 50 псалма предъ началомъ канона пропускается постоянно.

О пѣніи канона не хочется даже и говорить; на всѣхъ почти не только двадцатыхъ праздникахъ (за исключениемъ Воздвиженія, Срѣтенія, Благовѣщенія и Вербнаго), по даже и на среднихъ (29 Июня, 29 Августа, 6 Декабря), полагается по два канона, причемъ промосы каждого канона поются по дважды, и послѣ каждой пѣсни полагается катавасія (повтореніе промосовъ) по одному разу, отъ каждой пѣсни обоихъ каноновъ; ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣть. Для примѣра приведемъ, какъ поется канонъ,— положимъ на Рождество; клирики: „Христосъ рождается“

однажды, чтецъ: „Слава тебѣ Боже нашъ, слава тебѣ!...— „Истѣвша преступленіемъ по Божію образу“...; клирики: „Прежде вѣкъ отъ Отца рожденному“; едва чтецъ успѣть произнести: „Иже дуновеніемъ причащся“, какъ дѣяконъ уже произносить малую ектенію, и т. д. въ этомъ же родѣ. Ни сѣдальна, ни кондака, конечно не поются, обѣ иконы и помишу нѣть; второй канонъ и даже ирмосы его „Спасе люди чудодѣйствующий владыка“; „Обитая Іона въ преисподнихъ морскихъ“ (первый и шестой) и проч. не поются и пѣгдѣ; если уже необходимо сокращать каноны, то не до такой же (возмущающей) молитвенное настроение богоомольца) степени.

На литургіи двадесятаго праздника, положимъ напр. Богоявленія;—1-й антифонъ: „Воисходи Израилевъ отъ Египта“.—„Молитвами Богородицы Спасе спаси нась!“ „Слава и Нынѣ“—„Молитвами Богородицы“..., 2-й антифонъ: „Возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего“, „Спаси и Сыне Божій, во Іорданѣ крестившися“.—„Слава и Нынѣ“—„Единородный Сыне!“...—3-й антифонъ: „Исповѣдайтесь Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милости Его“—„Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи!“—Сейчасъ же входъ; у царскихъ вратъ входный стихъ: „Благословенъ грядый во имя Господне!“... очень часто произносится причетникомъ на клиросѣ; потомъ тропаря кондака нѣть; „Яко святъ еси и елицы во Христа крестистеся!“

Итакъ вообще—изъ торжественной службы въ двадесятые праздники молящійся слышитъ только одни общія молитвы (псалмы, ектеніи), какъ принято ихъ называть *неизмѣняемые*, а торжественныхъ пѣснопѣній, составляющихъ принадлежность праздничной службы и возводящихъ слушателя къ созерцанію великихъ событий (Р. Х., Богоявление, Сочество Св. Духа и проч.) такъ называемыхъ *измѣняемыхъ*, мы совсѣмъ не слышимъ; благолѣпная праздничная служба принимаетъ обыденный, будничный, характеръ; она не только не возбуждаетъ молитвенного настроения, не окрыляетъ мысли молящагося, не возводить его къ созерцанію прославляемаго события; но наоборотъ, она даже какъ будто подавляетъ и угнетаетъ его, нерѣдко даже вызываетъ съ его стороны раздраженіе и осужденіе.

Въ самомъ дѣлѣ, не грустно ли не слышать въ храмѣ такихъ дивныхъ, содержательныхъ пѣснопѣній на Рождество

Христово: „Средостъніе градежа разрушия, пламенное оружіе плеши даётъ, Херувимъ отступаетъ отъ древа жизни“ (какъ бы уже не охраняетъ входа въ рай, а вслѣдствіе этого) и азъ (самое драгоцѣнное) *райскія пищи причащаюся*. (Стихира 1-я на Господи возввахъ).—„Днесъ Богъ на землю пріиде“ (наоборотъ), *а человѣкъ на небеса взыде*“, т.-е. снисшедшій на землю Сынъ Божій *какъ бы* уступаетъ человѣку свое мѣсто на небѣ; какая бездна благодати Бога къ человѣку, и сколько должно быть безконечной благодарности человѣка къ Богу (2-я стихира на литії).—„Веліе и преславное чудо совершия днесъ; дѣла рождаєтъ, и (между тѣмъ) утроба не истлеваетъ“. (1-я стихира на стиховнѣ). Или на Богоявленіе: „На Іорданѣ рѣцѣ видѣвъ Тя Іоаннъ къ себѣ грядуща глаголаše: „Что къ рабу пришелъ еси грѣха не имѣй Господи? во имя же че Тя кресту?“ (Стихира 1-я на стиховнѣ). Или на Благовѣщеніе: „Посланъ бысть съ небесе Гавріилъ Архангелъ, возвѣстите дѣвѣ зачатіе и пришедѣ въ Назаретъ, чудеси удивляяся... Что убо стою и не глаголю дѣвѣ?“ и проч. Неужели Козьма Маіумскій, Федоръ Студитъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Анатолій, Германъ, Византій, Іоаннъ монахъ и другіе вдохновлѣнныя творцы, украсившіе праздничное богослуженіе нашей святой Православной Церкви такою высокою, духовною поэзіею, трудились только для того, чтобы черезъ девять вѣковъ исполненіе твореній ихъ зависѣло отъ произвола нерѣдко безграмотныхъ, современныхъ псаломщиковъ, за которыми, къ сожалѣнію, нѣть надлежащаго надзора?!. Намъ, православнымъ христіанамъ, крайне стыдно предъ нашою *бездуховною* (въ большинствѣ) интеллигенціею, которая до сихъ поръ искренно восторгается твореніями Софокловъ, Эскіловъ, Анакреоновъ, Пиндаровъ и проч., восторгается потому только, что эти писатели умѣли хорошо изображать нерѣдко извѣменныя человѣческія страсти.—Мы не цѣнимъ истинной и высокой поэзіи, заключающейся въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ.

---

### III. Какъ подобало-бы молиться въ Великомъ Посту и во Святую Пасху.

Но больше всего грустно и больно видѣть сокращеніе великостного, и въ особенности страстнаго и пасхального

богослуженія; какое безотрадное впечатлѣніе производить на сердце истиннаго православнаго христіанина полное игнорированіе во многихъ церквахъ, напр., пѣснопѣній Страстной Седмицы!.. Въ православной церкви страданія Спасителя вспоминаются съ такою силой, какъ ни въ одномъ вѣроисповѣданіи; события, къ созерцанію которыхъ церковь старается возвести чадъ своихъ, такъ велики и торжественны, выражены такъ рельефно и наглядно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно, что буквально не поддаются описанію; истинно православнаго христіанина они переносятъ мыслю въ Іерусалимъ, заставляютъ слѣдить за дѣятельностю нашего Иисуса Христа въ послѣдніе дни Его пребыванія въ Іерусалимѣ, возбуждаютъ „участовать въ страданіяхъ Его, сообразуяся смерти Его. (Филиппин. 111, 10). Многіе православные люди, посѣщающіе богослуженіе Страстной Седмицы, въ субботу „искренно печалятся, что такого богослуженія нужно ожидать цѣлый годъ“, и въ такие дни ни о чёмъ другомъ не хочется и думать, какъ только о возлюбленномъ Спасителѣ нашемъ, Который, „нашего ради спасенія, грядетъ на страсть вольную“... Между тѣмъ что же мы видимъ?.. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о великопостномъ служеніи вообще.

Чудная пѣснопѣнія въ приготовительныя 4 недѣли предъ постомъ (Мытаря и Фарисея, Блудного сына, Мясопустная, и Сыропустная) на вечерняхъ и утренняхъ (см. выше) пропускаются; въ особенности становится жаль неслышать пѣснопѣній въ недѣлю мясопустную, изображающіхъ картину страшнаго суда. „Книги разгнутся, явлены будутъ дѣянія человѣковъ, возиумитъ юдолъ страшнѣмъ скрежетаніемъ плача и проч.“ (2-я стихира на Господи возввахъ). Увы мнѣ мрачная душа, доколѣ отъ злыхъ не отрѣваешься? Что не помышляешь о страшномъ судѣ смерти? что не трепещешь? что отвѣщаешь? что отречешь? и проч.“ (Стихир. на стиховн. во славу) — „О, каковыи часъ тогда! рѣцѣ огненнѣй влекущей; что сотворимъ тогда во многихъ грѣхъ повиннѣи человѣцы?“ и проч. (Стихир. на славу на Господи возввахъ). Точно такія же сильныя по изобразительности, и умилительныя пѣснопѣнія положены въ недѣлю сырную.—Надо сказать, что въ сырное воскресенье, великая вечерня съ прокимномъ: „Не отврати лица твоего отъ отрока твоего, яко скорблю“, очень часто совсѣмъ не совершаются, въ особенности въ го-

родахъ и мѣстечкахъ; на вечернѣ въ этотъ день предстоящіе не лобызаютъ священныхъ изображеній Господа, Богоматери и святыхъ, послѣ чего не прощаются со священникомъ; полуночица нерѣдко пропускается, въ особенности въ городахъ, на утрени троичные тропари и умилительные съdalны осмогласника и тріоди, нерѣдко, совсѣмъ пропускаются; на трипѣнцахъ пѣсни нигдѣ и никогда не стихословятся; судьба кафизмъ и стихиръ на утрени и вечерни—обычная, описанная выше. На часахъ кафизмы или не читаются вовсе, или же читаются по одному псалму на каждомъ часѣ; по три псалма, приевоенные особо каждому часу, прочитываются полнотю; тропари на часахъ: „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа“,—„Иже въ шестый день же и часъ на крестъ пригвождѣй“ и проч., иногда, хотя рѣдко, произносятся не священникомъ предъ царскими вратами, а причетникомъ на клиросѣ, и безъ земныхъ поклоновъ; молитва св. Ефрема Сиринна читается правда на всѣхъ часахъ, вечернѣ и утреннѣ, но произносятся только одинъ разъ, съ тремя земными поклонами; 12 малыхъ поклоновъ пропускаются; во второй разъ эта молитва, съ однимъ, земнымъ поклономъ не повторяется; самыя прошенія молитвы произносятся такъ: когда священникъ окончить первое прошеніе: „Господи, Владыко живота моего“ и положить земной поклонъ, то еще не вставъ окончательно, такъ сказать попутно, начинаеть второе прошеніе: „Духъ же цѣломудрія“ и едва поднимется съ земли, ему нужно начинать уже третье прошеніе; земной же поклонъ при второмъ прошеніи, при такомъ порядкѣ, уже не можетъ быть положенъ; иногда священникъ совсѣмъ не встаетъ, а на колѣняхъ произносить всѣ три прошенія; на повечеріяхъ рядовой канонъ никогда не читается; „Господи силъ съ нами буди“, и послѣдующія пѣснопѣнія „Господи аще не выхоми“ очень часто не поются, а прочитываются, и притомъ съ сокращеніемъ на половину. Недавно я былъ свидѣтелемъ, какъ священникъ, съ академическимъ образованіемъ, поглѣнился прочитать предъ царскими вратами: „Пресвятая Богородице моли о насъ грѣшныхъ“, а предоставилъ это причетнику, оставшись самъ въ алтарѣ.

Но вотъ четыредесятница окончилась, и въ пятницу на шестой недѣлѣ, на вечернѣ, мы благодаримъ нашего Искупителя за то, что „душеполезную совершили четыредесятницу“

и просимъ „видѣть святую седмицу страсти Его“. На самомъ же дѣлѣ на вечернѣ поется только первая стихира „душеполезную“ (малая) и послѣдняя „душеполезную“ (великая), пять стихиръ, изъ которыхъ двѣ повторяются, составленныя Львомъ Философомъ, и посвященные исключительно самому великому чуду—воскрешенія четверо-дневнаго, смердящаго Лазаря, пропускаются всѣ до одной; въ недѣлю Ваій на вечернѣ, утренѣ и литургійныхъ антифонахъ повторяется тоже, что сказано выше о дванадесятыхъ праздникахъ; вообще мы не слышимъ пѣснопѣній: „Пріидите вѣрніи, новый Израиль, иже отъ языка церковь“ и проч. (Стихир. на Господи воззвахъ)—„На херувимъхъ спдяй, и пъваемый отъ серафимъ, возсѣль еси на жребя давидски Блаже“... „отроцы воспѣваху богоолѣпно, іудеи же хуляху беззаконно“. (3-я стихира на стиховнѣ). „Прежде шести дній пасхи, пріиде Господь во Вифанію; срѣтоша же Его Марфа и Марія, сестръ Лазаревы“..., „Господи аще убо быль здѣ, не умерль бы братъ нашъ“... „Вѣруя въ Мя, аще и умретъ, живъ будетъ“... И воніяше къ Нему Зикритель всѣхъ: Лазаре гряди вонъ“. (Послѣдняя стихира на Литії). Эта стихира, поемая на третій гласъ, особенно умилительна.

На вечернѣ въ недѣлю вайи опять не слышимъ призыва церкви: „Отъ вѣтвей и вайи стецемся къ честному и спасительному страсти Господнихъ таинству“—„Сонмище лукавая и прелюбодѣйная, своему мужу не сохранишая вѣру, что держиши завѣтъ, его же не была еси наследница? и что обѣ Отцѣ хвалитися, Сына отвергшася?“ и проч. (Стихира на стиховнѣ 1-я и 3-я). Такимъ образомъ въ Лазареву субботу и въ недѣлю вайи, въ дни, какъ бы составляющіе врата къ Страданіямъ Спасителя, мы не слышимъ пѣснопѣній, возводящихъ нась къ созерцанію того, какъ грядеть Господь на вольную страсть...

Въ первые три дня страстной недѣли порядокъ богослуженія совершиенно одинаковъ, различаясь нѣсколько подвижнымъ матеріаломъ. Что же сказать о совершенніи службъ страстной седмицы? Прежде всего умилительный тропарь на утренѣ: „Се женихъ грядетъ въ полуночи“, и назидательный эксапостиларій „Чертогъ Твой вижду Спасе мой украшенный“, поются по одному разу; мы опять не слышимъ такихъ, до глубины души трогающихъ сердце молящагося пѣснопѣній.

какъ напр.— „На рыданіе нынѣ приложи мъ рыданіе“— „И зох-  
шія смоковницы за неплодіе“ и проч. (Изъ службы понедѣль-  
ника). „Часть душе конца по мыслившіе и поисченія смоковницы  
убоязшия длинный тебѣ талантъ трудолюбно дѣлай окаянная“—  
„Скрывшаго талантъ осужденіе слышавши, о душе, не скрывай  
словесе Божія“ и проч. „Се тебѣ талантъ ввѣрляеть Владыка,  
душе моя!“ и проч. (Изъ службы вторника); „Егда грѣшная  
приношаще мяро, тогда ученикъ соглашающе съ беззаконными;  
сія владыку позназаше, а сей отъ владыки разлучающеся; сія сво-  
бодѣдающеся, а Іуда рабъ бывающе врагу“— „Простре блудница  
власы Тебѣ Владыцу, простре (и) Іуда руцъ беззаконными;  
ова убо пріятии прощеніе, овъ же взятии сребренники!.. О, Іудина  
окаянства!“ и проч. (Изъ службы среды).

Но еще болѣе возмущается религіозное чувство въ тѣхъ  
случаяхъ, когда на страстной седмицѣ не читается Евангеліе; вѣдь чтеніе его церковь установила съ тою цѣллю, что-  
бы мы, сопровождая мыслю нашего Господа на вольныя  
страданія, прослѣдили, какъ сказать, въ послѣдній разъ всю  
Его земную жизнь, и какъ бы простились съ Нимъ. Во многихъ храмахъ не только не читается св. Евангеліе, но даже  
и не совершаются никакой службы до самой среды.

Но вотъ мы уже вступили въ созерцаніе самыхъ страданій  
и смерти нашего Искупителя; послѣдніе три дня страстной  
седмицы рѣзко отличаются, какъ отъ первыхъ трехъ, такъ  
и между собою, сообразно особеннымъ воспоминаніямъ, при-  
своеннымъ каждому дню.

Утреня въ великий четвертокъ—короткая, полунощница  
въ церкви не совершается; обычное чтеніе псалтири оста-  
вляется; осмогласникъ, богородиченъ и мучиниченъ оста-  
вляются въ пятницу шестой недѣли, послѣ литургіи (см.  
уставъ великопостн. тріоди на этотъ день), а каноны святыхъ.  
прилучившихся на время съ Лазаревой субботы до юминой  
недѣли, начинаютъ вычитываться на повечеріяхъ съ поне-  
дѣльника 2-й недѣли (уставъ великопостной тріоди въ по-  
недѣльникъ 2-й недѣли); казалось бы, теперь ли не отдастся  
всецѣло воспоминанію страстей Христовыхъ, когда сама цер-  
ковь исключаетъ изъ богослуженія все, что не относится  
непосредственно къ главному предмету? Между тѣмъ, тро-  
парь на утрени великаго четверга „Егда славніи ученицы“

поется одинъ разъ, иногда два раза; превосходный канонъ, тропари которого читаются только на 6, а ирмосы поются по дважды, и онъ сокращается такъ, что ирмосы поются по одному разу, и тропари до конца не прочитываются; съданъ „Ядый Владыко“ и кондакъ — „Хлѣбъ пріемъ въ руцъ предатель“, или совѣтъ не читаются, или же чтеніе ихъ, при первыхъ словахъ чтеца, прерывается пѣніемъ слѣдующихъ ирмосовъ 4-й и 7-й пѣсень; икосъ „Тайный трапезъ научившеся“ по обычаю пропускается; на хвалитѣхъ и на стиховнѣ, судьба стихиръ та же, что и въ двадцатые праздники.

Такимъ образомъ, слушатель не созерцаетъ умовенія ногъ на тайной вечери, установленія таинства Евхаристіи, Гефсиманского подвига, и предательства Іуды, четырехъ важныхъ событий, воспоминаемыхъ въ великий четвергъ; между тѣмъ, какая чудная связь между пророчествами и событиемъ: „Днесъ на Христа лукавое собрася соннище!“ „Днесъ Каїфа неволею пророчествуетъ“ (1-я стихира на стиховнѣ велик. четверг. утр.); даже коварный Каїфа на этотъ разъ является не ложнымъ пророкомъ, „дне глаголя единому умрети за люди“ и проч.; какое рѣзкое обнаруженіе низости души у Іуды, который до сего времени представлялъ изъ себя апостола, повидимому, настолько удачно, что не былъ заподозренъ никакъ изъ апостоловъ въ измѣнѣ; теперь же онъ „Нищелюбія сокрываетъ лицо, и лихоимства открываетъ зракъ... Съ другой стороны, какое лицемѣріе предъ первосяяценниками, когда іуда—низкій сребролюбецъ стремится передъ ними показать себя безкорыстнымъ; „Онъ удобопрѣдателную творить куплю, не скучъ является въ цѣнѣ,“ хотя бы чѣмъ нибудь онъ показалъ, что хочетъ продать подороже, но напротивъ, на волю купующихъ предоставляетъ оцѣнку, какъ будто хочетъ продать какого нибудь бѣглаго раба“ (2-я стихира на стиховнѣ на утренѣ велик. четверг.).

„Аще ты (Іуда) богатство любилъ еси, почто къ учащему о нищетѣ пришелъ еси? Аще же и любилъ еси, вскую продалъ еси безцѣннаго?—Какая рѣзкая противоположность поступковъ предателя соединяется съ его сердцемъ; „Ужаснися солнце: „Возстани земля!“ (3-я стих. на стиховн., на утр. вел. четв.). Ужаснулись бы и возстенали и молящіеся, если бы слышали содержаніе этихъ, несравненныхъ пѣснопѣній, и многіе изъ

нихъ, безъ сомнѣнія, вышли бы изъ храма, съ глубокимъ раздумьемъ надъ собственою грѣховностю.

На вечернѣ великаго четверга, (она совершаются вмѣстѣ съ литургіей) на „Господи воззвахъ“, тѣ же самыя стихиры, что на утреніи на хвалитѣхъ; изъ нихъ поется, или читается только первая: „Стекается прочее соборище іудейское“, затѣмъ „Слава и Нынъ“,—„Рожденіе ехидново Іудо“. Такимъ образомъ, низкаго, неблагодарнаго, безпримѣрнаго поступка Іуды, такъ подробно раскрытаго въ этихъ стихирахъ, молящіеся не слышать, ни на утренѣ, ни на вечернѣ, а кто знаетъ, можетъ быть, жестокій ростовщикъ и сребролюбецъ, изъ любопытства, случайно зашедшій въ церковь, вышелъ бы изъ нея возрожденнымъ духовно, подобно Закхею-митарю? Вѣдь не напрасно же Церковь восклицая, внушаетъ: „Виждь имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивши“ (Наблюдай пріобрѣтатель имѣній за тѣмъ, который ради этихъ имѣній рѣшился на удавленіе)—(Троп. на утрен. велик. четверг. и велик. пятницы). Значитъ, Церковь надѣется, что пѣсногѣнія ея благотворно повліяютъ на сердце рачителей, подобныхъ Іудѣ.

Послѣ малаго входа, литургія въ четвергъ не сокращается: сильныя и яркія черты, въ которыхъ евангелисты изображаютъ состояніе души Божественнаго Страдальца на омовеніи ногъ, на тайной вечери, и въ Гефсиманскомъ саду, глубоко западаютъ въ мысли и сердце молящагося, при чтеніи пространнаго евангелія, которое, благодаря Бога, во всѣхъ Церквахъ прочитывается безъ пропуска.

Не остававшися па маломъ повечеріи, переѣдемъ прямо къ утренѣ великой пятницы, или, какъ принято называть ее, къ страстямъ; утреня состоитъ изъ 12 евангельскихъ чтеній, расположенныхъ по порядку событій, въ исторической ихъ послѣдовательности, начиная отъ потрясающе-трагательной бесѣды Господа, прощающагося съ учениками (Іоанн. XIII—31; XVIII—1) и до послѣдней злобы первосвященниковъ и Синедріона, которые „шедши утвердиша гробъ, знаменавше камень съ кустодію“ (Мате. XXVII—66); между евангеліями въ глубоко-трагательныхъ антифонахъ, сѣдальнахъ и стихирахъ, Церковь изображаетъ: А) Собраніе беззаконныхъ судей. „Князи людстіи собираючися вкупъ на Господа и на Христа Его“; Б) Цѣль, съ которой собрались: собрались

для того, „чтобы слово законопреступное возложить на Него“, но Божественный Страдалецъ, пророческими устами Своего праотца Давида, убѣжденно просить Своего Небеснаго Отца: „Но Ты Господи, Господи (въ посмѣяніе надъ Моими врагами), не остави Мене!“ (антифонъ 1). В) Дѣйствія Іуды: „Тече Іуда глаголя беззаконнымъ книжникамъ: что мнѣ хощете дати и азъ вѣни предамъ Его“. (Антиф. 2). Г) Глубокое духовное паденіе несчастнаго апостола: „Днесь Іуда оставляетъ учителя и... (страшно сказать) пріемлетъ дьявола“. — „Днесь Іуда притворяетъ богочестіе, и отчуждается дарованія, отпадаетъ свѣтла омраченный“. „Да и какъ онъ можетъ зрѣти, если свѣтило продалъ за тридцать сребренниковъ? (антиф. 4). Низость поступковъ Іуды: „Днесь бдитъ Іуда предати Господи, превѣчнаго Спаса міра“ (антиф. 6). Е) Неблагодарность іудеевъ: „Днесь кресту пригвоздиша іудеи Господа, пресѣкшаго море жезломъ, и проведиаго ихъ въ пустыни“ (тамъ же). Ж) Духовную немощь самихъ апостоловъ: „Господи на страсть вольную пришедъ воніяль еси ученикомъ твоимъ: аще и единаго часа не возмогости бдѣти со мною, како обѣщаесте упреди Мене ради? — Поне Іуду зрите, како не спитъ“. (Тамъ же).

З) Церковь невольно изумляется тому, что Іуда, за  $3\frac{1}{2}$  года своего пребыванія съ Божественнымъ Учителемъ, никакъ не позаимствовалъ отъ него Духа Божія: „Кий тя образъ Іудо предателя Спасу содѣла? еда отъ лика тя апостольска разлучи? еда дарованія изцѣленій лиши? еда иныхъ ноги умы, твои же презрѣ?.. О! коликухъ благъ не памятливъ былъ еси!“ (Сѣдал. глашъ 7). И) Спрашиваетъ неблагодарныхъ, о причинахъ ихъ поступка: „Рцыте беззаконніи, что слышаште отъ Спаса нашего?“ (антиф. 8). І) Изображаетъ дѣйствія распинающихъ, которые „Даша въ снѣдь Мою желчи, и въ жажду Мою напоша Мя оцта“ (антиф. 9). К) Изумляется глубокой безчувственности, каменой, безсердечной и духовной слѣпотѣ распинающихъ, которыхъ „Ниже земля, яко потрясеся, ниже каменія, яко разсѣдеся, нижес церковная завѣса, которая на обличеніе беззаконныхъ раздирается, и даже мертвыхъ воскресеніе“ (антиф. 11) не могли увѣрить и открыть имъ духовныя очи. Л) Удивленіе небесныхъ воинствъ, „взирающихъ на вѣнецъ и багряницу поруганія“. Наконецъ М) для полноты впечатлѣнія на сердце слушателя, созерцающаго

страшныя, и вмѣстѣ — безпримѣрно величественныя событія, церковь неоднократно влагаетъ въ уста Самого невинно-осужденаго Страдальца-Искушителя слова, полныя жалости: „Сія глаголетъ Господь Іудеомъ: людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ вамъ стужихъ? слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныхъ очистихъ... И что мнѣ воздаете? — За манну желчъ, за воду оцѣть, и проч. (антиф. 12); — „Два лукавная сотвори перворожденный сынъ Мой Израиль: Мене остави источника воды животныя, и искона себѣ кладенецъ сокрушенный; Мене на древѣ распять, Варавву же испроси и отпусти; даже небо ужаснулось и солнце лучи свои скрыло; одинъ только ты Израиль не усрамился“ (стихир. 1 на хвалитѣхъ).

Если ко всему изложенному прибавить многочисленность молящихся, обиліе свѣтильниковъ, какъ во храмѣ, такъ и въ рукахъ каждого богомольца, почти непрерывный трогательный благовѣсть, сопровождаюцій каждое чтеніе евангелія, и, по большей части, тихую, звѣздную, весеннюю ночь, возвращеніе изъ храма молящихся домой съ горяющими свѣчами, то невольно чувствуешь себя въ Іерусалимѣ, и подобно Петру и Іоанну слѣдинъ за Страдальцемъ Искушителемъ, сначала добровольно шествующимъ послѣ тайной вечеріи въ Гефсиманскій садъ, а потомъ, въ качествѣ Узника, ведомымъ на беззаконный допросъ и судъ во дворѣ Анны и коварнаго Каїафы; такъ велика сила впечатлѣнія отъ воспоминанія страшныхъ и славныхъ событій въ эту безпримѣрную въ исторіи ночь, которую (силу впечатлѣнія) можно созерцать, видѣть и чувствовать только въ православной церкви; въ костелахъ же и киркахъ въ эту ночь нѣть никакого богослуженія.

Но всего сокровища духовной поэзіи перечислить невозможно; къ сожалѣнію, мы изъ всѣхъ антифонафъ между евангеліями слышимъ двѣ, или три стихиры, включая сюда и съданія, а въ нѣкоторыхъ, преимущественно домовыхъ церквахъ, не исключая и военныхъ, между каждыми двумя евангеліями поется только одна стихира, затѣмъ малая ектенія, съданіе и слѣдующее евангеліе. — Трипѣснецъ съ промсами: „Къ тебѣ утреннюю“ и проч., исполняется и на этотъ разъ совершенно такъ же, какъ обычно поются каноны на утреняхъ. (См. выше). Экзапостиларій „Разбойника благородумаго“ вездѣ поется трижды — единственный экзапо-

стиларій за цѣлый годъ; стихири на хвалитѣхъ исполняются какъ указано выше.—Въ виду того, что антифоны сокращаются до трехъ или двухъ стихиръ, а заключительная малая эктения послѣ каждого антифона не пропускается, то и получается такое впечатлѣніе, что мы слышимъ одни малыя эктении, повторяемыя ежедневно, и потому эта единственная въ году утреня принимаетъ совершенно обыденный характеръ.

Въ виду того, что на часахъ великой пятницы церковь выражаетъ тоже, что и на утренѣ, то, пропуская часы, переходимъ къ вечернѣ, изъ стихиръ на которой на „Господи возвзахъ“ намъ бы слѣдовало созерцать, какъ: „Вся тварь измѣняюща сѣя страхомъ, зрящи Тя на крестъ, висима Христе; солнце омрачашеся, и земли основанія сотрясахуся; вся спострадаху, создавшему вся“; далѣе—какъ и для чего „Людіе честивіи и беззаконніи получаются тщетными?..“—какъ „Непорочная Дѣва, видѣвша Тебе, Слове, на крестъ возносимаго, рыдала матернею утробою, какъ она уязвлялась сердцемъ степнала болѣзненно, терзала лицо свое, и рвала на себѣ волосы, какъ вопрошала Сына Своего о томъ, куда скрылось благообразіе зрака Его и проч..., какъ церковь сопоставляетъ недосыгаемую высоту Божественнаго Страдальца съ настоящимъ Его (по человѣчеству) униженіемъ: „Днесъ владыка твари предстоитъ Пилату.., кресту пригвождается Зиждитель всіхъ, въ ребра прободается, губою напояется, одождивый манну, по ланитѣ зауշается Избавитель міра, и отъ своихъ рабовъ поругается Создатель всіхъ“ и проч. (1, 2, 3, 5 стихир. на Господи возвзахъ). И, несмотря на все это, Онь молится о распинателяхъ; трудно высказать всю глубину и горечь чувствъ, съ которыми церковь восклицаетъ: „О владычнаго человѣко-любія!.. (Стихир. 5). Церковь влагаетъ въ уста невиннаго Страдальца слова напоминанія о своихъ благодѣяніяхъ неблагодарнымъ соотечественникамъ: „Людіе мои, что сотворихъ вамъ? Не чудесъ ли исполнихъ Гудею? Не мертвия ли воскресихъ единыи словомъ? Какъ же вы не помните Меня? За изцѣленіе, налагаете мнѣ смерть?.. и проч. (Стихир. на „славу“ на Господ. возвзв.). Но нѣть, слѣпцы не прозрѣли!..

Послѣ всего видѣннаго, слышаннаго и созерцаемаго, какъ же не изумиться и не воскликнуть вмѣстѣ въ Церковью: „Страшная, но (вмѣстѣ съ тѣмъ и) главная тайна, обнаружи-

вается предъ нами сегодня; удерживается Тотъ, Который не поддается даже осязанию; вяжется разрывающій отъ клятвы; вѣдающій наши сердца и внутренности, неправедно испытуетъся; Тотъ, Кто можетъ затворить бездну, Самъ въ тѣмницѣ затворяется; Имѣющій судить живыхъ и мертвыхъ, Самъ осуждается на крестъ и наконецъ... (Содрогнись человѣчество) рукою созданія заушается Создатель“. (Стихира на „нынѣ“ тамъ же). Къ сожалѣнію, изъ этихъ чудныхъ стихиръ мы слышимъ одну первую, затѣмъ „Слава и нынѣ“, послѣдняя стихира, которая иногда даже не поется, а читается полуграмотнымъ чтецомъ, неспособнымъ проникнуть въ глубокій смыслъ ея; затѣмъ входъ, пареміи, апостолъ и евангеліе, сугубая ектенія, пропускъ стихиръ на стиховиѣ, „Тебѣ одѣющигося свѣтомъ, яко ризою“, и выносъ плащаницы, (и иногда даже не изъ сѣверныхъ дверей, а изъ царскихъ вратъ) при пѣніи только одного первого тропаря „Благообразный Госифъ“.

Если повечеріе въ великую пятницу, по уставу, не совершается въ церкви, то чѣмъ же объяснить, что оно читается при страшномъ шумѣ и давкѣ, ибо въ это время бываетъ много богохульцевъ и они прикладываютъ къ плащаницѣ; одно изъ двухъ: если совершать повечеріе въ церкви, то до окончанія его не разрѣшать прикладываться къ плащаницѣ, а если прикладываться, то не совершать повечерія, и не профанировать чуднаго канона на плачъ Пресвятой Богородицы, составленнаго Симеономъ Логофетомъ.

Утреня въ великую субботу точно также сокращается хотя въ меньшей степени; на Богъ Господь, тропарь большею частію поется одинъ: „Благообразный Госифъ“, иногда два „Мгроносицамъ женамъ“, и только въ видѣ исключенія три: „Егда снисшелъ еси къ смерти“. — Образъ погребенія, или плачъ надъ умершимъ Страдальцемъ, состоящій изъ 17 канонізмы, между стихами которой полагается по одному погребальному стиху, и раздѣленной на три части, правда совершается почти безъ пропусковъ, но за то все стихи читаются, а поются по одному разу только на каждой статіи три первые стиха: „Жизнь во гробъ положилъ еси, Христе!“ — „Достойно есть величати Тя Жизнодавца“ — „Роди венъ пльснъ погребенію Твоему приносятъ, Христе иой!.. Бываетъ, что весь плачъ прочитывается причетникъ, при закрытыхъ царскихъ вратахъ, а священники съ дьяконами остаются въ ал-

таръ, и только при началѣ каждой статьи выходятъ съ кадиломъ; воскресные тропари и погребальный канонъ исполняются, какъ сказано выше, т. е. ирмосы по одному разу, катафасіи нѣтъ, съдаленъ и кондакъ пропускаются, или же чтеніе ихъ прерывается пѣніемъ ирмосовъ слѣдующихъ пѣсень. На хвалитѣхъ стихиры пропускаются кромѣ одной: „Днешній день тайно“. Славословіе великое и послѣдующій за нимъ крестный ходъ со св. Плащаницею, кругомъ храма, чтеніе пареміи, апостола и евангелія совершаются по уставу.

На литургіи въ великую субботу, совершаемой вмѣстѣ съ вечернею, вѣрующій, приготовляющійся созерцать побѣду Спасителя надъ смертію и адомъ, вовсе не слышитъ стоновъ ада, выраженныхъ въ велико-субботнихъ стихирахъ на Господи воззвахъ: „Днесь адъ стена воніетъ“ (стихир. 5, 6, 7). Какъ выше сказано, и въ этотъ день прочитывается одна или двѣ стихиры воскресныя; затѣмъ „Слава и нынѣ“, „Всемирную Славу“ и входъ; изъ 15 паремій мы очень часто слышимъ только 5, и даже 3, причемъ, читая паремію, чтецъ перелистываетъ книгу, и въ виду присутствующихъ выбираетъ какая покороче; словомъ читается столько, „колько чтецъ изволитъ“; чтецъ напр. по своему невѣжеству, пропускаетъ паремію изъ книги пророка Софонія о духовномъ обновленіи, которое обѣщаетъ Богъ устами пророка всѣмъ тѣмъ, кто достойно воспользуется безцѣнными средствами, преподаваемыми намъ, имѣющими воскреснуть, въ наступающую ночь, нашимъ Испкупителемъ; пропускается нерѣдко паремія, изображающая переходъ евреевъ черезъ чермное море, и мы очень рѣдко, да и то сокращенно слышимъ побѣдную пѣснь „Поимъ Господеви, Славно бо прославися“ и проч. Послѣдняя паремія изъ книги пророка Даніила, обѣ избавленіи трехъ отроковъ, вверженныхъ въ горящую печь, пропускается почти вездѣ, вѣроятно потому, что она самая пространная; и при этомъ торжественная пѣснь трехъ отроковъ со стихами: „Господа пойте, и превозносите Его во вѣки“, имѣющая такой же глубокій смыслъ побѣды надъ смертію, какъ и предыдущая, совершенно не услаждаетъ слуха предстоящихъ; благословенія хлѣбовъ въ концѣ литургіи уже лѣтъ 40 не видно нигдѣ, кромѣ нѣкоторыхъ монастырей.

Мы думаемъ, что если бы цѣлый рядъ дивныхъ и страшныхъ созерцаній на страстной недѣлѣ неупустительно про-

ходилъ предъ духовными и тѣлесными очами молящихся, тогда, можетъ быть, самый земной и плотяной между ними созналъ бы свое ничтожество, и изъ глубины смущенной души воскликнулъ бы: „*Да молчитъ всяка плоть человѣча, да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ*“ (Пѣснь вмѣст. „Иже Херувимы“ въ велик. Субботу).

Но вотъ, наконецъ, мы приблизились къ высочайшему и торжественному воспоминанію свѣтлаго воскресенія Христова, къ празднованію не только побѣды надъ смертію, „но и умерщвленія ея, разрушенія ада, отверзенія рая, перехода отъ смерти къ жизни, и отъ земли къ небеси, освобожденія узниковъ отъ вѣка, лютѣи содержимыхъ во адѣ, которые, бывъ освобождены, пошли къ свѣту веселыми ногами,“ и проч. и проч., что такъ рельефно и восторгающе изложено въ пѣснопѣніяхъ дивнаго пасхальнаго канона Иоанна Дамаскина. Въ порывахъ священнаго восторга, наполняющаго насъ, при слушаніи этого несравненнаго канона, мы ужѣ здѣсь, *на землѣ, духовно предвкушаемъ „начало иного, вѣчнаго житія“*; церковь постановила пѣть ирмосы подважды, а тропари по 12, а въ концѣ каждой пѣсни каталасію и трижды „Христосъ воскресе!“; церковь, безъ сомнѣнія, какъ можно сильнѣе старалась запечатлѣть въ умѣ и сердцѣ слушателей высокія чувствованія, возбуждаемыя этимъ несравненнымъ канономъ, и надолго преисполнить предстоящихъ духовнымъ восторгомъ. Что же мы видимъ?

Прежде всего повечеріе совершается такъ скоро, что иногда ирмосы канона великой субботы поются черезъ одинъ: Св. Плащаница вносится въ алтарь тихо, безъ предшествующихъ перенесенію трогательныхъ, великосубботнихъ тропарей; послѣ крестнаго хода кругомъ храма, встрѣча воскресшаго Господа виѣ храма на паперти совершается такъ, что, по окончаніи воскресныхъ стиховъ, тропарь „Христосъ воскресе!“ (который по уставу поетъ настоятель „высшимъ гласомъ“, и при которомъ крестный ходъ входитъ внутрь храма) заканчивается на паперти, и крестный ходъ возвращается молча. Это молчаніе продолжается до тѣхъ поръ, пока священники не войдутъ въ алтарь, а дьяконъ не станетъ на амвонъ, и не начнетъ великую ектенію; слѣдовательно, радостная вѣсть о воскресеніи, не вносится священно-служителями во храмъ

къ богомольцамъ, (какъ это сдѣлали муроносцы, поспѣшая сообщить апостоламъ вѣсть о воскресеніи) такъ что богомольцы, не участвовавши въ крестномъ ходѣ, очень долго (до конца первой пѣсни канона) не слышать радостнаго тропаря „Христосъ воскресе“!..

Сосуды съ кадильнымъ фиміамомъ въ алтарѣ и посрединѣ храма не поставляются, паникадила изъ экономіи не зажигаются заблаговременно, а во время самаго крестнаго хода ставится лѣстница, и сторожъ восходитъ на нее, причиняя шумъ, и нарушая молитвенное ожиданіе радостной вѣсти о воскресеніи; или же сторожъ береть длинный шесть, съ прикрепленною къ нему горящую свѣчою, и начинаетъ зажигать паникадила, а такъ какъ фитили, въ свѣчахъ, отъ предыдущихъ зажиганий, плотно приплюснулись къ свѣчамъ, то этотъ трудъ сторожа нерѣдко бываетъ безуспѣшенъ, и многія свѣчи остаются незажженными, и такимъ образомъ не исполняется уставъ: „Да исполнится весь храмъ светла и благоуханія“.

Ирмось каждой пѣсни поется по одному разу, тропари каждой пѣсни исполняются однажды, и иногда только одинъ первый тропарь, катаасіи нѣтъ, а заключительное „Христосъ воскресе!“ или совсѣмъ не поется, или поется по одному разу, и никогда — трижды; а такъ какъ послѣ каждой пѣсни полагается малая ектенія, которая почему-то не пропускается, то и выходитъ, что мы вмѣсто пасхальнаго канона слышимъ цѣлый рядъ малыхъ ектеній, которыя повторяются ежедневно, и высокоторжественная, пасхальная служба превращается въ совершенно будничную.

Такой порядокъ, кромѣ того, противорѣчить и здравой логикѣ; если малая ектенія установлена, какъ заключительная молитва, послѣ каждой пѣсни, то ясно, что *заключающее должно быть значительно короче заключаемаго* (напр. екзапостиларій послѣ канона, возгласы послѣ пространныхъ молитвъ и проч.). Здѣсь же наоборотъ, пѣсня состоитъ изъ одного ирмоса, и одного тропаря, а малая ектенія состоять изъ трехъ прошеній и одного возгласа; какъ же назвать такой порядокъ?

Такимъ образомъ, если мы не слышимъ текста канона, не усвоемъ его содержанія на первый день Пасхи, то спрашивается: когда, въ какой день мы его услышимъ? — ужъ ко-

нечно не въ воскресные дни послѣ Пасхи до Вознесенія; при этомъ, очень часто священникъ съ крестомъ, трехъвѣчникомъ и кадиломъ по храму совсѣмъ не ходить, а только съ амвона, или же у царскихъ вратъ, привѣтствуетъ предстоящихъ словами: „Христосъ Воскресе!“; послѣ канона изъ стихиръ на хвалитѣхъ поется одна первая; изъ стихиръ пасхѣ:— первая двѣ: „Пасха священная намъ онесъ показаſя“ и „Приидите отъ видѣнія жены, благовѣстницы“, затѣмъ „Слава и нынѣ“,— „Воскресенія день и просвѣтился торжествомъ“, огласительное слово Иоанна Златоустаго „Аще кто благочестивъ“ произносится всегда при страшномъ шумѣ (а здѣсь то и нужно соблюдать „челѣ и мѣчи“) и давкѣ, потому что въ то время, когда одинъ священникъ произносить его, остальные, если ихъ нѣсколько, христосуются съ народомъ. Торжественные пасхальные часы не всегда поются, а очень часто читаются, да и то съ пропусками; на литургіи три антифона сокращаются такъ же, какъ на двадцатыхъ праздникахъ вообще; послѣ входа пасхальный тропарь и кондакъ большею частію пропускается, или же поется одинъ тропарь „Предварившія утро“; вечерня на первый день пасхи совершается такъ же, какъ и на выше упомянутыхъ двадцатыхъ праздникахъ; если же богослуженіе совершается такъ въ первый день пасхи, то само собою понятно, что въ послѣдующіе дни оно не улучшается, тѣмъ больше, что въ Фомино воскресеніе пасхальная пѣсночнія уже прекращаются; такимъ образомъ, мы пасхального канона почти не слышимъ; правда, въ воскресные дни до Вознесенія Господня (кромѣ Фоминой недѣли) его хотя и положено пѣть по уставу на утренѣ, но въ нашихъ храмахъ поются одни только ирмосы.

Что же касается до канона Бого诞и, поемаго по уставу во всю свѣтлую седмицу, кромѣ первого дня, *то онъ въ приходахъ не поется, даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ*, и такимъ образомъ предстоящіе лишены возможности *сопроводиться Той, Которая, больше всѣхъ и глубже всѣхъ сострадала своему возлюбленному Сыну* (См. выше вечерн. въ велик. пятницу) и Которой Онъ по воскресеніи явился *„первые“*.

Если сокращеніе службъ въ Рождество, Богоявленіе и проч., можно назвать профанациею Богослуженія, то сокращеніе страстнаго и пасхального Богослуженія, гдѣ каждое слово дороже золота, есть уже, по нашему мнѣнію, преступленіе,

грѣхъ. Чего же можно требовать отъ мірянъ, если сами священнослужители, какъ видно, часто не проникаются святыми и величествомъ воспоминаемыхъ событий?!

О богослуженіи въ дни пятидесятницы, Вознесенія, и Сопшествія Св. Духа, нужно сказать тоже самое, что о двадцатыхъ праздникахъ вообще; но нахожу необходимымъ сказать нѣсколько особыхъ словъ по поводу вечерни въ самый день Сопшествія Св. Духа; вечерня эта, какъ известно, совершается непосредственно послѣ литургіи, и при томъ исключительно въ честь Св. Духа, однажды въ годъ. Казалось бы, какъ осмѣлиться пропустить стихиры на „*Господи воззвахъ*“, въ честь Св. Духа?!.—но, увы,—мы слышимъ одну первую стихириу; затѣмъ—„Слава и Нынѣ“, входъ. Три колѣнопреклоненныхъ молитвы, конечно, не пропускаются, но грустно не слышать самыхъ важныхъ стихиръ на Стиховнѣ, которая не напрасно же Церковь постановила пѣть предъ царскими вратами, отъ обоихъ клиросовъ: „*Нынѣ утѣшительный Духъ на всякую плоть изліяся*“,—„*Нынѣ во знаменіе всъмъ, явъ языны быша*“,—„*Нынѣ облачатся державою Христовою съ высоты апостоли*“ и проч.

---

#### IV. Въ чёмъ еще наблюдается теперь нетерпимое нарушение церковнаго чина.

Кромѣ всего сказанного, въ нѣкоторыхъ храмахъ практикуется слѣдующая особенность; опоздавшій богомолецъ покупаетъ просфору нерѣдко послѣ великаго входа, и даже послѣ произнесенія словъ: „*Пріимите ядите*“,—надписывается на днѣ просфоры имя за здоровье, или заупокой, иногда подается въ алтарь, тамъ уже произнесено: „*Твоя отъ твоихъ*“; И что же? *Просфора эта принимается и затѣмъ съ вынутого частичею возвращается подателю*. Не будучи сильнымъ специалистомъ, не могу указать на какоенибудь правило, позволяющее подобную практику, но знаю хорошо, что такой знатокъ богослуженія, какъ протоіерей о. Григорій Дебольскій, въ своихъ сочиненіяхъ о богослуженіи прямо говоритъ, что принятіе просфоръ отъ народа прекращается окончательно вмѣстѣ съ херувимскою пѣснію.

Таковъ въ общемъ, современный порядокъ богослуженія въ огромномъ большинствѣ городовъ, мѣстечекъ и сель гу-

берній: Харьковской, Полтавской, Волынской, Гродненской, Киевской, и преимущественно Подольской, где я изъ 40 лѣть моей службы въ упомянутыхъ мѣстностяхъ прожилъ 18 лѣть. Хотя я далекъ отъ того, чтобы обобщать этотъ порядокъ на всю Россію, но мнѣ пришлось одинъ разъ провести страстную и Пасху въ Саратовской губерніи въ г. Царицынѣ, а въ другой разъ я провелъ тамъ же одинъ изъ двадесятихъ праздниковъ, и нашелъ богослужебный порядокъ совершенно такимъ, какой изложенъ мною.

Часто мы слышимъ въ проповѣдяхъ, что только въ храмѣ вѣрующіе получаютъ назиданіе, утѣшеніе въ скорбяхъ, (что безусловно справедливо) и проч. Но того и другого мы не получаемъ въ должной мѣрѣ, при вышеописанномъ порядкѣ богослуженія. Мы не слышимъ торжественныхъ пѣснопѣній на Рождество, Богоявленіе, Сочество Св. Духа, и въ особенности въ Пасху, и оттого не умѣемъ духовно восторжествовать, окрыляться „и горѣ возносить наши сердца“.

Изъ такъ называемыхъ требъ мы находимъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу чина погребенія мірскихъ человѣкъ, и отправленія панихидъ вообще; при погребеніи не всегда даже произносится ектенія „*O плачущихъ, болезнующихъ*“, изъ 17 кафизмы поется буквально только: „*Непорочніи въ путь — алилуя; помилуй раба Твоего; заповѣдемъ Твоимъ. алилуя, помилуй раба Твоего*“ — согласитесь, что эти два выраженія, отдельно взятыя, не представляютъ даже логики, или же имѣютъ смыслъ одинаковый съ тѣмъ, какъ чтецъ на первомъ часѣ начинаетъ громко „*Окні ветаюша тай, или же во утрія избивахъ*“ — Затѣмъ *Благословенъ сси Господи* сокращается наполовину, а изъ восьми тропарей (чудныхъ, какъ всѣ творенія Иоанна Дамаскина) „*Святыхъ ликъ обрѣте источники жизни*“ поются два и рѣдко три; изъ канона поются только ирмосы 3, 6 и 9 пѣсень; тропари канона совсѣмъ не читаются, остаются только припѣвы между ними: „*Покой Господи душу успошао раба Твоего*“ „*Слава и Нынѣ*“; Послѣ канона — трогательная пѣснопѣнія, по числу гласовъ — восемь. „*Кака житейская сладость бываетъ печали не причастна?*“ — „*Зряще мя безласна и бездынна предлежаша*“ — „*Плачу и ридаю, егда помышляю смерть*“ и проч., совсѣмъ не поются кромѣ одной: „*Пріидите послѣднєе цѣлованіе*“; вѣдь всѣ эти пѣснопѣнія установлены цер-

ковію преимущественно для утѣшенія и облегченія скорбей оставшихся сиротами, ближнихъ покойнаго; за что же лишаютъ ихъ того самого утѣшенія, о которомъ молять въ началѣ ектеніи „о плачущихъ, болѣзнующихъ, илюющихъ Христова утѣшнія“?.. — Что же это такое, если (простите за выраженіе) не похищеніе вышенеспрощенаго утѣшенія? Разрѣшительная молитва въ руки покойнаго не влагается (какъ этого требуетъ напр. препод. Феодосій Печерскій), а кладется на грудь.— Въ концѣ чина погребенія священникъ не произносить (обращаясь къ лицу покойнаго) „Вѣчная твоя память достойнѣй и присноночинаемый, брате нашъ!“ (Имя рекъ).

Говоря о погребеніи мірянъ, нельзя не упомянуть о повсемѣстномъ обычаяѣ въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ пѣть одни концы: напр. „А.и.и.уія, аллилуія, аллилуія. Творца и Зиждитея, и Бога нашою, Бога нашою!“ — „Богородице безневѣстная, спорыши Спасеніе, Спасеніе!“ — „И вся лже въ вѣдѣніи, и невѣдѣніи, Человѣкомлѣбче!“ — „Сыны смила твою показавый, помилуй насъ“ — „Надѣбное рѣданіе, творяще пѣсни. Аллилуія“.

Вѣдь если-бы на погребеніе пришелъ какой-нибудь филологъ, глубоко образованный, специалистъ по языкамъ и народчіямъ, безспорно и въ совершенствѣ владѣющій славянскими языками съ его развѣтвленіями, и въ тоже время не принадлежащій къ православной, россійской церкви, какое бы онъ вынесъ впечатлѣніе о смыслѣ изчисленныхъ концовъ пѣснопѣній? Проанализируйте хоть одинъ конецъ напр.: „Сыны смила твою показавый, помилуй насъ“ — Что это такое, отдельно взятое?!. Говорить въ оправданіе; всѣ эти пѣснопѣнія читаются про себя, а концы поются громко; вѣримъ этому, но спрашиваемъ, зачѣмъ же читать ихъ про себя, если здѣсь нѣть даже выигрыша времени; не одинаковое ли число минутъ потребуется на оба чтенія?

О панихидахъ и говорить нечего. — Моя покойная жена погребена въ Харьковѣ; проѣзжая однажды черезъ Харьковъ, съ единственную дочерью, мы нарочно остановились, воспользовавшись трехчасовымъ промежуткомъ на вокзалѣ; дѣло было въ началѣ августа, мы отправились на кладбище и попросили кладбищенскаго священника отслужить панихиду; что же? Немедленно послѣ благословенія, слышимъ великую ектенію „о плачущихъ, болѣзнующихъ“; затѣмъ не пропѣли ни одного стиха изъ 17 каѳизмы, пропустили всѣ сти-

хирь на „Благословенъ еси Господи“; затѣмъ „Покой Господи душу усопшія рабы твоей“, 3-й ирмось, ектенія, заупокойная, 6-й ирмось, кондакъ, „со святыми упокой“, 9-й ирмось, „Со духи праведныхъ“, заупокойная ектенія и „вѣчная память“.—Я, право, не зналъ, что дѣлать: скорбѣть-ли о неудовлетвореніи нашего религіознаго чувства, или-же гнѣваться на такое искаженіе панихиды; я, конечно, промолчалъ, но сколько разъ послѣ этого я не былъ въ Харьковѣ, уже никогда панихиды не служилъ.

**В. Николаевъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



## Мухаммаданское учение о пророкахъ.

Важный пунктъ мухаммаданского вѣроученія составляетъ вѣра въ пророковъ или посланниковъ. „Вѣрующіе вѣруютъ, говоритьъ Коранъ, — въ Бога, въ ангеловъ Его, въ Писаніе Его и въ посланниковъ Его“ <sup>1)</sup>. „Тѣ, которые не вѣруютъ въ Бога и посланниковъ Его, хотятъ устранить отъ Бога Его посланниковъ, говорять о себѣ: „въ иѣкоторыхъ мы вѣруемъ, и въ иѣкоторыхъ не вѣруемъ“, желая держаться средняго пути между ними,—тѣ, по всей сираведливости, суть невѣрные: для этихъ невѣрныхъ мы приготовили наказаніе. Вѣрующихъ же въ Бога и въ Его посланниковъ и ии одному изъ нихъ не дающихъ различія отъ другихъ,—имъ Онь доставить награду, каждому свою. Богъ—прощающій, милосердъ“ <sup>2)</sup>.

Богъ промыслитель, желающій всѣмъ людямъ добра, посыпаетъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени тому или другому народу, очередь котораго наступила, посланика-благовѣстителя съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ему письменный божественный законъ и направилъ его на путь истины. „Прежде тебя,—говорить Богъ Мухаммеду въ Коранѣ,—Мы послали посланниковъ и давали имъ супругъ и чадъ. Каждый пророкъ не иначе могъ передавать знаменіе, какъ по изволенію Бога. На каждое срочное время было свое писаніе“ <sup>3)</sup>. Послѣднюю фразу нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что для каждого времени существуетъ особое по своему содержанію откровеніе, а въ томъ, что чрезъ извѣстный промежутокъ времени, продолжительность котораго Мухаммель не пытался опредѣлить, Богъ посыпаетъ какого-нибудь по-

1) Коранъ II, 285.

2) Коранъ IV, 149—151.

3) Коранъ XIII, 38.

сланника съ тѣмъ-же откровеніемъ, съ какимъ былъ посланъ и его предиественникъ, такъ какъ Мухаммедъ никогда не признавалъ различія между божественными откровеніями, сообщенными разными народами въ разныя времена, не допускалъ различія даже во второй Мединскій періодъ своей дѣятельности, когда почти все главные пункты его пророческой теоріи, выработанные и высказанные въ первый Меккскій періодъ измѣнились почти до противоположности. Исходя изъ вышеуказанного положенія, Мухаммедъ думалъ, что не было до него такого народа, среди котораго Богъ не воздвигъ бы посланника-руководителя. „Не было,—говорить Онъ,—ни одного народа, къ которому не было бы проповѣдника“<sup>1)</sup>. Это положеніе Мухаммедъ основывалъ на понятіи о справедливости Бога, требующей, чтобы все народы знали о волѣ Божіей, дабы никто изъ нихъ не сталъ, въ случаѣ неисполненія ея, оправдываться невѣдѣніемъ. „Мы не губили,—говорить Богъ въ Коранѣ,—ни одного города, если не было ему увѣнчателя, не было вразумленія. Мы не были несправедливы“<sup>2)</sup>. Другая причина, побудившая милостиваго Бога повторять въ разное время свои откровенія, заключается въ томъ, что часто народы, получавши откровеніе, забывали его или памѣренно искажали<sup>3)</sup>. Изъ Корана первого меккскаго періода не видно, все ли народы, знакомые Мухаммеду, получили уже откровеніе или же только нѣкоторые изъ нихъ, но одно несомнѣнно, что по первоначальной теоріи Мухаммеда, все люди, если уже не получили, то обязательно получать въ свое время божественное откровеніе. Одна мысль о томъ, что Богъ лишь нѣкоторымъ избраннымъ народамъ посыпаетъ посланниковъ и пророковъ крайне возмущаетъ Мухаммеда и заставляетъ его зло настѣхаться надъ тѣми, которые считаютъ себя на особомъ положеніи у Бога: „Іудеи и назаряне говорятъ: „Мы сыны Божіи и возлюбленные Его“. Скажи: почему же Онъ наказываетъ васъ за грѣхи ваши? Напротивъ, вы человѣки, изъ тѣхъ, кого сотворилъ Онъ“<sup>4)</sup>. Для болѣе успешнаго распро-

<sup>1)</sup> Коранъ XXXV, 22.

<sup>2)</sup> Коранъ XXVI, 208—209.

<sup>3)</sup> Коранъ VII, 162; X, 27; II, 58; II, 207; XX, 114; V, 16—18; VI, 44; VII, 165; XXV, 19; XXXVIII, 25; VII, 51; IV, 48; II, 70 и др.

<sup>4)</sup> Коранъ V, 21; VI, 157.

страненія божественныхъ законовъ среди людей, пророки и посланики всегда избирались Богомъ изъ среды тѣхъ народовъ, къ которымъ они посылались. „Къ нимъ, изъ среды ихъ самихъ, приходилъ посланикъ, а они почли его лжецомъ“ <sup>1)</sup>. Въ другомъ мѣстѣ Мухаммедъ, повѣствую своимъ слушателямъ о Ноѣ и отношеніи его народа къ нему, влагаетъ въ его уста слѣдующій вопросъ: „Ужели вамъ удивительно, что къ вамъ отъ Господа вашего приходитъ ученіе чрезъ человѣка изъ среды васъ и чтобы вы были богобоязливы, и, можетъ быть, будете помилованы?“ <sup>2)</sup>.

Ради той же цѣли—лучше и скорѣе познакомить людей съ божественной волей—посланники Божіи говорили всегда на языкахъ тѣхъ народовъ, къ которымъ они посылались: „Каждый посланикъ, какого ни посылали мы, говорилъ на языке своего народа для того, чтобы говорить понятно имъ“ <sup>3)</sup>.

Архангель Гаврій считается у Мухаммеда нѣ единственнымъ посредникомъ между Богомъ и пророками. По божественному велѣнію, Онъ являлся къ пророкамъ, возвѣщалъ имъ волю Божію обѣ избраній ихъ на пророческое служеніе и потомъ, въ продолженіе этого служенія, не оставляя ихъ въ необходимыхъ случаяхъ. Этотъ великий исполнитель воли Божіей, по представленію мухаммеданства, являлся 12 разъ Адаму, Еноху 4 раза, Ною 50 разъ, Аврааму 42 раза, Моисею 400 разъ, Іисусу Христу 9 разъ и Мухаммеду 24000 <sup>4)</sup>.

Въ Коранѣ нѣть положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ точностью опредѣлить число всѣхъ пророковъ, признаваемыхъ мухаммеданствомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Корана упоминаются имена только двадцати восьми пророковъ. Между тѣмъ мухаммеданская преданія насчитываютъ ихъ нѣсколько сотъ тысячъ, причисляя къ разряду божественныхъ посланниковъ всѣхъ знаменитыхъ людей древности и даже „двурогаго богатыря“, т.-е. Александра Македонскаго <sup>5)</sup>.

1) Коранъ XVI, 114.

2) Коранъ VII, 61; VI, 57, 65; XII, 2 и др.

3) Коранъ XIV, 4.

4) Н. Остроумова. — „Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ“. — Казань, 1874 г., стр. 35.

5) Коранъ XVIII, 32—100. П. Жузе.—„Мухаммедъ Меккскій и Мухаммедъ Мединскій“, — Казань, 1906 г., стр. 12—14.

Что касается значенія пророковъ, ихъ авторитетности въ очахъ Божіихъ, то не всѣ они равны между собою. Отъ самого Мухаммеда есть преданіе, въ которомъ онъ дѣлить всѣхъ пророковъ на двѣ группы: на пророковъ (набії) и посланниковъ (расуль). Эти два названія: пророкъ и посланникъ, на основаніи словъ толковника Тафтазани, могутъ быть объяснены слѣдующимъ образомъ: название посланникъ есть общее по отношенію ко всѣмъ посланнымъ Богомъ мужамъ, но вмѣстѣ съ этимъ оно есть и частное, специальное название, усвоенное только нѣкоторымъ изъ нихъ. Основаніе этому заключается въ томъ, что въ посланикѣ непремѣннымъ условіемъ полагается иногда книга, въ противоположность пророкамъ, которые въ своемъ пророческомъ служеніи руководствовались книгою своего предшественника—посланника. Только одни посланники имѣли священную книгу, данную имъ отъ Бога и чрезъ это именно возвышаются надъ пророками въ очахъ Божіихъ. По преданію Мухаммеда, посланниковъ, имѣвшихъ у себя книги священныхъ, было 330, между тѣмъ какъ число всѣхъ книгъ священныхъ мухаммеданство опредѣляетъ 104 книгами, каковы: Коранъ, Законъ Моисея, Евангеліе Іисуса, Псалмы Давида, 10 свитковъ Адама, 50 свитковъ Сіеа, 30 свитковъ Еноха, 10 свитковъ Авраама<sup>1)</sup>,

Общею задачею дѣятельности пророковъ и посланниковъ, по Корану, было возвѣщать людямъ то, что Богъ открывалъ имъ по изволенію Своему<sup>2)</sup>, а именно: проповѣдывать ииспосланное писаніе и содержащуюся въ немъ истины<sup>3)</sup>, утверждать ученіе о единомъ Богѣ<sup>4)</sup>, уничтожать языческія заблужденія<sup>5)</sup>, возвѣщать знаменія Божіи<sup>6)</sup>, побуждать людей къ совершенію повелѣній Божіихъ, обѣщаю вѣрнымъ награду рая, а злымъ угрожая адомъ<sup>7)</sup>, вообще быть свидѣтелями, благовѣстителями, угрожателями, призывающими къ

1) Н. Остроумова. — „Критический разборъ мухаммеданского учения о пророкахъ“,—стр. 37.

2) Коранъ XLII, 51.

3) Коранъ II, 209.

4) Коранъ XXI, 25.

5) Коранъ II, 146.

6) Коранъ VII, 33.

7) Коранъ XXXIV, 36—37.

Богу, просвѣщающими свѣтильниками<sup>1)</sup>). Пророки, по Корану, были такие же, какъ и все люди, облеченные плотью, нуждавшіеся въ пищѣ, подверженные смерти<sup>2)</sup>, имѣвшіе женъ и дѣтей, претерпѣвшие насмѣши отъ людей<sup>3)</sup>). Какъ прямые возвѣстители воли Божіей, они всегда были самыми ненавистными врагами діаволовъ и геніевъ, которые всячески старались искушать ихъ<sup>4)</sup>). Но Богъ оказывалъ имъ свое особое покровительство и защиту и своими знаменіями доказывалъ ихъ божественное призваніе<sup>5)</sup>). Ко всѣмъ посланникамъ и пророкамъ Мухаммѣдъ относится съ одинаковымъ почтеніемъ, считая ихъ провозвѣстниками одной истины. „Скажите,—говорится въ Коранѣ,—мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что ниспослано намъ, въ то, что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Іакову и колѣнамъ израильскимъ; въ то, что было дано Моисею и Іисусу, что было дано пророкамъ отъ Господа ихъ; не дѣлаемъ различія между ними и Ему покорны мы“<sup>6)</sup>). Если Мухаммѣдъ нападалъ на христіанство и іудейство, то потому только, что считалъ ихъ искаженными ученіями. Онъ всегда обращаетъ свои обличенія къ „людямъ писанія“: „Читающіе писаніе! вамъ не на что опереться, если не будете соблюдать закона Евангелія, того, что вамъ было ниспослано отъ Господа вашего“<sup>7)</sup>). Тѣмъ не менѣе, отвергая въ принципѣ всякое различіе между пророками, самъ же Мухаммѣдъ допускаетъ это различіе, когда говоритъ, что „нѣкоторымъ изъ нихъ Богъ даетъ преимущества предъ другими: въ числѣ ихъ были такие, съ которыми Богъ говорилъ, а нѣкоторыхъ воззвелъ на высшія степени“<sup>8)</sup>). Высшая степень прославленности, какъ можно видѣть изъ Корана, принадлежитъ Іисусу и Моисею и особенно послѣднему: обѣ Іисусъ говорится только, что Богъ далъ Ему „ясныя доказательства“ (т.-е. способность чудотворенія) и укрѣпилъ Его Духомъ Святымъ<sup>9)</sup>; о

<sup>1)</sup> Коранъ V, 22; XXXIII, 44—45; IV, 163.

<sup>2)</sup> Коранъ XXI, 7—8.

<sup>3)</sup> Коранъ XIII, 38.

<sup>4)</sup> Коранъ VI, 112.

<sup>5)</sup> Коранъ III, 179—181.

<sup>6)</sup> Коранъ II, 130; W, 151.

<sup>7)</sup> Коранъ V, 72.

<sup>8)</sup> Коранъ II, 254.

<sup>9)</sup> Коранъ II, 254.

Моисеъ же,—что съ нимъ Богъ говорилъ такъ, какъ говорятъ<sup>1)</sup>, т.-е. лицомъ къ лицу, непосредственно. За ними слѣдуетъ Мухаммѣдъ, этотъ послѣдній и величайшій изъ пророковъ, запечатлѣвши собою всю пророческую іерархію<sup>2)</sup>, посланный отъ Бога, какъ особенная милость мірамъ<sup>3)</sup>. Нѣкогда, по словамъ Корана, Богъ заключилъ завѣтъ со всеми пророками относительно того, что все они должны вѣровать и помогать Мухаммѣду—послѣднему изъ пророковъ<sup>4)</sup>. Указанные три великие пророка слѣдовали одинъ за другимъ преемственно и запечатлѣвая откровеніе предыдущее, восполняли его новымъ. „Мы, говорить Богъ Мухаммѣду,—ниспослали законъ: въ немъ правота и свѣтъ. Пророки, которые были покорны ему, по нему судили іудеевъ, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ законѣ, и мы дали ему Евангеліе; въ немъ правота и свѣтъ, подтвердившіе то, что прежде него было въ законѣ; руководство и ученіе для богообоязливыхъ“<sup>5)</sup>. Наконецъ, пріишелъ Мухаммѣдъ. Цѣль его—ясно указать людямъ писаній (т.-е. іудеямъ) многое изъ того, что скрыли они изъ писанія, и отмѣтить многое. Въ немъ—Мухаммѣдѣ—къ нимъ отъ Бога пріишелъ свѣтъ и ясное писаніе<sup>6)</sup>... Опь—Мухаммѣдъ—печатъ пророковъ<sup>7)</sup>, посланикъ Бога не только къ арабамъ—язычникамъ<sup>8)</sup>, но и къ людямъ писаній (къ іудеямъ и христіанамъ)<sup>9)</sup> и даже къ геніямъ<sup>10)</sup>. Въ ученіи о Мухаммѣдѣ и заключается оригинальность мухаммѣданскаго ученія о пророкахъ. Можно сказать, что вся теорія о пророкахъ имѣеть для мухаммѣданъ значеніе постольку, поскольку она завершается ученіемъ о Мухаммѣдѣ. И послѣдній при жизни своей говорилъ о пророкахъ обыкновенно съ тою цѣлію,

<sup>1)</sup> Коранъ W, 160.

<sup>2)</sup> Коранъ XXXIII, 40.

<sup>3)</sup> Коранъ XXI, 107.

<sup>4)</sup> Коранъ III, 75.

<sup>5)</sup> Коранъ V, 48, 50.

<sup>6)</sup> Коранъ V, 18.

<sup>7)</sup> Коранъ XXXIII, 40.

<sup>8)</sup> Коранъ III, 96; IV, 135; VII, 157; LXII, 2.

<sup>9)</sup> Коранъ V, 18, 22.

<sup>10)</sup> Коранъ XLVI, 28; LXXII, 1—2, 13—15.

чтобы довести слушателей до убѣжденія въ своемъ божественномъ достоинствѣ<sup>1)</sup>.

Вѣра мухаммеданъ въ Мухаммеда прежде всего и главнымъ образомъ выражается въ признаніи его божественного посланничества. Всякій мухаммеданинъ, непосредственно за исповѣданіемъ единства Божія, выражаемымъ словами: „Исповѣдуя, что нѣть Бога, кроме Аллаха“, прибавляетъ: „и исповѣдуя, что Мухаммѣдъ посланникъ Божій“. „Кто повинуется сему посланику,—говорится въ Коранѣ,—тотъ повинуется Богу“<sup>2)</sup>. Въ божественномъ посланничествѣ Мухаммѣда послѣдователи его убѣждаются словами самого Корана, гдѣ Мухаммѣдъ постоянно называетъ себя посланникомъ Божіимъ и сравнивается съ истинными посланниками Божіими, напр., съ Моисеемъ и І. Христомъ<sup>3)</sup>; исторію его вступленія на проповѣдническое поприще; исторію о его почномъ путешествіи на небо; высокими нравственными качествами, присыпаемыми Мухаммѣду; пророчествами въ прежнихъ священныхъ книгахъ о явленіи Мухаммѣда; наконецъ, величайшимъ чудомъ его—Кораномъ и многими другими, измыслившими впослѣдствіи ревностными его послѣдователями.

Мухаммѣданскіе ученые, перечисляя чудеса, которыя будто-бы совершилъ Мухаммѣдъ въ доказательство своего посланства отъ Бога, величайшимъ чудомъ его ставятъ Коранъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ они ссылаются на слова самого Корана, въ которыхъ онъ изобразилъ свои чудесныя качества. „Скажи,—говорится въ Коранѣ,—дѣйствительно, если люди и геніи соберутся для того, чтобы произвестіи что нибудь подобное сему Корану, то не произведутъ ничего подобнаго ему, хотя бы они одни другимъ были помощниками“<sup>4)</sup>. Чудесныя качества Коранъ полагаетъ въ особенной силѣ своей, какую онъ имѣеть не только на сердца людей, но и на самый вещественный міръ: „Если бы мы ниспослали этотъ Коранъ на какую нибудь гору, то ты увидѣть бы,

1) Коранъ В. Боголюбскаго—„Исламъ, его происхожденіе и сущность“, стр. 207—209.

2) Коранъ W, 82

3) Коранъ XXXIII, 40; III, 158; , 82; V, 61; V, 50, 52.

4) Коранъ XVII, 90.

какъ она понизилась бы и распалась бы на части отъ страха Божія. Таковыя образы мы представляемъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они размыслили<sup>1)</sup>. Вліяніе Корана на сердца людей такъ велико, могущественно, что они не могутъ не чувствовать силы его: „Богъ ниспослалъ самое лучшее ученіе—писаніе съ иносказательными, съ повторяющимися членіями: отъ него сжимается кожа на тѣлѣ тѣхъ, которые боятся Господа своего; а потому отъ воспоминанія о Богѣ кожа ихъ и сердца ихъ смягчаются. Таково руководительство Божіе!<sup>2)</sup> Коранъ увѣряетъ, что нѣкоторые изъ священниковъ и отшельниковъ христіанскихъ, слушая Коранъ, плачутъ отъ умиленія: „Когда они слушаютъ ниспосланное свыше пророку, тогда видишь, какъ изъ очей ихъ льются слезы, потому что они узнаютъ истину. Они говорятъ: Господи нашъ! мы вѣруемъ; впиши насъ въ число сихъ исповѣдниковъ<sup>3)</sup>. Мухаммедане въ доказательство своего мнѣнія, что Коранъ есть откровенная Богомъ книга, говорятъ, что Коранъ не могъ быть произведеніемъ самого Мухаммеда, такъ какъ Мухаммедъ былъ человѣкъ не ученый, не умѣль ни читать, ни писать, а потому не могъ написать такой чудной книги. Это доказательство божественнаго происхожденія Корана приводилъ и самъ Мухаммедъ: „Такъ мы ниспослали тебѣ это писаніе, и тѣ, которымъ мы дали это описание, вѣруютъ въ него; также изъ этихъ людей есть такие, которые вѣруютъ въ него: отрицаютъ знаменія наши только невѣрные. Прежде него ты не читалъ никакого писанія, ни черты изъ него не писалъ твою рукою; отъ того легкомысленные сомнѣваются. Подлинно, онъ (Коранъ) знаменія, ясныя сердцамъ тѣхъ, которымъ дано знаніе: отрицаютъ знаменія наши только злочестивые<sup>4)</sup>. „Потому, вѣруйте въ Бога и Его посланника, неученаго пророка, вѣрующаго въ Бога, и въ слова его и будьте послѣдователями его: можетъ быть, пойдете прямымъ путемъ<sup>5)</sup>.

Въ ученіи о пророкахъ у мухаммеданъ важное значеніе имѣть еще такъ называемый „свѣтъ Мухаммеда“. По пред-

<sup>1)</sup> Коранъ LIX, 21; XIII, 20,

<sup>2)</sup> Коранъ XXXIX, 24.

<sup>3)</sup> Коранъ V, 86.

<sup>4)</sup> Коранъ XXIX, 46—48.

<sup>5)</sup> Коранъ VII, 158.

ставлению Рабгузы свѣтъ этотъ составляетъ особенное премиумущество пророковъ, находится у нихъ на лбу, проявляясь здѣсь въ особенномъ сїянїи. Мухаммеданскіе ученые думаютъ, что этотъ свѣтъ составляетъ самое первое твореніе божественнаго всемогущества, какъ это видно и изъ преданія самого Мухаммеда: „сказалъ пророкъ, миръ ему! прежде всего Богъ сотворилъ мой свѣтъ“. Эта свѣтлая первосозданная эссенція, по сотвореніи, раздѣлилась на двѣ части. Тончайшая ея часть была названа „нуръ“, т. е. свѣтъ, а другая, болѣе грубая, но все-таки лучшая среди прочихъ предметовъ, была названа „наръ“, т. е. огонь. Изъ послѣдней были сотворены фесипы съ ихъ потомствомъ, какъ это видно и изъ Корана<sup>1)</sup>, тогда какъ изъ первой были образованы высшія горнія существа, звѣзды и души пророковъ. Такимъ образомъ душамъ пророковъ приписывается не только происхожденіе изъ Мухаммедова свѣта, но и предсуществованіе ихъ, что не противорѣчитъ и духу Корана.

Цѣлѣ, какъ назначеніе всѣхъ пророковъ состояло въ томъ, чтобы проповѣдывать людямъ единство Божіе, составляюще основаніе ислама, то жизнь ихъ особенно дорога въ очахъ Божіихъ. За насильственную смерть пророка Богъ наказываетъ, по словамъ Рабгузы, современное умерицленному пророку человѣчество смертю 70000 человѣкъ, какъ это было, напр., во время смерти пророковъ Захаріи и Іоанна. Мысль, что жизнь пророковъ особенно дорога въ очахъ Божіихъ, высказана въ другомъ мѣстѣ у того же Рабгузы еще рѣзче, именно, что даже и животныя сознаютъ запрещеніе Божіе касаться тѣла пророковъ.

Пользуясь такими преимуществами во время земной жизни, пророки и по смерти находятся въ великой милости у Бога. Тѣла ихъ не подлежатъ тлѣнію, а души прямо допускаются къ райскимъ блаженствамъ, тогда какъ души прочихъ людей до послѣдняго суда не могутъ проникнуть въ рай. Въ раю пророки занимаютъ самыя высшія степени блаженства, потому что отличаются отъ прочихъ людей превосходствомъ своихъ душъ, созданныхъ изъ Мухаммедова свѣта.

Наконецъ, сунниты признаютъ безгрѣшность всѣхъ пророковъ вообще и особенно Мухаммеда. Но подъ словомъ без-

<sup>1)</sup> Коранъ XV, 27; LV, 14.

грѣшность они разумѣютъ: 1) совершенное отсутствіе лжи; отсутствіе „кюффа“, т. е. преступленія дѣйствіемъ или словомъ противъ мухаммаданской вѣры и ея святыни, преступленія сознательного по певѣрію и 2) отсутствіе всякаго умышленного преступленія. Самое понятіе о невинности, безгрѣшности сунниты опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: „Богъ не создалъ въ рабѣ никакого грѣха, не смотря на то, что сила и воля творить грѣхъ остается въ природѣ человѣка“. Такой безгрѣшности сунниты не приписываютъ никому. „Тогда не было бы,—говорятъ они, никакого достоинства въ добрыхъ дѣлахъ святыхъ, достигшихъ высшей степени благочестія долговременнымъ воздержаніемъ, побѣдою надъ искушеніями и умерщвленіемъ страстей; тогда Богъ не сказалъ бы пророку (т. е. Мухаммеду): „Пророкъ! Зачѣмъ ты считаешь запрещеннымъ для себя то, что разрѣшилъ для тебя Богъ?“ <sup>1)</sup> Или: „Богъ простилъ тебѣ грѣхи твои прежніе и послѣдующіе“ <sup>2)</sup>). Равнымъ образомъ и Мухаммѣдъ не сказалъ бы окружающимъ его грѣшникамъ: „подлинно я человѣкъ (плоть), какъ и вы“. Такимъ образомъ сунниты допускаютъ въ пророкахъ только неумышленные преступленія и говорятъ, что неумышленные проступки не мѣшаютъ условіямъ пророческой безгрѣшности. Важныя же умышленные преступленія отнюдь не приписываются пророкамъ ни до, ни послѣ вступленія ихъ въ пророческое служеніе. Шіиты же признаютъ, что всѣ пророки необходимо должны быть безгрѣшны и притомъ эту безгрѣшность считаютъ абсолютной, совершенной, такъ что пророки, по самой природѣ, по благодати Божіей, освобождены отъ возможности грѣшить <sup>3)</sup>).

Въ подтвержденіе своей теоріи о безгрѣшности пророковъ Мухаммадане приводятъ нѣкоторыя мѣста изъ Корана, напр.: „если вы устранитесь отъ великихъ грѣховъ, какіе запрещены вамъ: то мы очистимъ васъ и отъ другихъ злыхъ дѣлъ вашихъ и введемъ васъ въ рай почетнымъ вводомъ“ <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Коранъ LXI, 1.

<sup>2)</sup> Коранъ XLVIII, 1.

<sup>3)</sup> Н. Остроумова.—„Критический разборъ мухаммад. ученія о пророкахъ“—стр. 39—43.

<sup>4)</sup> Коранъ W, 35.

„А то, что у Бога, есть лучшее и постоянное благо для тѣхъ, которые вѣруютъ въ Господа своего и уповаютъ на Него, которые устраниются отъ великихъ преступлений и гнусныхъ дѣлъ, и какъ скоро разглагольствуютъ на кого, прощаютъ ему; которые послушны Господу своему и пр.“ <sup>1)</sup>. „На тѣхъ, которые устраниются отъ великихъ грѣховъ и отъ гнусныхъ дѣлъ, не остерегшись только отъ малыхъ проступковъ, Господь твой готовъ расширить прощеніе. Онъ совершенно зналъ васъ и тогда, когда созидалъ васъ изъ земли, и тогда, когда вы были зародышами во чревахъ матерей вашихъ. Потому не оправдывайте сами себя: Онъ совершенно знаетъ того, кто благочестивъ“ <sup>2)</sup>.

Таковы главные пункты мухаммеданского ученія о пророкахъ. Теперь можетъ быть совершенно очевидна мысль, что ученіе это имѣть весьма важное значеніе въ системѣ мухаммеданства, какъ религіи по премуществу пророческой. Точно также теперь можетъ быть понятно, почему и Мухаммедъ пользуется у мухаммеданъ такою необыкновенною почестью, какъ это видно изъ слѣдующихъ хваленій, относящихся къ Мухаммеду: „Безчисленное благословеніе да будетъ надъ пророкомъ, миръ ему! Онъ направилъ людей этого міра на прямой путь и самъ есть пророкъ ихъ. Онъ есть единий пророкъ, созданный для этого міра... Онъ другъ Господа. Только одного Мухаммеда—миръ ему!—Богъ избралъ изъ среды людей и сдѣлалъ своимъ другомъ... Мухаммедъ—миръ ему!—есть царь царей и свѣтъ вѣры и ходатай за народъ свой въ день послѣдняго Суда и т. п. <sup>3)</sup>.

К. Меркуриевъ.

(Окончаніе с.пъдуетъ).



<sup>1)</sup> Коранъ XLII. 34—36.

<sup>2)</sup> Коранъ LIII. 33.

<sup>3)</sup> Н. Остроумова.—„Критический разборъ мухаммад. ученія о пророкахъ“,—стр. 44.

## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

---

### **Жъ законоопроекту о расширеніи правъ женщихъ<sup>1)</sup>.**

Законопроектъ о расширеніи правъ женщины, въ томъ видѣ, какъ онъ внесенъ на уваженіе законодательныхъ палатъ Министромъ Юстиціи, — я нахожу пагубнымъ для семейной жизни. Этотъ законопроектъ,

1) Смотр. проектъ о семъ Министра Юстиціи... „Замужнія женщины могутъ давать на себя векселя, а равно принимать по онымъ отвѣтственность и безъ согласія своихъ мужей, хотя бы онъ не производили торговли отъ собственнаго имени“.

„Замужнія женщины, независимо отъ возраста ихъ, въ правѣ просить о выдачѣ имъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, не испрашивая на то согласія своихъ мужей“.

„Замужнія женщины могутъ быть включаемы въ виды своихъ мужей лишь по ходатайству послѣднихъ, и притомъ не иначе, какъ съ ихъ согласія“.

„Замужнимъ женщинамъ, проживающимъ отдѣльно отъ своихъ мужей, отдѣльные виды на жительство могутъ быть выдаваемы не только установлѣніями, указанными въ ст. 41 и 45 устава о паспортахъ, но и отъ полиціи, въ мѣстѣ временнаго ихъ пребыванія, притомъ безъ предъявленія общаго вида (уст. пасп., ст. 11 прим.)“.

„Замужнія женщины, хотя бы и несовершеннолѣтнія, при наймѣ на работы, а равно поступленіи на частную, общественную и правительственную службу, а также въ учебныя заведенія, не обязаны испрашиватъ на сіе согласія своихъ мужей“.

если онъ будетъ принятъ палатами и войдетъ въ силу, внесетъ анархію въ семью, поведетъ ее къ совершен-ному распаду. Для меня былъ бы понятенъ этотъ за-конопроектъ, если бы въ *Rossii существовалъ граждан-скій бракъ вилюсто церковнаго*,—если бы государство открыто объявило себя безконфесіональнымъ государ-ствомъ,—государствомъ исключительно *правовыимъ*, вѣвсякихъ христіанскихъ обязательствъ... Но тамъ, гдѣ въ основѣ всѣхъ взаимныхъ отношеній членовъ семьи, общества и государства лежитъ Библія во всей ея совокупности,—законъ Божій, воля Божественная, цер-ковные правила,—тамъ не должны быть вводимы по-добные законы.

Раскройте Библію и вы увидите на первыхъ же ея страницахъ такой законъ Божій, данный всѣмъ людямъ и на всѣ времена: *И рече (Господь Богъ) женѣ: умно-жасая умнојсу печали твоя и воздыханія твоя: въ бо-лезніихъ родиши чада, къ мужсу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Бытія, 3, 16). Вотъ законъ, положенный Господомъ Богомъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ,—законъ нѣ пререкаемый. Глава семьи—мужъ; жена ему подчиненная подруга. *Той тобою обладать будетъ и къ мужсу твое обращеніе.* Не жена обладать будетъ мужемъ, а мужъ,—не мужа обращеніе къ женѣ, а жены къ мужу. Отсюда ясно, какъ дважды два четыре, что жена безъ воли мужа не должна ничего самостоятельно предпринимать: *она должна быть въ послушаніи у мужа...*

Въ Новомъ Завѣтѣ—въ посланіи къ Ефесянамъ, изъ котораго читается отрывокъ при бракосочетаніи мужа и жены, эта подчиненность жены мужу особенно подчеркивается въ словахъ: *а жена да боится своего мужа* (Ефес. 5, 22—23). К. П. Побѣдоносцевъ перевелъ эту фразу: *а жена да чтитъ своего мужа*; но

въ подлинномъ текстѣ эта мысль выражается сильнѣе и глубже. Почему же жена должна такъ относиться къ своему мужу? Потому, объясняетъ апостолъ, что *мужъ есть глава жены, яко же и Христосъ глава Церкви; но яко же Церковь повинуется Христу, тако же и жены своимъ мужемъ во всемъ.* Въ знакъ подчиненія мужу, ей и заповѣдано быть съ покрыва-ломъ на головѣ,—не съ обнаженной головой и не стриженою, а съ покрыва-ломъ (1 Коринт. 11, 3—15). Женѣ не позволено въ церкви и говорить: *она должна и молчать, въ знакъ своей подчиненности мужу.* Если же она хочетъ чему научиться, спрашиваетъ о томъ дома у своего мужа,—ибо неприлично женѣ говорить въ церкви (1 Коринт. 14, 34—35). Ибо прежде созданъ Адамъ, а потомъ—Ева,—и не Адамъ прельщенъ, но жена, прельстившись, впала въ преступленіе,—еще разъ объясняетъ различіе мужа и жены ап. Павелъ (1 Тимоѳ. 2, 13—14). Главной обязанностью жены должно быть *материнство, чадородіе.* За это преимущественно ей обѣщается и спасеніе: *спасется же чадородія ради,* говоритъ апостолъ, *аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и со святыни съ цѣломъ умѣріемъ* (15)... Крѣпость брач-наго союза самъ Христосъ Спаситель опредѣляетъ такъ: *еже убо Богъ сочтетъ, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 12, 3—9).

Бываютъ браки неудачные; но тогда сторона страж-дущая должна смотрѣть на свой союзъ, какъ на крестъ, посланный ей отъ Господа,—*какъ на подвигъ кресто-ношенія,* и съ вѣрою и упованіемъ, а также и съ молитвою нести свой крестъ до конца. Только пре-терпѣвший до конца спасеніе будетъ (Матѳ. 10, 22; Лук. 21, 19): это можетъ быть усвоено и страждущей женѣ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ ученіе о бракѣ, какъ таинствѣ, и о семейномъ союзѣ. Женщина, не желающая нести на себѣ иго брачной жизни, можетъ оставаться дѣвой; такое состояніе не осуждается христіанствомъ (1 Коринѳ. 7, 25—40). Теперь хотятъ развалить этотъ союзъ, освященный Самимъ Богомъ, упразднить самое таинство брака *и ввести какое-то равноправіе и почти совершенную независимость жены отъ мужа...* И теперь житъ нѣтъ .мужьямъ отъ эмансипированныхъ женъ, а что же будетъ дальше, когда произволъ жены будетъ легализованъ еще и Верховною властью?! Теперь есть поговорка: „мужъ въ дверь, жена въ Тверь“, указывающая на произволъ жены, прикрываемый, однако же, хитростью. Но когда войдетъ въ силу закона право жены дѣйствовать безъ согласія мужа, тогда уже будутъ жены не только въ Тверь, но и прямо во всѣ грады и веси Россійской имперіи уходить, не спрашиваясь у мужа. А что же тогда будетъ дѣлать мужъ, оставаясь дома на хозяйствѣ? Богатые будутъ, конечно, ъздить по увеселительнымъ учрежденіямъ, а побѣднѣе — ходить въ публичные дома средней руки, а бѣдные—тѣ и просто будутъ пользоваться уличной проституціей. И какъ результатъ всего этого—появятся всякаго рода и вида болѣзни отъ такой „свободной любви“. А дѣти?.. Объ нихъ то, бѣдныхъ, никто и не думаетъ... Останутся на попеченіи у прислуги... А всегда ли прислуга бываетъ способна дать надлежащее воспитаніе дѣтямъ—не своимъ, а чужимъ?! И теперь консисторіи и Св. Синодъ завалены бракоразводными дѣлами; что же будетъ при введеніи этого закона?! Бракъ, какъ таинство, совсѣмъ упразднится. Если семья есть основа государства, какъ ячейка онаго, то, понятно, съ разваломъ семьи можетъ выйти нѣчто пагубное и для государства.

Сколько вижу, въ данномъ случаѣ нѣ спрвляются и съ мнѣніемъ Церкви, отзывъ которой бы былъ бы полезенъ въ семъ случаѣ.

Въ виду всего изложеннаго, я нахожу законъ объ эманципаціи женщины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ намъ Министромъ,—непріемлемыи.

**Николай, Архієпископъ Варшавскій.**



# Христіанская Церковь и современный социализмъ.

## ГЛАВА I.

### Высота христіанского учения и произведенный имъ переворотъ въ жизни человѣчества.

Почти девятнадцать вѣковъ тому назадъ на восточной окраинѣ колоссальной Римской имперіи, въ періодъ наибольшаго расцвѣта ея материальныхъ и духовныхъ силъ, когда Римская культура совершила свое побѣдное шествіе по лицу земли, когда классическая литература праздновала свой золотой вѣкъ, а язычество подъ напоромъ философской мысли допѣвало свою лебединую пѣснь въ великолѣпномъ Пантеонѣ,—въ Галилейской провинціи, тамъ, где нынѣ Дамасскій пашалыкъ, раздалась дивная проповѣдь Евангелія Царствія Божія. Благовѣстникъ—Іисусъ Назорей пламенно желалъ, чтобы Его Евангеліе сдѣлалось совѣстю всѣхъ народовъ, чтобы оно пропитало своимъ духомъ всѣ стихіи земной жизни человѣка. Въ немъ Онъ открывалъ міру новый *небесный* идеалъ, которымъ должна была святиться вся земля. Послѣдняя являлась не конечнымъ пунктомъ жизни человѣка, не предѣломъ его мысли и стремлений, а только этапомъ по дорогѣ его въ вѣчное и „лучшее отечество“—небо. Отсюда открывалась зависимость земли отъ *неба*, отсюда и на земль водворялась воля Отца *небеснаго*, отсюда исходилъ и

вѣчный завѣтъ людямъ: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ *Небесный*“... Прогрессъ объявлялся новый, дотолѣ міру невѣдомый: прогрессъ не виѣшній, материальный и не количественный, а качественный, внутренній, къ которому земныя блага—только приложеніе, или надстройка.

И, дѣйствительно, новое ученіе силою своей огненной любви вскорѣ переплавило греко-римскій міръ. Оно обновило и преобразовало всѣ стороны человѣческой жизни. Произошелъ переворотъ въ мірѣ идей: государственныхъ, политическихъ, правовыхъ, моральныхъ, общественныхъ, семейныхъ и индивидуальныхъ. Научно-философская мысль, міръ творчества и особенно художественного: литература, живопись, скульптура, архитектура, музыка, театральное искусство—переродились. И чѣмъ сильнѣе сказывалось вліяніе христіанства въ какой-либо области человѣческой мысли и жизни, тѣмъ продуктивнѣе человѣкъ мыслилъ и благороднѣе жилъ.

Причина такого успѣха новой религіи скрывалась въ томъ, что послѣдняя не связывала себя ни съ чѣмъ виѣшнимъ, измѣнчивымъ, случайнымъ, а только съ неизмѣняемымъ во внутреннемъ человѣкѣ. Не регулируя конкретныхъ соціально-политическихъ законо-проектовъ, не касаясь формъ соціальной и экономической жизни людей, христіанство пеклось только о томъ, чтобы всюду царила божественная любовь, чтобы всѣ, въ томъ числѣ и хозяйственныя, отношенія между людьми запечатлѣны были духомъ дѣятельной любви къ человѣку. Только въ такомъ случаѣ оно и могло объявить себя *всемірною* религіею.

И предъ величиемъ христіанского идеала склонилось всепоглощающее могущество античнаго государства. Сила послѣдняго была подорвана появленіемъ и развитіемъ новой формы общенія людей, не только неза-

висимой отъ государства, но и указавшой ему границы его властовданія надъ людьми. Я разумѣю Церковь Христову. Дотолѣ государство было высшимъ идеаломъ общежитія, выражениемъ высшей истины. Оно само въ себѣ имѣло цѣль, само для себя существовало, само являлось олицетвореннымъ божествомъ, въ жертву которому приносилось все. Но христіанство открыло человѣку и человѣчеству высшее призваніе въ государства и высшій идеалъ вселенского единства въ Церкви. Оно ограничило значеніе государства значеніемъ „царства отъ міра“, указало предѣлъ кесарю, поставило надъ нимъ Бога и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ и управляемыхъ, а слѣдовательно подчинено нравственно и государство и иной всякой видъ человѣческаго общежитія. Этимъ христіанство спасло самую идею государства, открывъ ему истинный смыслъ и цѣль его существованія—служеніе Царству Божію на землѣ. Государство получило живую душу. Въ немъ власть изъ исключительной обладательницы всѣхъ правъ превращалась, главнымъ образомъ, въ носительницу всѣхъ обязанностей христіанского общества, по отношенію къ Царствію Божему на землѣ. Носитель власти—Божій слуга. Такъ христіанство измѣнило идею государства и высшей въ немъ власти.

Въ политической жизни оглашенныхъ Евангеліемъ народовъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область темнаго преданія языческая идея „всемірнаго завоеванія“, уступая мѣсто другой—истинно христіанской идеѣ „всемірнаго мира“, воспѣтой въ ангельской пѣснѣ: „слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“.

Право, бывъ воплощеніемъ идей правды и справедливости, съ которыми неразрывна идея возмездія, со-

четалось въ христіанскомъ обществѣ съ милостью, которая стала выше суда. Невѣдомый древнему міру „внутренній человѣкъ“ предсталъ въ христіанскихъ судахъ въ своей наготѣ. И, при оцѣнкѣ преступленій, заговорили въ нихъ не столько о голомъ фактѣ преступленія, сколько о личности преступника, о внутреннихъ мотивахъ преступленія.

Христіанская мораль, покоящаяся на смиренной любви, возвѣстившая міру великія идеи: свободы, равенства и братства, призывающая людей дать покой трудящимся и обремененнымъ, накормить голодныхъ, напоить жаждущихъ и одѣть нагихъ, перевязать нравственныя и физическія раны человѣка,—постепенно проникаетъ въ жизнь людей, вытѣсняя оттуда царство холоднаго эгоизма. Подъ вліяніемъ именно христіанства,—этой „религіи человѣческаго страданія“,—пало въ христіанскихъ странахъ рабство, усилились заботы о трудящихся и немощныхъ, развилась благотворительность и сильно растетъ сознаніе единства и равенства всѣхъ предъ Богомъ, отчего жизнь человѣка постепенно теряетъ значеніе чисто-торговой цѣнности вещи, за которую дру-гіе покупаютъ себѣ блага жизни.

Проникнувъ въ семейный очагъ, христіанство тамъ въ основу взаимныхъ отношеній между членами семьи положило любовь, которая сдѣлала совѣстнымъ повиновеніе младшихъ старшимъ и желательнымъ первенство послѣднихъ.

Если теперь мы взглянемъ на все творчество человѣческаго воображенія въ христіанскихъ странахъ, то ясно увидимъ, что оно также живетъ душою христіанства, которую воплощаетъ въ большей или меньшей степени.

Такъ христіанство своимъ духомъ обвѣяло всю землю, вложило свое дыханіе во всѣ отрасли нашей культуры

и цивилизації. И этого оспаривать нельзя, даже при бѣгломъ взглѣдѣ на историческую жизнь западныхъ народовъ, которая ярко запечатлѣна и пропитана міровоззрѣніемъ католической и протестантской церквей. И у насъ, въ Россіи, православно-христіанская вѣра всегда была не только чисто-религіознымъ но и общественно бытовымъ началомъ. Она пропитала собою все историческое существованіе русскаго народа, — такъ что безъ разумѣнія духовно - исторического элемента Россіи невозможно ясное разумѣніе самой Россіи и ея, повидимому, чисто-внѣшнихъ, даже политическихъ обстоятельствъ. Проникая же въ семейный, общественный и государственный бытъ русскаго человѣка, православная Церковь старалась вложить въ него *свою* душу, *свой* идеалъ.

## ГЛАВА II.

**Появленіе и ростъ нового міровоззрѣнія, подъ именемъ научнаго соціализма.—Столкновеніе его съ христіанствомъ.—Отношеніе къ научному соціализму католической и протестантской церквей.**

Мы видѣли, что христіанство не ограничилось религіозно-метафизическою областью, а выступило въ человѣческой исторіи, какъ *религіозно-соціальное* міровоззрѣніе.

Но было бы ошибочно думать, что, со временемъ появленія христіанства, жизнь человѣческая въ странахъ, оглашенныхъ его проповѣдью, перестала вмѣщать въ себя начала, чуждыя христіанству и даже ему враждебныя. Достаточно вспомнить только истекшій XIX вѣкъ. Уже въ началѣ его изъ горнила французской революціи вышла на жизненную арену такъ-называемая демократія, которая, подъ знаменемъ сперва раціонализма, а затѣмъ и естественно-научнаго матеріализма, всту-

пила въ жестокую борьбу съ христіанствомъ изъ-за обладанія міромъ, его обновленія и преобразованія. Въ сороковыхъ же годахъ и особенно въ шестидесятыхъ демократическое движение вырождается, въ лицѣ извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Карла Маркса, въ новое міровоззрѣніе, получившее название *научнаго соціализма* или *историко-экономического материализма*. Это воззрѣніе съ поразительною силою распространяется по всему западу и, подобно бурному потоку, увлекаетъ въ свои волны и мыслящіе умы, и чувствительныя сердца, и особенно народныя массы. Оно порождаетъ огромную литературу, которая едва вмѣщается въ 2-томный трудъ въ 1000 стр., съ перечнемъ однихъ только заглавій соціалистическихъ сочиненій. Изъ области научной мысли оно переходитъ въ сферу активной политики и тамъ проявляетъ себя въ могучей соціалъ-демократической партіи, съ организованнымъ ею всемірнымъ „пролетарскимъ блокомъ“, или „рабочимъ движениемъ“. Объявивъ соціалистовъ-идеологовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тщетно старались примирить Христа и революцію,— „утопистами“, новѣйшіе соціалисты властно берутъ въ свои руки рѣшеніе проблемы земного „рая“. Они разбили людей на два враждебныхъ лагеря: рабочихъ и капиталистовъ и силятся рушить всѣ основы современаго общественаго строя путемъ „организованнаго пролетаріата“. Къ концу XIX вѣка, уже повсюду на западѣ Европы и даже далеко за ея предѣлами, раздавался рѣзкій боевой кличъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ И этотъ кличъ нашелъ откликъ въ одной только Германіи въ 3 $\frac{1}{2}$  миллионахъ сердецъ. Въ послѣднее время соціальное движение взволновало и всю истерзанную войной съ Японіей Россію. Оно ярко проявило свою мощь и у насъ. Исходя изъ чисто-экономическихъ воззрѣній на чело-

въческій прогрессъ и цивилизацію, научный соціализмъ переносить свои выводы въ соціальную, политическую, моральную и даже религіозную жизнь человѣка и старается преобразовать ее по своему идеалу. Нѣтъ такой области въ жизни и мысли человѣка, которой бы онъ не коснулся и на которую бы не старался наложить свою печать,—печать объявленного имъ „рая“ на землѣ.

Понятно, что при такихъ задачахъ и стремленіяхъ экономического соціализма, онъ и въ теоріи своей и въ практикѣ невольно долженъ быть встрѣтиться съ другою величайшею силою, преобразующею міръ и человѣка,—съ христіанскою церковью и содержимою ею вѣрою во Христа. Эта встрѣча могла быть или встрѣчею друзей, соработниковъ на общей нивѣ, или же враговъ и враговъ непримиримыхъ. Безразличными другъ къ другу они не могли быть, потому что стремятся къ одной цѣли—преобразовать міръ и дѣйствуютъ на одномъ полѣ—землѣ.

Тамъ, гдѣ научный соціализмъ зародился и давно проявилъ себя въ жизни,—на Западѣ Европы,—христіанство, въ лицѣ католической и протестантской церкви, уже съ достаточною ясностью опредѣлило свое къ нему отношеніе. Вездѣ католическое духовенство въ цѣломъ ведетъ беспощадную борьбу съ соціализмомъ, громитъ соціалистовъ, какъ злѣйшихъ враговъ семьи, собственности и религіи. Въ папскихъ энцикликахъ Пія IX, Льва XIII и Пія X соціализмъ называется „смертоносной заразой“, и въ руководство духовенству и чадамъ церкви дается положительная и отрицательная критика соціалистическихъ принциповъ. „Въ чемъ заключается долгъ католиковъ по отношенію къ соціализму?—писалъ въ 1898 году монсіньоръ Рюттенъ, послѣ епископъ Лютихскій.—Они должны бороться съ нимъ во всѣхъ его видахъ, съ тѣмъ большей энер-

гіей, что этотъ врагъ подрываетъ самыя основы всякаго цивилизованнаго общества". Съ тою же цѣлью борьбы съ соціализмомъ бывшій Виленскій римско-католической епископъ баронъ Э. Роопъ устраивалъ для католического духовенства и мірянъ въ Вильнѣ временные курсы, на которыхъ лучшими научными силами и практическими дѣятелями церкви подробно освѣщались соціальные вопросы съ точки зрењія католического вѣроученія. Оппозиція протестантства соціализму также неоспорима. Въ „Запискѣ центрального комитета для внутренней миссіи нѣмецкой евангелической церкви“ соціализмъ признается „крайнимъ слѣдствіемъ материалистического направленія“ и, конечно, потому враждебнымъ христіанской церкви, съ которымъ ей необходимо вести серьезную и разностороннюю борьбу. Придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ Адольфъ Штеткеръ называлъ соціалъ-демократію „новымъ міровоззрењіемъ“, которое „отрываетъ людей отъ христіанства, отъ нравственныхъ оснований нашей жизни и ведетъ ихъ по тому пути, который можетъ привести и ведетъ только въ пропасть“.

Такое отношеніе двухъ названныхъ христіанскихъ церквей къ научному соціализму вытекаетъ изъ разницы самыхъ принциповъ, на которыхъ покоятся эти церкви и соціализмъ. Внѣшнія, случайныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, то или другое положеніе церкви въ государствѣ, только усиливали, или нѣсколько смягчали *принципіальную* вражду двухъ противоположныхъ міровоззрењій—церковнаго или соціального.

### ГЛАВА III.

*Сущность ученія научнаго или экономического соціализма.*

Но перейдемъ къ разсмотрѣнію *сущности ученія экономического соціализма*. Это для насъ необходимо,

потому что и у насъ онъ увлекаетъ народныя массы, и съ нимъ намъ, дѣятелямъ православной церкви, прійдется и уже приходится сильно сталкиваться и считаться. Главнымъ образомъ мы постараемся выяснить отношеніе соціализма къ религії вообще и, въ частности, къ христіанству. Экономической догмы его и воззрѣній мы коснемся только въ мѣстѣ соприкоснovenія ихъ съ религіей, гдѣ они обусловливаютъ собою послѣднюю.

Въ отвѣтъ на сочиненіе Прудона: „*Философія Ницшеты*“, Марксъ написалъ „*Ницшету Философіи*“ и въ ней находится то знаменитое мѣсто, которое постоянно повторяется въ его трудахъ, какъ лейтмотивъ, какъ основа всего его міровоззрѣнія. „Общественные отношенія, писалъ онъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ производительныхъ силъ. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ свой способъ производства; а измѣняя способъ производства, способъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію, они измѣняютъ всѣ свои общественные отношенія... Тѣ же люди, которые устанавливаютъ общественные отношенія въ соотвѣтствіи со своей материальной производительностью, вырабатываютъ также принципы, идеи и категоріи въ соотвѣтствіи со своими общественными отношеніями. Слѣдовательно, эти идеи, эти категоріи столь же мало вѣчны, какъ и тѣ отношенія, которыя онъ выражаютъ. Это историческіе и преходящіе продукты“. Какъ видимъ, догма научнаго соціализма— чисто экономическая. Она признаетъ господство материальныхъ потребностей надъ всею духовною жизнью человѣчества, зависимость послѣдней отъ экономики. Въ этомъ основная мысль и Марковскаго „Капитала“, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „религіозный міръ есть лишь отраженіе міра реальнаго“. У Маркса

все вверхъ дномъ: „образъ жизни опредѣляетъ совѣсть человѣка“, а не наоборотъ: не совѣсть человѣка опредѣляетъ его образъ жизни. Въ принципахъ морали, права, религіи и т. д. онъ видитъ не „вѣчныя истины“, а „историческія категоріи“, превращенія которыхъ зависятъ отъ измѣненій въ экономическомъ строѣ. „Вся исторія человѣческой жизни, пишетъ Ф. Энгельсъ, второй столпъ научнаго соціализма, была исторіей борьбы классовъ. Эти борющіеся общественные классы являются, въ каждый данный моментъ, результатомъ отношеній производства и обмѣна, короче — экономическихъ отношеній своего времени. Экономическойстрой общества каждой данной эпохи представляетъ собою ту реальную почву, свойствами которой объясняется, въ послѣднемъ счетѣ, вся *надстройка*, образуемая совокупностію правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ религіозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждого даннаго историческаго народа“... Словомъ, по взгляду основателей научнаго соціализма, всякаго рода идеи — продукты экономического строя жизни, а отнюдь не агенты послѣдней. Экономическія условія---производство и обмѣнъ создаютъ жизнь политическую, соціальную, моральную, правовую, художественную и даже религіозную. Богатѣйшій въ мірѣ цвѣтникъ учрежденій, нравовъ, идей и идеаловъ — все это только случайное слѣдствіе или „надстройка“ существующей „экономики“, „историческіе и преходящіе продукты“. Большой нелѣпости, кажется, нельзя сочинить. Извѣстный англійскій ученый и выдающійся общественно-политическій дѣятель Вилліамъ Лекки въ своей книгѣ: „*Демократія и Свобода*“ справедливо замѣчаетъ: „настѣнетъ день, когда однимъ изъ удивительнѣйшихъ памятниковъ людскаго безумія будетъ счи-таться фактъ, что подобное ученіе могло быть призна-

ваемо передовымъ и прогрессивнымъ". Нѣмецкій проф. Карлъ Дилль выражаетъ удивленіе, какъ это ученіе находитъ еще послѣдователей.

---

А между тѣмъ научный соціализмъ создалъ мощную соціалъ-демократическую партію, которая стала проводить въ жизнь его положенія. Признавая, что все въ человѣческой жизни обусловлено состояніемъ „экономики" или производства и обмѣна продуктовъ, соціалъ-демократія ищетъ средствъ къ устраненію въ жизни соціального зла не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи и осуществленіи ими вѣчной истины и справедливости, словомъ: не въ мірѣ идей и ихъ реализаціи, а въ экономикѣ данной эпохи. По ея мнѣнію, современный общественный строй и вся вообще культурная жизнь человѣка сложились на почвѣ борьбы капитала съ трудомъ или буржуазіи съ пролетаріемъ. Все въ жизни, въ томъ числѣ и религія, приспособлено къ поддержкѣ капитала и къ угнетенію трудящихся. Рѣшить проблему народной нищеты можно только упраздненіемъ капитала, а этого можно достигнуть только чрезъ уничтоженіе его опоръ и обобществленіе средствъ производства продуктовъ. Съ этою цѣлью необходимо сплотить пролетаріатъ, сдѣлать его иррелигіознымъ и при его помощи захватить въ свои руки государственную власть. Съ побѣдою надъ капиталомъ государство и самъ пролетаріатъ исчезнутъ, потому что не будетъ экономического неравенства — не будетъ и различія сословій; если же, далѣе, не будетъ различія сословій, — не будетъ и классовой борьбы, никому не нужна будетъ поддержка въ борьбѣ; слѣдовательно, не нужно будетъ и государство. На его развалинахъ появится „общечеловѣческій соціальный союзъ" съ управительнымъ въ немъ органомъ — „рабочимъ

въдомствомъ". Въ этомъ „союзѣ“ не будетъ соціальнаго зла. „Рабочее въдомство“ будетъ распредѣлять между всѣми по своему усмотрѣнію работы. Производство труда будетъ дѣлиться между членами союза, и такъ какъ оно будетъ только для удовлетворенія потребностей человѣка, то капиталъ исчезнетъ, исчезнутъ торговые крахи, потому что и самой торговли не будетъ. Будетъ только обмѣнъ жизненныхъ потребностей. Мѣриломъ для обмѣна будутъ не деньги, а время, затраченное на производство. Въ „соціальномъ союзѣ“ не будетъ различія прилежныхъ, лѣнивыхъ, умныхъ и глупыхъ. Всѣ нормальные люди рождаются съ одинаковыми умомъ и съ одинаковыми способностями. Нелѣпое воспитаніе порождаетъ различія. Союзъ будетъ развивать природный умъ и способности членовъ. Кто выдѣлится дарованіемъ, тотъ за плодъ своего дарованія не получаетъ ничего, такъ какъ это дарованіе не составляетъ его личной заслуги. Всякая работа одинаково цѣнна. Брачный союзъ свободенъ отъ ограниченій. Для религіи въ „союзѣ“ не будетъ мѣста. Съ цѣлью привлеченія простого народа, соціальный рай рисуется у соціаль-демократовъ еще заманчивѣе. Такъ, въ немъ человѣкъ будетъ работать только отъ 16-ти до 28-ми лѣтъ. Затѣмъ, онъ можетъ зажить въ полной праздности, получая потребное для жизни отъ „союза“.

Таковъ компендій научнаго, или экономического соціализма.

Изъ теоріи послѣдняго слѣдуетъ, что соціальный рай наступитъ самъ собой, когда въ нѣдрахъ народной жизни созрѣютъ подходящіе материальныя факторы, когда силою вещей капиталъ станетъ въ зависимость отъ труда и поневолѣ сойдетъ съ исторической сцены. Но, съ цѣлью облегчить новому строю рожденіе въ мірѣ, соціалисты прибѣгаютъ къ родовспомогательному сред-

ству, къ своего рода „кесареву съченію“. Насиліе надъ существующимъ строемъ рекомендовалъ еще самъ основатель научнаго соціализма К. Марксъ. Онъ предлагалъ поднять рабочій классъ противъ остальныхъ общественныхъ классовъ. Въ его коммунистическомъ манифестѣ 1848 года читаемъ: „коммунисты (такъ называетъ Марксъ соціаль-демократовъ) поддергиваютъ всюду всякое революціонное движение противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ условій... Они считаютъ для себя недостойнымъ скрывать свои взгляды и намѣренія; они открыто заявляютъ, что цѣли ихъ могутъ быть достигнуты только путемъ насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка вещей. Пусть же господствующіе классы трепещутъ, въ ожиданіи грядущей коммунистической революціи! Пролетаріямъ страшиться нечего: потерять они могутъ только сковывающія ихъ цѣпи, а выиграть имъ предстоитъ все“... Только съ 1870-хъ годовъ Марксъ, а за нимъ и Энгельсъ, призналъ революціонную тактику „устарѣлой“ и, по тактическимъ, но не принципіальнымъ соображеніямъ, отказался отъ нея. Все же и послѣ, какъ и теперь мы констатируемъ въ соціаль-демократіи сильное теченіе въ сторону вооруженнаго возстанія пролетаріата, съ цѣлью низверженія существующаго строя. Это видно изъ соціаль-демократическихъ дѣйствій, пѣсенъ и сочиненій, какъ, напримѣръ: „Приложеніе тактики и фортификаціі къ народному возстанію“—В. Сѣверцова.

Но если принципъ научнаго соціализма является нелѣпостью, то проектированный имъ рай на землѣ относится просто къ „утопіямъ“, которыми богата мысль человѣчества и которыми даритъ насть и наше сектантство, въ родѣ Іеговизма. Средства же, которыми соціалисты стараются насадить свой рай, говорятъ сами за себя, чтобы на нихъ еще останавливаться.

Мы не ставимъ здѣсь своею цѣлью подробнѣ разбирать черты пресловутаго соціального „рая“; да врядъ ли это и надобно, при слишкомъ явной его фантастичности. Свое вниманіе мы остановимъ на фактѣ изгнанія изъ соціального рая религії.

## ГЛАВА IV.

### **Взглядъ научнаго соціализма на религію вообще и на христианство въ частности.**

Какъ соціалисты рѣшаютъ религіозную проблему?—и какъ они въ жизни относятся къ религіознымъ общинамъ или церквамъ? Подробное выясненіе этого вопроса весьма важно, потому что рѣшеніемъ его должно быть обусловлено, по нашему глубокому убѣждѣнію, отношеніе православной Церкви къ соціалъ-демократіи и къ лежащей въ ея основѣ научной теорії.

Уже изъ основного принципа научнаго соціализма—матеріалистического пониманія имъ исторіи и слѣдовательно зависимости всей духовной жизни человѣка отъ экономического строя, отъ состоянія производства и обмѣна продуктовъ, видно, что религія является у него случайной „надстройкой“ къ жизненной экономикѣ, „историческимъ и преходящимъ продуктомъ“ послѣдней. Религіозные принципы — не „вѣчныя истины“, а „историческія категоріи“, превращенія которыхъ зависятъ отъ измѣненія хозяйственныхъ отношеній между людьми. Не идеи, не принципы регулируютъ человѣческую жизнь, а теченіе жизни создаетъ идеи, принципы. „Религіозный міръ, читаемъ въ „Капиталѣ“ Маркса, есть лишь отраженіе міра реальнаго... Религіозное отраженіе реального міра можетъ вообще исчезнуть лишь тогда, когда условія практической будничной жизни

людей будутъ каждодневно представлять имъ вполнѣ ясныя и разумныя отношения человѣка къ человѣку и къ природѣ“. Это сулитъ людямъ соціальный строй. По выраженію Энгельса, религія есть не иное, какъ „фактическое отраженіе въ головахъ людей тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыя господствуютъ надъ ними изо дня въ день, отраженіе, въ которомъ земныя силы принимаютъ форму надземныхъ“. — „Великія общественныя преобразованія, говоритъ Панекокъ, постоянно знаменующія собою появленіе новыхъ способовъ производства, сопровождаются возникновеніемъ новыхъ религій; при этомъ носителями различныхъ религіозныхъ воззрѣній являются различные классы общества, борющіеся между собою за власть“. Представитель германской соціалъ-демократіи Бебель, въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ на письмо священника Гогофа, также признаетъ религію созданіемъ человѣка, плодомъ матеріальныхъ условій жизни послѣдняго.

Понятно теперь, почему въ „общечеловѣческомъ соціальномъ союзѣ“, гдѣ отношенія людей другъ къ другу и къ природѣ рисуются нормальными, гдѣ якобы не будетъ борьбы классовъ, не будетъ стремленія къ господству надъ массами и къ порабощенію пролетариата капиталомъ,—нѣтъ мѣста для религіи. Вѣдь послѣдняя, по ученію соціалистовъ, является только продуктомъ перечисленныхъ золъ, ихъ мистическимъ отраженіемъ. „Когда общество, говоритъ Энгельсъ, овладеѣтъ и планомърно будетъ пользоваться всѣми средствами производства и этимъ путемъ освободитъ себя и всѣхъ своихъ членовъ отъ порабощенія, въ которомъ оно въ настоящее время находится, благодаря имъ самимъ произведеннымъ, но въ то же время стоящимъ противъ него въ видѣ враждебной ему, чуждой силы, средствамъ производства, когда человѣкъ будетъ не

только думать, но и направлять, тогда только исчезнетъ послѣдняя чуждая ему сила (разумѣется, сверхъ-естественная), которая теперь еще находитъ свое отраженіе въ религіи, а затѣмъ исчезнетъ и самое религіозное стремленіе по той простой причинѣ, что больше нечего будетъ отражать". Итакъ, въ „общечеловѣческомъ соціальномъ союзѣ“ для религіи нѣтъ мѣста.

Взглядъ на происхожденіе вообще религіи соціалисты переносятъ и на *христіанство*. По Энгельсу, возникновеніе міровой религіи, христіанства, также объясняется экономическимъ обстоятельствомъ. Когда всѣ старыя народности исчезли въ міровой Римской Имперіи, то такая же участь постигла и ихъ національныхъ боговъ—они также исчезли. Для міровой имперіи нужна была и міровая религія. Благодаря товарному хозяйству, люди все болѣе и болѣе вступали въ сношенія другъ съ другомъ, и такимъ образомъ христіанство возникло, какъ культь *абстрактнаго* человѣка. Христіанство, говорить Панекокъ, возникло на обломкахъ античнаго рабскаго хозяйства, этого базиса римской и греческой культуры. Послѣднимъ и рѣшительнымъ основаніемъ его возникновенія былъ, по Петерсу, общепринятый въ то время въ римскомъ государствѣ способъ производства работъ чрезъ рабовъ и находившееся въ тѣсной связи съ этимъ сильное размноженіе пролетаріата, обостреніе соціальныхъ противоположностей (господа и рабы), исчезновеніе среднихъ слоевъ населенія. Для общества товаропроизводителей, читаемъ въ „Капиталѣ“ Маркса, общественное производственное отношеніе которыхъ заключается въ томъ, что они относятся къ своимъ продуктамъ какъ къ товарамъ, т.-е. какъ къ цѣнностямъ, и въ этой вещной формѣ относятъ одну къ другой свои частныя работы,

какъ одинаковый человѣческій трудъ,—для такого общества христіанство съ его культомъ абстрактнаго человѣка, особенно христіанство въ его буржуазной формѣ—протестантизмѣ, деизмѣ и т. д. представляеть саму подходящую религію. Бебель также смотрить на христіанство какъ на „созданіе человѣка“, какъ на продуктъ экономическихъ условій.

При такомъ трогательно-наивномъ пониманіи христіанства, приоровленномъ къ оправданію на вѣру принятой соціализмомъ экономической доктрины, неудивительно, что даже столпы научнаго соціализма сами нерѣдко рушили свои же принципы. Такъ, Энгельсъ далъ такое объясненіе происхожденію кальвинизма, по которому онъ долженъ былъ стать религіею высокоразвитыхъ промышленныхъ народовъ. Между тѣмъ, въ жизни кальвинизмъ привился только у отдельныхъ народовъ и притомъ отнюдь не въ „капиталистическихъ“ сферахъ. Каутскій идею христіанской благотворительности, добровольной и связанной съ самоотречениемъ, отождествляетъ съ благотворительностью древне-римскихъ императоровъ, вынужденной страхомъ предъ крикомъ народныхъ массъ: „panem et circenses“. Онъ же не стѣсняется попирать историческую правду, когда, въ угоду излюбленной теоріи, объясняетъ христіанскую идею равенства нуждою Каракаллы въ деньгахъ. Послѣдній-де, чтобы получить деньги, уравнялъ своихъ подданныхъ въ правахъ гражданства. Такъ не стало ни еллина, ни римлянина, ни свободнаго, ни несвободнаго!.. Но кому неизвѣстно, что Каракалла жилъ въ III вѣкѣ по Р. Хр., а христіанское равенство открыто миру въ первой половинѣ I вѣка?!. Да, сверхъ того, между равенствомъ Каракаллы и христіанскимъ лежитъ непроходимая бездна. Еще болѣе безцеремоненъ съ исторіей Бебель, когда въ своемъ отрицаніи божест-

венності христіанства перемѣстилъ происхожденіе христіанскихъ догматовъ на цѣлья столѣтія впередъ. Такъ, у него идея божества Христа установилась только въ IV вѣкѣ! Тогда же якобы было введено св. крещеніе, а причащеніе и того позже!..

Но, очевидно, столпы современаго соціализма ясно сознавали свое безсиліе объяснить происхожденіе христіанства изъ экономики того времени, почему они и сочли за лучшее заподозрить самое существованіе въ исторіи личности Іисуса Христа (Каутскій и Бебель). Конечно, съ такими пріемами борьбы излишне считаться, хотя они и практикуются корифеями соціалъ-демократіи!.

Изъ взгляда на религію вообще и, въ частности, на христіанство, вытекаетъ у соціалъ-демократовъ отрицаніе Бога, какъ внѣмірнаго и личнаго существа, творца и промыслителя міра. „Ни Бога, ни господина“, — утверждаетъ лозунгъ соціалистовъ Бланки. „Уничтожьте понятіе о Единомъ Божествѣ“, — взыываетъ Дитцгенъ. Богъ — это „древній тиранъ“, или „устарѣлый педагогъ“, Котораго нужно „похерить“. Мѣсто Бога занимаетъ культурное человѣческое общество. Воля народа является волею абсолюта. Вѣра въ Бога противорѣчитъ нашей вѣрѣ въ себя. Не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ Бога. Предъ свободною мыслью будущаго спасуетъ вѣра въ Бога, потому что она есть плодъ суетрія.—Таковы мысли соціалъ-демократовъ о Богѣ.

Конечно, наивно было бы искать у современныхъ соціалистовъ связи или зависимости морали отъ религіи. Мораль у нихъ также является продуктомъ экономики данной эпохи и вмѣстѣ съ нею, въ зависимости отъ нея измѣняется.

## ГЛАВА V.

### Отношениe научнаго социализма къ религiи вообще и къ христiанству въ частности.

Не признавая за религiей, въ частности, за христiанствомъ никакой нравственной цѣнности, ни общественной важности; болѣе того, видя въ нихъ нарочитую „систему для угнетенiя человѣчества господствующими классами“, средство „порабощенiя народа“ и его „эксплоатациi“ (Бебель), социалъ-демократы объявляютъ всякую религiю и особенно христiанство „враждебными свободѣ и культурѣ“, а также „тормазомъ для социалъ-наго просвѣщенiя пролетарiата“, потому что—де „христiанство своимъ ученiемъ о человѣческомъ страданiи уменьшаетъ силу недовольства пролетарiата и энергию народныхъ возмущенiй“. По мнѣнiю социалистовъ, богословы—это „крайне вредные и опасные субъекты“. Отсюда у социалъ-демократовъ громкiй призывъ къ уничтоженiю религiи и христiанства особенно. „Я заявляю, пишетъ Бебель, что я противникъ не только католичества, но и вообще всякой религiи... Съ точки зрѣнiя прогресса человѣчества, упраздненiе христiанства прямо-таки необходимо“. Мостъ въ своей рѣчи противъ Штекера яростно сказалъ: „социалъ-демократiя не отступить, она пойдетъ впередъ и добьется своей цѣли“... Она знаетъ, что дни христiанства сочтены“... „Нога ваша, взываетъ тотъ-же Мостъ къ рабочимъ массамъ, уже давно не вступала въ церковь... Но этого недостаточно. Скажите прямо, что вы отрекаетесь отъ Церкви. Соберитесь подъ знаменемъ науки, которая отвергаетъ всякiя суевiрiя“... Необходимо, писалъ известный социалистъ Луи Бланъ, чтобы власть получила узаконяющую ее санкцiю со стороны свободно выраженной воли всѣхъ гражданъ, или же разсматри-

валась, какъ воля Господа Бога. Выбирайте одно изъ двухъ: народъ или папу! Дитцгенъ зоветъ замѣнить христіанство върою въ „антирелигіозную соціалъ-демократію“. По свидѣтельству проф. Леруа Болье, соціалисты, называя религію „старой пѣсней“, звуки которой не должны слушать мужественные умы, не поколеблются предъ тѣмъ, чтобы заставить ее замолчать, чтобы изгнать ее или завязать ей ротъ. Они силятся заглушить христіанскія пѣсни любви и милосердія своими пѣснями войны и криками ненависти, зовущими на бой для завоеванія власти и захвата богатства.

И дѣйствительно. Присматриваясь къ отношенію соціалъ-демократіи въ практической жизни къ христіанскимъ церквамъ, мы видимъ, что проповѣдь обѣ уничтоженіи и повсюдномъ изгнаніи христіанства дѣятельно и съ большимъ искусствомъ ею осуществляется.

Принципіальные противники всякой религіи, громко призывающіе людей къ уничтоженію всякой вѣры и особенно христіанства, соціалъ-демократы, однако, осторожно проводятъ въ жизнь свою *антирелигіозную программу*. Зная, что все ихъ могущество въ пролетаріатѣ и что народныя массы наиболѣе религіозны, они искусно вытравляютъ изъ народныхъ сердецъ религіозное чувство и преданность завѣтамъ церкви. Здѣсь у нихъ образовалась *цѣлая тактика*, не только двойственная, но и многообразная. Съ одной стороны, они стараются внушить народнымъ массамъ мысль, что христіанская церковь, безъ различія исповѣданій, стоитъ на сторонѣ враговъ народа — капиталистовъ („несгораемый ящикъ и алтарь въ союзѣ“), что она является „орудіемъ классового господства“ и „слугою Государства“, — этого созданія и опоры господствующихъ классовъ (Бебель); съ другой, — заявляютъ, что религія — это дѣло каждого человѣка въ отдѣльности,

что въ религіозной области они не стѣсняютъ свободы человѣка и держатъ по отношенію къ религіи и Церкви „нейтралитетъ“; съ третьей,—свидѣтельствуютъ, что „уважаютъ всякое религіозное убѣжденіе“ и даже признаютъ „совпаденіе христіанскаго ученія съ соціалъ-демократическими цѣлями“ (Каутскій)... Такой точно политики, а проще сказать—лукавства, соціалъ-демократы держатся по отношенію къ Государству. Съ цѣлью использовать его силу для своихъ цѣлей, такъ-называемый государственный соціализмъ не только объявляетъ нейтралитетъ по отношенію къ государственной власти, но и нерѣдко беретъ ее подъ свою защиту, когда она склоняется въ сторону его теоріи и тѣмъ содѣйствуетъ ему въ уничтоженіи Государства. На такой почвѣ Лассаль пытался сблизиться съ Бисмаркомъ.

Но какъ ни искусны соціалъ-демократические „ловцы человѣковъ“, однако, они часто запутываются въ раскинутыхъ ими для „пролетаріевъ“ сѣтяхъ и сами сдергиваютъ съ себя пелену. Такъ, одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ германской соціалъ-демократіи Карлъ Каутскій заявилъ, въ цѣляхъ уловленія пролетаріевъ въ сѣти соціалъ-демократіи, что послѣдняя „уважаетъ всякое религіозное убѣжденіе“ и держитъ „нейтралитетъ по отношенію къ Церкви“ (уже здѣсь противорѣчіе), что „христіанское ученіе совпадаетъ съ соціалъ-демократическими цѣлями“,—въ то же время совѣтуетъ добиваться уничтоженія привилегій Церкви въ Государствѣ: привилегіи клира, школьнай, материальной, церковныхъ союзовъ и т. п... Болѣе того, онъ же начертываетъ цѣлую программу соціалъ-демократической церковной политики, благодаря которой соціалъ-демократія скорѣе достигнетъ своей цѣли—это „лишить церковь ея вліянія на населеніе“. Противопоставьте,

пишетъ онъ, церковной культурѣ болѣе высшую культуру современаго знанія, церковной милости нѣ—обращеніе капиталистическихъ богатствъ на пользу всего общества, агитациіи съ церковной каѳедры и на исповѣди—пропаганду соціализма при свободномъ состязаніи. Въ то же время онъ совѣтуетъ ввести особыя государственныя „педагогическія требованія“, благодаря которымъ конгрегаціи и вообще Церковь сама откажется отъ содержанія школъ. Все это у него сводится къ уничтоженію вліянія Церкви на народъ, къ упраздненію самой Церкви. И это называется на языкѣ Каутскаго „нейтралитетомъ“ соціалъ-демократіи по отношенію къ Церкви, болѣе того: „совпаденіемъ христіанскаго ученія съ соціалъ-демократическими цѣлями“?! Понятно теперь, почему соціалъ-демократія во Франціи изгоняетъ конгрегаціи, въ школахъ которыхъ обучалось до двухъ миллионовъ дѣтей, и конфискуетъ ихъ имущество; въ Германіи же стоитъ за свободу церковныхъ союзовъ и голосуетъ за возвращеніе іезуитовъ, а въ Италіи—въ палатѣ депутатовъ 29 февр. 1904 г. соціалистъ Аннибалъ Винья упрекалъ министра внутреннихъ дѣлъ за назначеніе іезуита о. Эрле на должность въ Туинской національной библіотекѣ и требовалъ неуклоннаго соблюденія закона 25 августа 1848 года, изгнавшаго іезуитовъ съ Итальянской территоріи. Въ Германіи, гдѣ сильная государственная власть, соціализму невыгодно сразу бороться на два фронта—противъ государства и Церкви; но въ Италіи и особенно во Франціи иное дѣло,—тамъ можно и не церемониться съ Церковью. Какой же теперь „свободы религіозной совѣсти“ можно ожидать въ „общечеловѣческомъ соціальномъ союзѣ“, гдѣ соціалъ-демократическое „рабочее вѣдомство“ будетъ всесильно?!. Справедливо даже поклонники названнаго „союза“ заявляютъ, что его

„нейтралитетъ“ къ религіи, или религіозный „индиферентизмъ“ есть самая опасная форма враждебности къ религіи.

---

Но продолжимъ нашу рѣчъ о церковной политикѣ соціалъ-демократіи. Выдающійся германскій соціалъ-демократъ Либкнехтъ на съездѣ въ Галле заявилъ: „моя долгая политическая карьера научила меня тому, что ни оскорблениія, ни нападенія на религію не смогли поколебать вѣры ни одного вѣрующаго. Мы можемъ низложить религію, противополагая ей науку. Надо мобилизовать школу противъ церкви, учителя противъ священника: твердое и просвѣщенное воспитаніе изгоняетъ религію. Борьба же выгодна противникамъ, и тѣ изъ насъ, кто сражается съ религіей, впадаютъ въ ту же ошибку, какъ Прусское государство, которое борется съ католическою церковью и тѣмъ усиливаетъ ее“. Начертывая другой путь борьбы съ церковю, чѣмъ путь насилий надъ нею, Либкнехтъ далѣе совѣтуетъ въ цѣляхъ успѣха этой борьбы примѣнять еще два способа, это *пропаганду пропагандомъ и пропаганду обученіемъ*. Первая заключается въ томъ, чтобы всѣ, кто не вѣруетъ, своимъ внѣшнимъ примѣромъ постоянно и ярко это подчеркивали: открыто порвали связь съ офиціальнымъ культомъ, уклонялись отъ участія въ религіозныхъ церемоніяхъ и т. п. Пропаганда же обученіемъ состоитъ въ самомъ широкомъ распространеніи важнѣйшихъ результатовъ научнаго изслѣдованія, нис-ровергающихъ основныя данныя вѣры. Но для успѣха послѣдняго рода пропаганды необходимо кореннымъ образомъ улучшить материальныій бытъ пролетаріата, который иначе подъ тяжестью работы не будетъ въ силахъ заниматься умственнымъ развитіемъ себя. Здѣсь ключъ ко всѣмъ заботамъ соціалъ-демократіи объ улуч-

шеніі быта народныхъ массъ. Какъ видимъ, пролетаріатъ повсюду только орудіе для достиженія соціалъ-демократіей своихъ цѣлей.

„Граждане, гласитъ резолюція рабочей соціалистической партіи во Франціи отъ 22 Августа 1901 г., члены партіи обязуются ни при какихъ обстоятельствахъ не выполнять какихъ бы то ни было религіозныхъ актовъ совмѣстно съ представителемъ какого-либо вѣроисповѣданія“. Здѣсь уже иной видъ борьбы—запрещеніе публичнаго отправленія религіозныхъ потребностей подъ маскою принципа, что-де религія есть частное дѣло каждого. Ясно, что въ „общечеловѣческомъ соціальномъ союзѣ“ церкви придется отстаивать самое право на свое существованіе, какъ религіозной общинѣ.

Въ знаменитой послѣдней Эрфуртской программѣ соціалъ-демократіи, во 2-й ея части, гдѣ изложены требованія, которыя должны быть немедленно осуществлены, въ п. 6 читаемъ: „прежде всего . . . . объявленіе религіи частнымъ дѣломъ. Отмѣна всѣхъ расходовъ изъ общественныхъ средствъ на церковныя и религіозныя цѣли. Церковныя и религіозныя общинѣ должны быть рассматриваемы, какъ частные союзы, совершенно самостоятельно управляющіе своими дѣлами“. Итакъ, „религія есть частное дѣло“—вотъ основной теоретической принципъ, или формула церковной политики соціалъ-демократіи.

Онъ можетъ быть понять нами, да и ею понимается, только при свѣтѣ соціалъ-демократического осуществленія его въ жизни.

Уже изъ приведенного п. 6-го 2-й части Эрфуртской программы видно, что по формулѣ: „религія — есть частное дѣло“ церковь и вообще всякая религія совершенно чужды соціальной общинѣ, которая посему и

отмѣняетъ всѣ расходы на ихъ цѣли изъ обществен-  
ныхъ средствъ; что церковь сравнивается съ обычными  
частными союзами, не имѣя сравнительно съ ними  
никакихъ привиллегій. Но это только начало. Дальнѣй-  
шее осуществленіе той же формулы „соціальный союзъ“,  
какъ мы уже видѣли отчасти, полагаетъ въ цѣлой си-  
стемѣ дѣйствій, запечатлѣнныхъ яростною и искусною  
борьбою съ церковью и религіями, принципы которыхъ  
противорѣчатъ основамъ соціалистического строя. По-  
чему всякая религія и особенно христіанская открыто  
объявляется враждебной „соціальному союзу“ и подле-  
жащей уничтоженію. Подъ коварнымъ знаменемъ Эр-  
фуртской формулы проводится полное отдѣленіе Церкви  
отъ Государства, или, точнѣе, полное освобожденіе  
Государства отъ церкви, полная секуляризація всѣхъ  
общественныхъ учрежденій, уничтоженіе вліянія церкви  
на государственную, общественную и личную жизнь  
человѣка. Отъ церкви отнимается не только государствен-  
ная и общественная субсидія, но и ея собственное  
достояніе; забираются ея школы, и церковный элементъ  
изгоняется изъ свѣтскихъ школъ, удаляется все церков-  
ное изъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій  
и публичныхъ мѣстъ; закрывается организованная цер-  
ковно-общественная благотворительность; изгоняются  
конгрегаціи и духовныя лица изъ соціальной территории  
и службы; запечатываются монастыри; преслѣдуются  
религіозныя процессіи, ношеніе особыхъ одеждъ, обѣты  
бѣдности и цѣломудрія и т. д... Съ цѣлью вытравить  
вѣру изъ сердецъ народа, запрещается членамъ „со-  
ціального союза“ исполненіе религіозныхъ актовъ  
совмѣстно съ представителемъ какого-либо вѣроиспо-  
вѣданія, мобилизуется школа противъ церкви, учитель  
противъ священника, ведется дѣятельная пропаганда  
безвѣрія примѣромъ и обученіемъ въ школѣ и внѣ ея,

посредствомъ митинговъ и чтенія обильной популярной литературы, устраиваются грубо кощунственныя религіозныя манифестаціи и покушенія. Не брезгуютъ манить народныя массы разными материальными послулами. „Salus populi Suprema lex“,—вотъ чѣмъ оправдываются всѣ насилия и вся ложь соціалъ-демократіи. Словомъ, всѣ усилия направлены къ тому, чтобы скорѣе и лучше организовать изъ разныхъ трудящихся массъ антирелигіозный „пролетарскій блокъ“,—этотъ новый „пролетарскій“, или „соціалистический Пантеонъ“.

И все это для захвата власти и материальныxъ благъ въ мірѣ, якобы для счастья всѣхъ! Цѣною крови, лжи, потери вѣры въ Бога, цѣною потери всего великаго и святого въ человѣкѣ мечтаютъ купить общее благо. Какая утопія!..—И это называютъ „прогрессомъ“. Какое заблужденіе!..—И это предлагають на мѣсто христіанства. Какое паденіе!..

---

## ГЛАВА VI.

### **Необходимость самой серьезной борьбы съ научнымъ соціализмомъ.**

Итакъ, на арену жизни выступила новая могучая сила, объявившая всякой религіи и христіанству смерть. Въ этомъ смертномъ приговорѣ одна изъ двухъ главныхъ задачъ современаго соціализма. Церковь и Государство—вотъ его враги. Предъ борьбою съ ними отступаютъ всѣ другія стремленія соціализма и къ ней они сводятся. Все остальное служить для соціалъ-демократіи только средствомъ къ уничтоженію Церкви и Государства. Почему въ парламентахъ, какъ и въ нашей Государственной Думѣ, вопросы соціального характера, какъ-то: рабочій, аграрный и др., уступили первое мѣсто политико-религіознымъ распрамъ.

И это понятно. Матеріалистическое пониманіе исторіи діаметрально-противоположно основнымъ идеямъ релігіи и, въ частности, христіанства. Два міровоззрѣнія: материалистическое и христіанское будутъ въ вѣчной борьбѣ. И кто старался бы примирить научный соціализмъ съ христіанствомъ и чаянія его боевой партіи или соціалъ-демократіи съ стремленіями христіанской Церкви, тотъ получилъ бы полное право на титулъ „генерала отъ общественнаого затемнѣнія“.

Нужна борьба, борьба неотложная и весьма сложная. Недостаточно заявить, что современный соціализмъ противенъ христіанству. Нѣтъ!.. Намъ надо броситься въ пучину волнъ соціализма, и если не разбить ихъ совершенно, то хотя смирить ихъ ропотъ настолько, чтобы спасти возможно большее число утопающихъ и захлебывающихся мутью ихъ.

Но гдѣ возьмемъ мы средства? Гдѣ почерпнемъ силы для борьбы? Въ какое оружіе облечемся?

Наше оружіе—духовный мечъ, божественное слово Евангельской вѣсти и просвѣщенный ею человѣческій разумъ. Ими мы должны вырвать изъ рукъ соціализма его главное противъ нась оружіе—„пролетаріатъ“. На народныя массы мы должны направить всѣ наши силы. Но дѣйствовать врознь въ такой борьбѣ было бы и бесполезно и преступно. Намъ надо сплотиться. Форма сплоченія давно намъ завѣщана Апостоломъ: „братство возлюбите“,—пишетъ онъ. Только въ „братствѣ“, въ тѣсномъ взаимномъ единеніи мы найдемъ силу для борьбы, только черезъ „братство“ мы сможемъ придать нашей борьбѣ организованный видъ, только чрезъ него мы сможемъ вести борьбу по всему фронту. Отсюда, долгъ каждого изъ нась вступить въ „братскій союзъ“, расположить къ тому же и другихъ, насаждать эти союзы по городамъ и селамъ, чтобы уже одно

сплоченное число гребцовъ этой божественной ладьи  
смутило врага христіанской Церкви. И пусть по всему  
лицу земли русской пронесется полная моши пѣснь  
братскихъ гребцовъ:

„Други, гребите; напрасно хулители  
Мнятъ оскорбить насть своею гордыней:  
На берегъ скоро мы, волнъ побѣдители,  
Выїдемъ торжественно съ нашей святыней.

Верхъ надъ конечнымъ возьметъ Безконечное  
Вѣрою въ наше святое значеніе,  
Мы же поднимемъ теченіе встрѣчное  
Противъ теченія“!..

И. Айвазовъ.



# Программа для преподавания въ духовныхъ семинарияхъ свѣдѣй по обличенію соціализма \*).

## I.

### ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

#### къ программѣ преподаванія въ духовныхъ семинарияхъ об- личенію соціализма.

Пастырь церкви долженъ стоять на высотѣ запро-  
совъ современности. Онъ долженъ рѣшать ихъ въ  
духѣ ученія Христа и его святой православной Церкви.

Наше время съ его рѣзкою соціально-экономическою  
и политическою борьбою выдвинуло на первую очередь  
много новыхъ вопросовъ, которые настойчиво требуютъ  
къ себѣ усиленнаго вниманія и со стороны нашей бо-  
гословской литературы и со стороны нашей духовной  
школы, подготавлиющей пастырей Церкви.

Къ числу такихъ вопросовъ прежде всего надо от-  
нести вопросъ о соціализмѣ. Соціализмъ у насъ, какъ  
и на Западѣ, выступилъ въ качествѣ особаго міровоз-  
зрѣнія. Онъ быстро распространился преимущественно  
среди простого народа и рабочаго класса. Повсюду онъ  
породилъ новые думы и произвелъ смуту въ умахъ,  
сердцахъ и жизни народа. За разрѣшеніемъ новыхъ  
думъ и сомнѣній православныя овцы идутъ къ пасты-  
рямъ Церкви.

---

\* ) Эта „Программа“ составлена нами и утверждена опредѣленіемъ  
Святѣйшаго Синода, отъ 4—6 Июня 1909 г. за № 4899-мъ („Церк. Вѣл.“  
№ 26-й 1909 г.).

Между тѣмъ, пастыри Церкви, по новизнѣ дѣла, очень часто сами стоятъ въ раздумьѣ и не знаютъ, что отвѣтить своей паствѣ на ея запросы о соціализмѣ. Положеніе пастыря Церкви особенно является тяжелымъ, когда онъ сталкивается съ искусствомъ пропаганды соціализма, который часто ведетъ свое дѣло якобы подъ знаменемъ и во имя Христа, чтобы тѣмъ легче уловить въ свои сѣти христіанъ.

Вотъ здѣсь-то и должна прийти на помощь нашимъ пастырямъ духовная школа, особенно духовныя семинарии, откуда выходитъ большинство нашихъ пастырей. Духовныя семинарии обязаны ввести своихъ питомцевъ въ курсъ вопросовъ соціализма, обнажить предъ ними язвы соціализма, показать полную несовмѣстимость соціализма съ христіанствомъ и его враждебность ко Христу. Словомъ, духовныя семинарии должны дать своимъ питомцамъ, будущимъ пастырямъ Церкви, духовный мечъ для борьбы съ соціализмомъ и указать путь дальнѣйшаго уже на приходѣ заостренія ими этого меча. Наиболѣшее вниманіе должно быть обращено на самый боевой соціализмъ,—это на научный соціализмъ, который проводится въ жизнь соціаль-демократіей. Съ особеною тщательностью должно быть опровергнуто ученіе такъ-называемыхъ „христіанскихъ соціалистовъ“, утверждающихъ, что якобы Иисусъ Христосъ былъ соціалистомъ и даже революціонеромъ.

---

## II.

### ПРОГРАММА

для преподаванія въ духовныхъ семинарияхъ свѣдѣній по обличенію соціализма.

Выясненіе понятія о соціализмѣ вообще, какъ обѣ ученіи, требующемъ замѣны частной собственности на средства производства соціализацію или обобществленіемъ производи-

тельныхъ силъ. Въ такой соціалізаціі всякий соціалізмъ видить единственное и истинное счастье человѣка или его „земной рай“. Отъ такого строя материальной жизни человѣка всякий соціалізмъ ставить въ зависимость всю духовную его жизнь. Отсюда началомъ и концомъ жизни человѣка является земля. Отсюда всякий соціалізмъ является материалистическимъ и атеистичнымъ.

2. *Различные направления въ соціализме*, какъ-то: такъ-называемый „христіанскій соціалізмъ“, современный научный или Марковскій соціалізмъ, иначе называемый еще соціаль-демократическимъ, государственный или Лассалевскій соціалізмъ, ревізіонистскій, аграрный, революціонный и пр., — зависятъ отъ способовъ достижения разными соціалистами общей для всякаго соціализма цѣли.

3. *Наиболѣшо вниженія заслуживають*: такъ-называемый „христіанскій соціалізмъ“, какъ ведущій свое дѣло подъ знаменемъ и во имя Христа, съ цѣлью уловленія христіанъ, а затѣмъ соціалізмъ Марковскій, или такъ-называемая соціаль-демократія, какъ самая боевая, мощнай и самая опасная отрасль соціализма.

Такъ-называемый „христіанскій соціалізмъ“. Общность его цѣлей и задачъ съ другими соціалистами. Главное отличие его въ томъ, что онъ старается поставить себя подъ защиту Христа. Ложь утвержденія этихъ соціалистовъ, что якобы Христосъ быть соціалистомъ и революціонеромъ. Полная противоположность и несовмѣстимость христіанства съ соціализмомъ, какъ ученіемъ материалистическимъ и атеистическимъ. Неудача попытокъ въ различныхъ странахъ создать систему „христіанского соціализма“. Такія попытки завершились или: а) полнымъ отдаленіемъ вѣрующихъ христіанъ отъ соціализма, какъ отъ ученія нечистаго, или б) потерю христіанами вѣры въ Бога и Христа. Сознаніе несовмѣстимости христіанства съ соціализмомъ присуще и многимъ соціалистамъ. Другое же лицемѣрно, а иные по недорыслію твердятъ о возможности „христіанского соціализма“.

5. Такъ-называемый „современный“ или „научный соціализмъ“ *Маркса*, иначе именуемый просто *соціаль-демократіей*. Время его образованія. Краткое изложеніе его ученія. Сильное развитіе его въ Россіи особенно въ наше время. Атеистичность

и крайняя материалистичность социаль-демократического міровоззріння.

6. *Христіанство и соціал-демократія.* Христіанское міровоззрінне и социаль-демократія взаимно уничтожаютъ другъ друга; они до крайностей противоположны между собой: и въ мірѣ идей религіозныхъ, моральныхъ, правовыхъ, государственныхъ, политическихъ, общественныхъ, семейныхъ, индивидуальныхъ, и въ сферѣ научно-философской мысли, и въ мірѣ творчества и т. д. Христіанство связуетъ себя съ внутреннимъ человѣкомъ, почему и прогрессъ христіанской—внутренний, качественный; онъ завершается небомъ или загробной жизнью. Социаль-демократія, какъ и всякий социализмъ, наоборотъ, связываетъ себя съ вѣнчаниемъ человѣкомъ, ея прогрессъ—внѣшний, материальный, количественный и замыкается землею. Въ христіанствѣ материальное благо является лишь приложениемъ къ внутреннему совершенству человѣка; самоцѣнное блаженство—въ сердцѣ человѣка, наполненомъ любовью и единствомъ духа со всѣми во Христѣ. Социаль-демократія, наоборотъ, на всю духовную жизнь человѣка смотрить, какъ на случайную надстройку къ его экономикѣ, почему поставляетъ ее въ исключительную зависимость отъ того или другого состоянія экономической жизни людей, которая одна только имѣеть собственную цѣнность въ глазахъ социаль-демократовъ. Царство сытаго желудка—въ этомъ социалистической рай. Отсюда: а) провозглашенныя христіанствомъ идеи свободы, равенства и братства глубоко враждебны однозвучнымъ съ ними социалистическимъ идеямъ. Нося исключительную печать материальности, социалистическая свобода завершается рабствомъ, равенство превращается въ тиранію, а братство—въ нравственное одичаніе; б) въ то время какъ христіанство зоветъ къ всеобщей любви, къ миру и благоволенію,—социаль-демократія устраиваетъ междуусобную кровавую бойню и объявляетъ кровопусканіе своимъ догматомъ. Христіанскія пѣсни любви и милосердія она силится заглушить своими пѣснями войны и криками ненависти, зовущими на бой для захвата власти и богатствъ. Христіанство—это религія любви, „религія человѣческаго состраданія“, а социаль-демократія—это „религія человѣческой ненависти“.

7. *Отношніе соціалъ-демократіи къ религії вообще и къ христіанству особенно.* Нелѣпость принципіального воззрѣнія соціалъ-демократовъ на религію вообще и на христіанство въ частности, какъ на случайные продукты экономики времени появленія у каждого народа религіи и въ частности христіанства. Крайняя тенденціозность соціалъ-демократовъ и ихъ безцеремонность въ обращеніи съ фактами христіанской исторіи. Религія, какъ самый сильный тормазъ для торжества соціалистическихъ ідей. Соціалъ-демократія изгоняетъ всякую религію, какъ враждебную ея существу. Это изгнаніе осуществляется различными путями, совокупность которыхъ составляетъ особую *программу соціалъ-демократической церковной политики*. Главные пункты этой программы: а) извращеніе историческихъ событий въ христіанствѣ и даже отрицаніе самого факта жизни Иисуса Христа, б) извращеніе ідей христіанской благотворительности, равенства, свободы и братства, в) извращеніе всей христіанской морали и ея цѣлей, г) кощунственное отрицаніе Бога и всякой вѣры въ Него, д) прямые призывы къ уничтоженію Бога, религіи и особенно христіанства, е) вооруженіе пародныхъ массъ противъ христіанства путемъ внушенія народу мысли, что христіанство стоитъ на сторонѣ враговъ бѣднаго народа—капиталистовъ и правителей. Съ тою же цѣлью борьбы съ христіанствомъ соціалъ-демократы объявляютъ: то „нейтралитетъ къ Церкви“, то „религія есть частное дѣло“, то особая „государственныея педагогическія требованія“, то „свободу совѣсти“ и т. д.

8. *Отношніе инославныхъ церквей къ соціалъ-демократіи*, какъ къ принципіальному и злѣйшему врагу религіи, Церкви христіанской, государства, общества, семьи и личности.

9. *Несостоятельность основной идеи* соціалъ-демократіи—это ея ученія объ „экономикѣ“. Нельзя въ зависимость отъ экономическихъ отношеній между людьми ставить всю духовную или культурную ихъ жизнь: религію, мораль, право, науку, искусство и т. д. Самая идея соціалистического строя жизни людей образовалась у соціалъ-демократовъ прежде, чѣмъ наступили потребные для того материальные факторы. Изобрѣтеніе производительныхъ силъ предваряетъ собою ихъ появление и вліяніе ихъ на духовную жизнь человѣка. Аналогія между развитіемъ общественного строя и развитіемъ

въ области явлений природы непримлема, потому что въ первомъ развитіи главнымъ факторомъ является сознательная и творческая личность человѣка. Самы соціаль-демократы, не ожидая „естественного“ теченія экономики и наступленія ихъ „общечеловѣческаго соціального союза“, какъ необходимаго продукта сложившихся экономическихъ соотношеній между трудомъ и капиталомъ, употребляютъ всѣ усилия къ тому, чтобы названный строй явился и плодомъ ихъ личнаго творчества, чѣмъ въ корнѣ рушить свой „экономический“ принципъ. Несостоятельность „экономики“ въ дѣлѣ выясненія соціаль-демократіей вопроса о происхожденіи религіи вообще и христіанства въ частности, для чего потребовалось имъ извращать факты христіанской исторіи.

10. *Критика соціалистического государства* или „общечеловѣческаго соціального союза“. Его строй. Распределеніе въ немъ обязанностей. Припудительность работы вообще и обязанность работы въ той отрасли труда, которую предпишетъ отдельному лицу общество, въ частности. Полное порабощеніе въ „союзѣ“ личности стадностью. Умственное одичаніе и нравственное разложеніе. Попраніе самаго священнаго права человѣка—вѣры въ Бога. Изгнаніе религіи изъ „союза“. Отсутствіе какой-либо гарантіи даже материальнаго благополучія, въ силу полнаго подавленія дѣятельности свободной личности, что влечетъ за собою уменьшеніе работоспособности.

11. *Принципиальное и практическое жизненное отношение соціал-демократіи къ „пролетариату“*. Понятіе о „пролетаріатѣ“, какъ о рабочемъ, по преимуществу, классѣ, въ противовѣсь классу капиталистовъ. Стремленіе соціаль-демократіи захватить повсюду въ государствахъ въ свои руки политическую власть съ помощью организованного и вооруженного пролетаріата. Цѣль захвата власти—якобы единствено этимъ путемъ возможно улучшеніе материальнаго быта пролетаріевъ. Ученіе о прогрессивномъ обѣднѣніи пролетаріата и о невозможности улучшить его бытъ мирнымъ путемъ. — *Критика*: лживость утвержденія о „прогрессивномъ обѣднѣніи пролетаріата“ доказывается и жизнью рабочихъ въ разныхъ странахъ и внутреннимъ разногласіемъ по этому вопросу въ средѣ самихъ соціаль-демократовъ. Ложь утвержденія о невозможности путемъ мирныхъ соглашеній между трудомъ

и капиталомъ улучшить материальный бытъ рабочихъ. Примѣръ рабочихъ организаций въ Англіи, Франціи, Америкѣ. Отсюда вытекаетъ и ложь утверждения, что только путемъ захвата политической власти можно улучшить бытъ рабочихъ. Проблематичность всемирной диктатуры пролетариата. Иллюзорность пролетарского счастья при захватѣ политической власти. Сознаніе этого уже сказалось въ рабочихъ массахъ. Бѣгство рабочихъ изъ соціалистическихъ организаций. Появленіе чисто-трудовыхъ рабочихъ организаций, сторонящихся классово-политической борьбы. Стремленіе соціаль-демократовъ затормозить ростъ подобныхъ организаций и бросить пролетариатъ исключительно въ объятія борьбы за политическую власть. Отсюда ярко обнаруживается, что для соціаль-демократовъ благо пролетариата не является искомою цѣлью. Наоборотъ, у нихъ своя цѣль—это „ключъ къ властевованію“, и пролетариатъ является для нихъ только средствомъ къ достижению этой цѣли. Для ослѣпленія же пролетариата они манятъ его несбыточными посулами, всячески тормозя улучшеніе материального быта рабочихъ другимъ путями, вѣнѣ цѣлей соціаль-демократіи. Полная противоположность между принципіальными и конечными цѣлями у соціаль-демократіи съ опекаемымъ ею пролетариатомъ подтверждается и самимъ укладомъ жизни лидеровъ соціаль-демократіи, на соціаль-демократическихъ предпріятіяхъ и прочее. То же подтверждается и интеллигентскимъ составомъ соціаль-демократическихъ руководителей, чуждыхъ пролетариату и по духу, и по плоти. То же подтверждается и тою легкостью, съ какою соціаль-демократы бросаютъ толпы пролетаріевъ въ объятія „кроваваго Марксовскаго рая“.

12. *Необходимо для успешной борьбы съ соціализмомъ обратить вниманіе особенно еще на выясненіе съ христіанской точки зрения следующихъ жизненныхъ вопросовъ нашего времени: а) о частной собственности и общности имѣній, б) о добромъ и преступномъ богатствѣ, а равно о доброй и преступной бѣдности; обѣ истинной христіанской благотворительности; в) о необходимости и значеніи для человѣка труда и работы; г) о христіанской семье, — ея религіозной и соціальной задачѣ; д) о государствѣ — его цѣли, задачахъ и назначеніи, а равно о власти — ея происхожденіи, свойствахъ и назначеніи, ея правахъ и обязанностяхъ; о необходимости повини-*

новенія властямъ и о крайнемъ предѣлѣ повиновенія; е) объ истииной свободѣ, равенствѣ и братствѣ; въ частности. — о совмѣстимости свободы съ порядкомъ и законностью, а равенства и братства со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ; ж) о стачкахъ и забастовкахъ; з) о возмездіи за преступленіе, въ связи съ оцѣнкою одного и того же дѣйствія съ точки зрењія преступленія и съ точки зрењія возмездія или наказанія за преступленіе. Съ особеною обстоятельностью надо раскрыть, что: а) христіанство является защитникомъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, а „не оружиемъ классового господства“, какъ то учатъ соціалъ-демократы; б) христіанство спасаетъ людей отъ ужаснаго духовнаго и экономического рабства, въ которое повергаетъ ихъ соціализмъ; в) христіанство проповѣдуетъ любовь ко всѣмъ людямъ, оно является „религіею человѣческаго состраданія“, а соціалъ-демократія особенно проповѣдуетъ междуусобную кровавую бойню и является „религіею человѣческой ненависти“.

13. Для практической борьбы съ соціализмомъ надо внушать питомцамъ семинарій,—будущимъ пастырямъ: а) потребность дѣятельного христіанства, какъ родника дѣлъ любви и благотворительности къ страждущимъ духовно и тѣлесно; б) потребность въ самомъ широкомъ содѣйствіи подъ кровомъ Церкви различнымъ религіозно-просвѣтительнымъ и благотворительнымъ организаціямъ, особенно въ мѣстахъ скопленія рабочаго класса; в) насущную потребность въ отрезвленіи народа собственнымъ примѣромъ и посредствомъ организаціи подъ кровомъ Церкви „братьствъ“ и обществъ трезвости; г) необходимость пастырского воздействиа на улучшеніе взаимоотношеній между работодателями и рабочими, къ обоюдному ихъ соглашенію и т. под.

14. Вообще надо, чтобы каждый питомецъ духовной семинаріишелъ въ пастыри съ твердою мыслью о неотложной необходимости дѣлами своими въ средѣ труждающихся и обремененныхъ прославлять Церковь свою и тѣмъ вырывать изъ коварныхъ сѣтей соціализма заблудшихъ чадъ Церкви.

III.

ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦІАЛИЗМУ.

(Ко программа для духовных семинарий).

*Айазовъ, И. Г.* Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Ц. 25 коп., съ перес. 30 к.

*Амвросій, архієп. Харківський.* О павперизмѣ. О неравенствѣ состояній. О правѣ собственности, по ученію христіанскому. (Полн. собр. пропов. Харьковъ. 1902 г. Т. II. III).

*Антоній, архієп. Волинський.* Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Іисусъ Христосъ былъ революціонеромъ. — Ц. 20 коп.

*Боголюбовъ Н. свящ.* — Новый соціализмъ, его теорія и практика. (Изд. журн. „Голосъ Церкви“). Ц. 40 коп.

*Больс, А. Л. проф.* — „Христіанство и демократія. Христіанство и соціализмъ. Ц. 20 коп.

*Бронзовъ, проф.* — Десятословіе и соціаль-демократическая мораль. („Странникъ“, 1906 г. Окт.).

*Введенскій, А. И. проф.* — Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача. Ц. 50 коп.

*Величынъ.* Соціальное равенство. Торжество соціализма. Ц. 1 р.

*Владиміръ, митроп. Московський.* Къ богатымъ и бѣднымъ. Соціальная задача семьи. Работа въ свѣтѣ матеріализма и христіанства. Вечернія собесѣданія между крестьяниномъ, фабричнымъ, рабочимъ и священникомъ. Наша пастырская задача въ борьбѣ съ соціаль-демократическою пропагандою. О труда и собственности. О рабочемъ вопросѣ. Наука и религія. Доказательства бытія Бога. Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ.

*Вороновъ.* — Прергрупенія соціализма. Ц. 5 коп.

*Галаховъ, — свящ.* — Соціалистическая утопія и христіанскія начала человѣческой жизни. Ц. 30 к.

*Генцъ.* Соціализмъ. Ц. 1 р. 20 к.

*Григорьевъ, — проф.* — Разборъ мінній представителей современного соціализма о происхожденіи христіанства. („Правосл. Собесѣдн.“ 1903 г. № 2).

*Д. А. Н.* Ницета и богатство, по ученію Спасителя („Вѣра и Церковь“ — 1900 г. № 7).

*Иванцовъ-Платоновъ*, — проф. прот. — Христіанское учение о любви къ человѣчеству, сравнительно съ крайностями учений соціалистическихъ. За 20 лѣтъ священства. Москва. 1884 г.

*Катреинъ*. Соціализмъ (Авторизован. перев. съ 9-го нѣм. изд. свящ. Н. Липского). Ц. 1 р. 50 к.

*Кожевниковъ*. Отношение соціализма къ религіи вообще и христіанству въ частности. Ц. 40 коп.

*Кунцевичъ*. Изложение и разборъ учения соціализма. Ц. 10 к

*Проф. Массарикъ*. Критика марксизма. Ц. 10 коп.

*Его же*. Философскія и соціальныя основы марксизма. Ц. 2 р.

*Пибоди*. Иисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. Ц. 1 р. 25 к.

*И. В. Покровскій*. Соціализмъ съ древнѣйшихъ временъ и христіанское учение. Ц. 50 коп.

*Полозовъ, А.* — Экономический матеріализмъ и религія. („Вѣра и Церковь“. 1903 г. №№ 3 и 5).

*Рихтеръ*. Соціаль-демократическая картинки будущаго.

*Рождественскій, А. Я.* Краткое руководство къ обличенію соціализма. Ц. 75 коп.

*Розановъ*. Соціально-экономическая жизнь и Евангеліе. („Православно-Русское Слово“, 1904 г. № 7).

*Стеллецкій*. Соціализмъ — его история и критическая оценка съ христіанской точки зренія.

*Тихомировъ, А.* Демократія матеріальная и соціальная.

*Тихомировъ, Л.* Соціально-политические очерки:

Очеркъ I. Гражданіе и пролетарій. Ц. 10 коп.

Очеркъ II. Заслуги и ошибки соціализма. Ц. 10 коп.

Очеркъ III. Илоды пролетарской идеи. Ц. 10 коп.

*Флейшиманъ*. Противъ соціаль-демократіи. Перев. съ нѣм. М. В.

*Шараповъ*. Соціализмъ, какъ религія ненависти. Москва. Ц. 5 коп.

*Щелковъ*. Можно ли отождествлять христіанство съ соціализмомъ. Ц. 20 коп.

*Подробное изложение суждений и постановлений четвертаго Всероссийского Миссионерского съезда въ Кіевѣ по вопросамъ обличенія соціализма имѣется въ книгѣ И. Айвазова: „Обновленцы и староцерковники“. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.*

## Библіографія.

### „Блуждающее богословие“ Θ. Мельникова.

Подъ такимъ заглавіемъ вышло въ Москвѣ сочиненіе въ своемъ родѣ известнаго раскольническаго начетчика Θ. Мельникова. Это сочиненіе является яркимъ постазателемъ *подлиннаго* отнoшenія „передоваго старообрядчества“ къ Православной Церкви, почему мы и обращаемъ на него свое вниманіе.

Казалось, прежде всего, что Θ. Мельниковъ, назвавъ таkъ свое сочиненіе, дастъ читателямъ критической обзоръ *православнаго книжнаго богословія*. Однако, авторъ на протяженіи всего сочиненія тщится доказать „*еретичество господствующей церкви въ основныхъ ея догматахъ*!.. Подмѣнивъ заглавіе другимъ содержаніемъ, авторъ далѣе выводить мнимую причастность православной церкви различнымъ ересямъ не изъ разсмотрѣнія общепринятыхъ въ церкви символовъ и соборныхъ опредѣленій, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а изъ отрывочныхъ искусственно подобранныхъ фразъ отдельныхъ писателей, часто даже не богослововъ, а простыхъ публицистовъ, въ родѣ Меньникова, Розанова, Свѣнцицкаго и др..., изъ которыхъ некоторые и сами считаютъ себя далеко *не* православными!.. На протяженіи всего сочиненія г. Мельниковъ только тѣмъ и занимается, что уличаетъ въ противорѣчіяхъ и неточніяхъ, иногда ошибочныхъ, выраженіяхъ лишь частныхъ православныхъ и неправославныхъ писателей и, затѣмъ, каждый разъ эти противорѣчія и неточности усвояетъ уже самой церкви (!)—(см. напр. стр. 17, 23, 26, 43, 46, 48, 101, 133, 241 и др.).

Ясное дѣло, что такая постановка доказательствъ не только неправильна, но и недобросовѣстна. Допустимъ на время,

что все противоречия, ошибки, еретические мысли, выискаанныя старательно и *тенденциозно* Мельниковым въ сочиненияхъ именно православныхъ богослововъ и небогослововъ, дѣйствительно, имѣли мѣсто,—какое же право отсюда заключать о причастности къ этимъ заблужденіямъ и противоречіямъ самой Православной Церкви?!. Конечно, никакого. Вѣдь не дѣлается же подобныхъ заключеній о церкви древней, когда у нея встрѣчались среди вѣрующихъ люди съ ошибочными богословскими взглядами и даже еретическими мыслями, когда тамъ были и Оригены, и Феодориты, и Евсевій и многие явные еретики, и, конечно, не усвоить и самъ Мельниковъ ошибокъ и погрѣшностей отдельныхъ расколоучителей и книгъ старопечатныхъ такъ называемой „церкви старообрядствующей“?!. Что бы сказалъ Мельниковъ, еслибы, на основаніи сочиненій протоп. Аввакума и діакона Федора, или Арсенія Швецова и Павла Бѣлокриницкаго, сталъ кто-либо уличать „старообрядствующую церковь“ въ содержаніи еретического ученія о Св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ, о Пресвятой Богородицѣ и т. п., или на основаніи отдельныхъ искусственно - выбранныхъ мѣстъ книги Кирилловой, Большого Катехизиса, Книги о вѣрѣ,—въ ересяхъ латинскихъ?!. А вѣдь у раскольническихъ писателей-полемистовъ съ самыхъ первыхъ временъ и до послѣднихъ столько неосторожныхъ выражений, противоречий, ошибочныхъ и даже прямо еретическихъ мыслей, что о „*Блуждающемъ Богословіи* старообрядствующей церкви“, на основаніи ихъ, можно было бы написать гораздо больше и основательнѣе, чѣмъ это кое-какъ состряпалъ Мельниковъ якобы о „богословіи“ Православной Церкви... Но если такъ писать,—значитъ писать сознательную и тенденциозную неправду; почему и вся брошюра Мельникова, при такой ея постановкѣ, должна быть признана въ самой своей основѣ завѣдомо тенденциозной и явно вздорной нелѣпицей. Присматриваясь, частнѣе, къ самому содержанію брошюры, мы видимъ, что Мельниковъ задался цѣлью убѣдить читателей въ томъ, что все богословіе господствующей церкви и ея символическая книги якобы проникнуты началами латинства, протестантизма и даже атеизма (1, 2 и 4 главы); во 2-хъ, Церковь православная якобы еретичествуетъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ (гл. 5), о Богородицѣ (гл. 6), о человѣческомъ зачатіи (гл. 7), въ

ученіи о церкви (гл. 8) и въ З-хъ—она якобы блуждаетъ въ ученіи о всѣхъ семи таинствахъ (гл. 9—15). Но какъ же Мельниковъ строитъ свои доказательства предъявленныхъ имъ къ церкви обвиненій?

Причастность православной церкви къ латинству, протестантизму и атеизму онъ выводить не изъ ученія ея, а изъ отрывочно-взятыхъ и при томъ общихъ выраженій „Церковнаго Вѣстника“, архіеп. Амвросія, еп. Евдокима, прот. Свѣтлова, Свѣнцицкаго и т. п., скорбящихъ-де о недостаткахъ въ постановкѣ нашего школьного богословія и упадкѣ современной нравственности!.. Еретичность символическихъ книгъ Мельниковъ доказываетъ не изъ содержанія самыхъ книгъ, а изъ общихъ фразъ, вполнѣ неосновательного и притомъ плохо понятаго имъ отзыва о юго-западной письменности іер. Тарасія, заблужденія котораго обличены, наприм., въ „догматическомъ богословіи“ прот. Малиновскаго (т. IV примѣч. на стр. 24).

Неправильное ученіе о Сынѣ Божіемъ, содержимое якобы православною церковью, явствуетъ, по Мельникову-де, изъ того, что профессора дух. академій якобы „въ Божественность Христа не вѣрють“, а „Странникъ“-де похвалилъ книгу Лейтона—„Иисусъ Христосъ и современная цивилизация“, Бухаревъ слово „Христосъ“ неправильно объяснилъ въ своемъ учебникѣ по закону Божію, и священникъ Кремневскій гдѣ-то на собраніи якобы высказалъ мнѣніе, что „жертва искупительная была принесена не Богу, а сатанѣ“ и т. д!..

О Пресвятой Богородицѣ православная церковь еретичествуетъ, по словамъ Мельникова, потому, что въ „Жезлѣ правленія“ высказано частное мнѣніе Симеона Плоцкаго о непорочномъ ея зачатіи.

„Оригенову ересь“ о человѣческомъ зачатіи Мельниковъ узрѣлъ въ нашей церкви изъ того, что въ томъ же „Жезлѣ“ высказано не чуждое и св. отцамъ мнѣніе объ одушевленіи человѣческаго тѣла уже по принятіи имъ человѣческаго образа, хотя Оригена ересь вовсе не въ томъ заключалась.

Въ ученіи о таинствѣ крещенія церковь еретичествуетъ де тѣмъ, что, содержа трехпогружательное крещеніе, однако принимаетъ латинянъ безъ перекреціванія; и далѣе, требуя оглашенія, однако допускаетъ случаи, когда чукчи изъ-затабаку крестятся по два раза!..

Въ учениі о таинствѣ муропомазанія ересь церкви проявляется-де, по Мельникову, въ томъ, что, по утвержденію богослововъ, муропомазаніе, совершенное надъ митроп. Амвросіемъ въ Бѣлой Криницѣ, смазало съ него благодать архіерейства...

Въ учениі о причащеніи церковь православная не права-де, по Мельникову, тѣмъ, что въ „Жезлѣ Правленія“ моментъ пресуществленія св. даровъ отнесенъ къ словамъ Господа: „пріимите ядите“ и проч. и что единовѣрцамъ она позволила совершать литургію на 7-ми просфорахъ, вопреки собору 67 года...

Въ вопросѣ о таинствѣ священства ересь православной церкви сказалась, по Мельникову, въ томъ, что нѣкоторые ея богословы относятъ начало священства задолго до пятидесятницы (м. Григорій, Филаретъ, Макарій и др.), другіе ко дню пятидесятницы (миссіонеры школы Павла Пруссакаго); одни за австрійскимъ священствомъ не признаютъ благодати, а другіе считаютъ возможнымъ принять австрійское духовенство, въ случаѣ обращенія его къ православію, въ существѣ санѣ...

Въ этомъ родѣ ереси усмотрѣны Мельниковымъ въ учениі православной церкви и обо всѣхъ остальныхъ таинствахъ. По этому краткому содѣржанію брошюры Мельникова, можно судить насколько недобросовѣстно и бездоказательно онъ задумалъ свое „блуждающее богословіе“. Конечно, онъ и самъ прекрасно знаетъ, что ни одной изъ перечисленныхъ имъ ересей православная церковь отнюдь не содѣржитъ, да и давно уже „старообрядцы“ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (Ксеноѣ, Навель Великодворскій, цѣлый рядъ единовѣрцевъ) признали публично, что въ церкви православной ересь никакихъ нѣтъ и, однако,—въ 20 вѣкѣ „передовой старообрядецъ“ продолжаетъ повторять и вновь „доказывать“ завѣдомую неправду. Какова же должна быть цѣна такому сочиненію?!

Сообщивъ неправильную, завѣдомо тенденціозную общую постановку своему сочиненію, Мельниковъ не останавливается и предъ преднарѣнною ложью тамъ, гдѣ нужно какое-либо положеніе подтвердить, а аргументовъ подъ руками не достаетъ, не стѣсняется также, гдѣ полезно для него, не дочитать приводимой выдержки, или сдѣлать передержку.

Такъ, доказывая въ 10-й главѣ, что все русское священство православнымъ муромъ смазано еще при патр. Никонѣ, Мельниковъ выписываетъ изъ „путешествія“ Павла Алепскаго разсказъ о совершеніи елеопомазанія п. Никономъ и Макаріемъ въ великой четвертокѣ и выдаетъ это какъ фактъ всеобщаго въ Успенскомъ соборѣ муропомазанія!.. Утверждая, что „Жезль Правленія“ моментъ пресуществленія св. даровъ пріурочиваетъ къ словамъ „пріимите ядите“, авторъ намѣренно не dochитываетъ дальнѣйшихъ словъ „Жезла“ на стр. 47, изъ которыхъ ясно видно, что самъ Симеонъ Полоцкій не раздѣляетъ этого латинскаго мнѣнія!.. Такжѣ намѣренно не точно приведена выдержка изъ „Жезла“, когда надо было обвинить православную церковь въ содержаніи догмата о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы, тогда какъ точный текстъ на стр. 35 даетъ неоспоримое право усвоять эту мысль лишь какъ личную Симеону Полоцкому, которую даже онъ самъ не выдаетъ за обязательную и безспорную, а Мельниковъ навязываетъ ее даже собору 1667 года!..

Преднамѣренно неправильно приведена выдержка и изъ „Праціцы“ и „Скрижали“ на стр. 39 обѣ „Единосущномъ Сынѣ Божіемъ“ въ еретическомъ приложеніи Его свойствъ по воплощенню Богу Отцу,—и много другихъ...

Пользуясь такого свойства аргументаціей, при указанной фальшивой постановкѣ всего сочиненія, авторъ, однако, какъ то и подобаетъ раскольническому начетчику, намѣренно не признаетъ слабости своихъ доводовъ, а наоборотъ проникнуть повидимому даже чрезмѣрной самоувѣренностью!.. Онъ твердо „убѣждентъ“ въ неоспоримости своихъ доказательствъ въ отношении еретичности православной церкви, что рѣшилъ даже торжественно и смѣло сжечь всѣ старые корабли, на которыхъ зиждало „свое спасеніе съ древнѣйшихъ временъ „старообрядство“, — съ первыхъ же строкъ своего сочиненія онъ ниспровергнулъ всѣ основанія, на которыхъ поконилось прохожденіе и дальнѣйшее существованіе раскола: „До настоящаго времени, пишетъ онъ на стр. 1-й, все еще существуетъ взглядъ на старообрядчество какъ на обрядовѣrie, церковный расколъ поконится будто бы только на такихъ вопросахъ, какъ сугубая аллилуїа, перстосложеніе, начертаніе именъ Христа Спасителя“ и т. п. Мельниковъ-же до основанія разрушаетъ этотъ взглядъ на русскій церковный ра-

сколь; онъ увѣряеть, что господствующая церковь разногласить-де съ „старообрядчествомъ“ въ основныхъ догматахъ церковныхъ и изъ-за этого-де „старообрядцы“ отѣляются отъ церкви, а не изъ за обрядовъ!! Ясное дѣло, что такое смѣлое заявленіе, такое рѣшительное отреченіе отъ древнѣйшихъ устоевъ раскола могло произойти только на почвѣ надменной самоувѣренности автора, что онъ своимъ способомъ полемики откроетъ Америку. Не смогъ понять современный адвокатъ „старообрядства“, что своей тщетной попыткой выискать ереси въ ученіи Православной Церкви онъ уподобляется невѣжественнымъ древнимъ расколоучителямъ, современнымъ темнымъ безпоповцамъ, и невѣжественнымъ писателямъ въ родѣ Геннадія Пермскаго, отличившагося между австрійскими мужиками—епископами, какъ извѣстно, изданіемъ пресловутой „Паноплії“. Эта Паноплія, къ стыду „старообрядческаго епископата“, сумѣла изыскать въ православной церкви свыше 30 ересей. Но—„quod licet bovi, non licet jovi“,—скажемъ мы въ примѣненіи къ г-ну Мельникову, любящему блеснуть и иностранной фразой!.. Что нибудь одно: или „Блуждающее богословіе“ Мельникова есть плодъ ума невѣжественнаго, именно блуждающаго богословія, или, что всего вѣрнѣй, оно есть профессиональное произведеніе на заказъ съ опредѣленной цѣлью создать пасквиль на православную церковь въ духѣ „освободительного старообрядчества“, или что тоже въ духѣ „старообрядческаго журнала „Церковь“. Мельниковъ, однако, намъ представляется не столь невѣжественнымъ, какъ заставляетъ думать это его произведеніе, а потому мы склонны болѣе обвинять его въ преступной профессиональной преднамѣренности.

Что Мельниковъ писалъ намѣренный пасквиль на православную Церковь,—это видно особенно именно по тону произведенія. На протяженіи всего текста „Блуждающаго богословія“, какъ изъ „гнилыхъ усть“, сыплются плохаднаго характера глумленія Мельникова по адресу Православной Церкви и ея богослововъ, и послѣднихъ притомъ не какъ частныхъ мыслителей, а какъ выразителей-де Церковнаго ученія... Чтобы не быть голословными, укажемъ для примѣра нѣкоторыя страницы, характеризующія сочиненіе съ указанной стороны: 28, 67, 72, 80, 86, 89, 99, 100, 110, 115, 120, 121, 131, 138, 141, 147, 168, 182, 186, 218, 229, 233 и др.

Не останавливается Мельниковъ даже предъ ужаснымъ богохульствомъ надъ таинствами св. церкви, каковыя богохульства мы, не только по религіозному чувству, но и по чувству простой литературной порядочности, не можемъ выписывать<sup>1)</sup>...

И кромъ всего этого, почти каждая глава „Блуждающаго богословія“ сопровождается неподходящимъ для серьезнаго полемического произведенія низкій пробы скалозубствомъ по адресу православія и его богослововъ!..

Невольно спросимъ себя, прочитавъ такое полемическое сочиненіе, зачѣмъ издается такая литература?!. Если въ 17—18 столѣтіяхъ попускалась, по грубости, нравовъ, брань въ дѣлахъ религіи, то въ 20-мъ вѣкѣ это является уже печальнымъ анахронизмомъ, характеризующимъ лишь среду, изъ которой выступаетъ писатель. Бранью никого нельзя убѣдить... Мирная бесѣда, уваженіе и предупредительность къ оппоненту только и могутъ привести къ соглашенію, а не невѣжественно—самоувѣренное, злобное и дурного тона хульное и даже кощунственно-богохульное краснобайство, какимъ сплошь является „Блуждающее Богословіе“ Мельникова. Въ этомъ „Блуждающемъ Богословіи“ мы находимъ и разительное доказательство безплодности надеждъ на сближеніе раскольниковъ съ Православной Церковью, едва только воцарится—де у насъ „свобода совѣсти“!. Вѣдь судьбы раскольничьей массы въ рукахъ гг. Мельниковыхъ и *самое меньшее*, чѣмъ они могутъ откликнуться на любовный призывъ Православной Церкви къ единенію,—это послать по ея адресу тьму богохуленій и кощунствъ, а равно и бездонную пропасть неистовой злобы съ отборною бранью изъ своего раскольничьяго лексикона... Ну, а *большаго* мы дождемся отъ расковоождѣй при большемъ расцвѣтѣ у насъ „свободы совѣсти“...

Н. Виноградскій.



1) За богохульство въ „Блужд. Богосл.“ Мельниковъ привлеченъ къ ответствен. по 73 ст. Угол. Улож.

## Церковная хроника.

### Московский Отдѣлъ Православнаго Камчатскаго Братства.

Подъ гостепріимною сѣнью Московскаго въ Кремль Чудова монастыря въ прошломъ году 27 Октября состоялось торжественное открытие *Московскаго Отдѣла Православнаго Камчатскаго Братства*. Подробно о томъ, каковы задачи и цѣли этого Отдѣла Братства, какъ и вообще Камчатскаго Братства,— мы скажемъ послѣ, въ самомъ скромъ времени. Наша редакція имѣеть для этого свѣдѣнія изъ первоисточника, отъ непосредственныхъ дѣятелей Камчатскаго Братства, доставившихъ намъ и полные жгучаго церковнаго интереса фотографическіе снимки изъ дѣятельности Камчатской православной миссіи. А въ этотъ разъ мы отмѣтимъ лишь, что Московскій Отдѣлъ Камчатскаго Братства, подъ благостнымъ водительствомъ Московскаго Архипастыря Митрополита Владимира и благодаря неусыпнымъ трудамъ намѣстника Чудова монастыря архимандрита Арсенія, процвѣтаетъ и не одну слезу бѣдныхъ Камчадаловъ уже отеръ любвеобильною рукою обители святителя Алексія. На общемъ собраніи членовъ Московскаго Отдѣла Камчатскаго Братства намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній произнесъ вѣсмѣ задушевную рѣчъ о цѣляхъ и нуждахъ Братства, каковую рѣчъ мы и печатаемъ къ свѣдѣнію ревнителей о христіанскомъ просвѣщеніи и благотвореніи:

„Дорогіе братія! Счастливы мы съ вами, что живемъ здѣсь,—въ этой обильной всякими духовными и земными благами странѣ—Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, чего только у насъ нѣтъ.—И хлѣбъ бѣлый и разнообразные плоды земные: на нашихъ поляхъ и дубравахъ пасутся стада овецъ, коровъ, отъ которыхъ мы имѣемъ полезную и пріятную пищу. Жилица наши, хотя подъ часъ бываютъ и бѣдныя, но свѣтлыя и теплыя, одежда наша хотя и простая, но удобная и не вредная для здоровья. А природа то, природа! Какъ взойдетъ солнце красное, какъ обогрѣть оно нашу землю матушку, какое разнообразіе цвѣтовъ тогда на поляхъ у насть

появится, хоръ птичекъ запоеть, а воздухъ ароматомъ и благоуханіемъ наполняется. Намъ и зима не страшна, а также нами съ нетерпѣніемъ ждется и точно безъ нея намъ не обойтись, точно она намъ дастъ здоровье, и счастіе. А какое обиціе у насъ духовныхъ благъ: вездѣ святыни, вездѣ храмы Божіи, насъ учать грамотѣ, мы знаемъ, что на всемъ бѣломъ свѣтѣ дѣлается... Оцѣни же, дорогой братъ, всѣ сіи блага, тебѣ Богомъ посылаемыя, и благодари Его, Господа, за особое къ тебѣ благоволеніе...

Но вотъ далеко отъ насть, но на нашей же землѣ, землѣ Русской живутъ бѣдные Камчадалы... Природа у нихъ суровая, вѣчно холодная, пища у нихъ одна рыба супоная, жилище у нихъ непріятное, оно у нихъ въ землѣ дѣлается—безъ печей, безъ трубъ, кострами обогрѣвается, оттого то всегда у нихъ дымомъ пахнетъ. Одежда у нихъ изъ шкуръ животныхъ, прямо на тѣло надѣвается, оттого въ ней много наськомыхъ заводится. А кто имъ дастъ блага духовнія? они и рады бы имъ, но нужны міссионеры, нужны церкви, нужны книжечки и иконки... Бѣдные наши братя, кроткіе Камчадалы... Кто же вамъ поможетъ, кто вамъ посочувствуетъ! О, порадуйтесь же наши далекіе братія. Далеки вы отъ насть, мы не знаемъ васть, но сердцемъ мы съ вами; когда мы услыхали о васть, то пролили слезу сочувствія и готовы чѣмъ кто можетъ, помочь. Кто же эти сочувствующіе? Это братя, вы здѣсь присутствующіе. Нельзя не похвалить вашей любви, вашего усердія. Сказать вы богаты, ничего не стонть вамъ удѣлить отъ избытка своего. Но хорошо, я знаю ваши средства, ваши труды. Вы, простые труженики и труженицы Божіи, въ потѣ лица своего добываете себѣ пропитаніе. Но вотъ вы находите для себя возможнымъ и на доброе дѣло удѣлить свою трудовую лепту. Видя вашу скудость, нельзя не подивиться вашему усердію, а видя ваши слезы состраданія къ далекимъ нашимъ братьямъ Камчадаламъ—невольно умиляешься духомъ и прославляешь за васъ Христа. Что же вызываетъ у васъ такое сочувствіе, что дѣлаетъ васъ такими добрыми? Ваша любовь ко Христу, ваше стремленіе къ спасенію души... Ахъ любовь, любовь христіанская, ты любовь, уже здѣсь на землѣ дѣлаешь людей ангелами..."